

INSPIRIA

СЕВЕРНАЯ СТОРОНА СЕРДЦА

ДОЛОРЕС
РЕДОНДО

ЭТО МЕСТО, В КОТОРОМ ЗАРОЖДАЮТСЯ САМЫЕ
СТРАШНЫЕ УРАГАНЫ. И ОНО — В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ...

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Долорес Редондо

Северная сторона сердца

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.134.2-312.4 ББК 84(4Исп)-44

Редондо Д.

Северная сторона сердца / Д. Редондо — «Эксмо», 2019 — (Ток. Национальный бестселлер. Испания)

ISBN 978-5-04-177439-4

Когда Амайе Саласар было двенадцать лет, она потерялась в лесу. На рассвете ее нашли в тридцати километрах к северу. Одежда Амайи обгорела, как у средневековой ведьмы, вытащенной из костра, — а кожа, напротив, была белая, чистая и холодная, словно девочка только что вышла изо льда... Спустя годы Амайя, молодой детектив из Памплоны, проходит учебу в Академии ФБР в Вирджинии. Она уже давно не новичок — ее навыки и послужной список вызывают изумление. Но и это не обычный учебный курс. Агент ФБР Алоизиус Дюпри уже хорошо знаком с умениями Амайи, ее интуицией и способностью понимать зло. Теперь ему нужна ее помощь в охоте на неуловимого серийного убийцу по прозвищу Композитор, жертвами которого становятся целые семьи. Причем свои жуткие дела маньяк творит только в условиях ужасающих стихийных бедствий. Его след приводит Дюпри и Амайю в Новый Орлеан. Часы тикают — вот-вот разразится Катрина, сильнейший ураган в истории города. Амайе придется пройти по пути, столь же темному, как надвигающаяся буря. Но он ей уже хорошо знаком...

УДК 821.134.2-312.4 ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-177439-4

© Редондо Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	23
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	62
Глава 13	69
Глава 14	71
Глава 15	75
Глава 16	79
Глава 17	82
Глава 18	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Долорес Редондо

Северная сторона сердца

© Беленькая Н.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Айторе и Джун за то, что отказались «плыть дальше», чтобы побыть со мной. Это настоящая привилегия.

Эдуардо. Всегда и во всем.

Моему агенту Анне Солер-Понт за ее вклад, руководство и неустанную, кропотливую работу. Спасибо, что была «плохим копом» в моих романах и отличным советником в реальной жизни. Спасибо от души – и вперед!

Мариш Кардона за то, что поддерживала мое вдохновение, решимость и радость и показала, что все получается лучше, если делать это с улыбкой. Спасибо, что сделала этот путь легче.

Рикардо Доминго. Ты по-прежнему умеешь видеть невидимое. Уже столько лет...

В память о Хосе Антонио Аррабале, который умер в неизвестности, но не в забвении. Спасибо, что был моим читателем до конца.

Эта книга входит в цикл романов, вдохновленных севером. В некоторых из них главный герой – Амайя Саласар; в других персонажи и сюжетные линии переплетаются вместе, создавая общую вселенную, в которой север – не сторона света, а связующая нить.

Потому что самое пустынное место в мире – это северная сторона человеческого сердца.

Пролог

Элисондо

Когда Амайе Саласар было двенадцать, она заблудилась в лесу, где провела в общей сложности шестнадцать часов. Ее нашли ранним утром в тридцати километрах севернее от того места, где она сбилась с пути, – измученную проливным дождем, в одежде, изорванной и закопченной, как у средневековой ведьмы, чудом спасшейся от костра; при этом кожа ее была белой, чистой и прохладной, словно Амайю только что достали из льда.

Девочка уверяла, что почти ничего не помнит о том, что с ней произошло. После того как она сбилась с тропы, в ее памяти сохранились лишь обрывки, состоящие из повторяющихся вновь и вновь кадров. Головокружительная скорость сменяющихся воспоминаний напоминала праксиноскоп Рейно, в котором последовательная смена изображений создает эффект движения. Иногда Амайя спрашивала себя, действительно ли она бродила по лесу или, может быть, просто сидела все это время, глядя на одно и то же дерево. Не подвергся ли ее мозг какому-то гипнозу, который навсегда запечатлел в ее сознании этот образ?

Это было самое обычное воскресное утро, когда она отправилась на прогулку со своей собакой по кличке Ипар, в составе группы любителей пешеходного туризма из Аранцы, к которой она присоединилась прошлой весной. Амайя любила лес, но в первую очередь ей хотелось порадовать тетю Энграси, которая не один месяц твердила, что ей нужно больше двигаться. Обе понимали, что гулять по деревне – не вариант. В прошлом году ее прогулки делались все более короткими, пока не свелись к дороге до школы и обратно, а также воскресным походам с тетушкой в церковь. Остальное время Амайя сидела дома, смотрела на огонь в камине, читала или делала уроки, помогала тетушке убираться или готовить. Она использовала любой предлог, чтобы лишний раз не выходить на улицу. Любое оправдание, чтобы не знать о том, что происходит в деревне.

Она всегда говорила, что помнит лишь одно: как смотрит на дерево, и больше ничего... хотя это было не совсем так. В памяти Амайи сохранилось не только дерево, но и гроза... и дом посреди леса.

Когда она пришла в сознание, у ее больничной койки стоял отец. У него было бледное лицо, мокрые от дождя, прилипшие ко лбу волосы и покрасневшие от слез глаза. Увидев, что дочь очнулась, он заботливо склонился над ней; выражение его лица разрывалось между беспокойством и облегчением. Это измученное лицо вызвало у нее прилив такой сильной нежности, что в ней можно было захлебнуться. Она так любила его... Амайя уже собиралась сказать отцу об этом, когда почувствовала легкое прикосновение теплых губ к своему уху:

– Амайя, никому ничего не рассказывай. Если ты меня любишь, сделай это ради меня. Ничего не говори.

Любовь, которую она всегда испытывала к отцу, тисками сдавила ей грудь. Слова, способные выразить всю глубину ее чувств, замерли где-то внутри, подобно болезненному воспоминанию, и умерли у нее на языке. Не в силах издать ни звука, Амайя кивнула. И это молчание стало последней тайной, которую она сохранила ради отца, – а заодно и причиной, по которой перестала любить его.

Часть I

Композитор все время думает о своем незаконченном произведении.
Стравинский

Мертвые делают что могут.
Энграси Саласар

Глава 1 Альберт и Мартин

Бруксвилл, штат Оклахома
АЛЬБЕРТ

Одиннадцатилетний Альберт был довольно послушным мальчиком, но в день, когда произошли убийства, он ослушался родителей. Не потому, что ему нравилось вести себя всем назло, просто он подумал, что, как и после предыдущих тревожных новостей, на самом деле в конце концов ничего не произойдет. Прогноз погоды раз за разом твердил о приближении сильной бури, о теплом и холодном фронтах, которые, столкнувшись в вышине, обрушатся на берег в виде торнадо. Об этом торнадо предупреждали с начала весны. Мать включала телевизор на кухне на полную громкость, несмотря на то что новости повторялись; стоило закончиться предыдущему выпуску, как тут же начинался аналогичный, если только кому-нибудь не приходило в голову убавить громкость или переключить канал. По какой-то причине – Альберт сам не знал, по какой именно; в конце концов, их дом ни разу не пострадал от торнадо – родители очень серьезно относились к этой теме. И когда утром он сказал им, что собирается встретиться с Тимом, сынишкой Джонсов, чтобы поиграть у него дома, родители ему не разрешили. Три года назад ферма Джонсов пострадала от бури, и не было никаких гарантий, что подобное не повторится. Тема была закрыта. Все останутся дома и спустятся в убежище, как только объявят тревогу.

Спорить с родителями Альберт не стал. А после завтрака поставил чашку в раковину и просто улизнул через заднюю дверь. Он проделал уже половину пути от своего дома до фермы Джонсов, как вдруг заметил, что происходит что-то странное. Облака, ранним утром еще плотно закрывавшие небо, теперь неслись на полной скорости; солнце пробивалось сквозь них, отбрасывая на землю причудливые пятна света и тени. Все, казалось, замерло в томительном ожидании; тишина заполняла поля, сельскохозяйственная техника молчала, птицы безмолвствовали. Альберт прислушался: тишину нарушал только далекий собачий вой... а может, это была не собака?

Он уже почти дошел до Джонсов, когда его настигли первые порывы ветра. Испуганный, мальчик бросился к дому, взбежал по лестнице на крыльцо и изо всех сил замолотил в дверь. Никто не ответил. Альберт обошел дом и добрался до задней двери, которую хозяева всегда оставляли открытой. Но сегодня она тоже была заперта. Он приложил руки козырьком к стеклу, чтобы не отсвечивало, и осмотрел кухню. Никого не было. А потом он что-то услышал. Отступил на два шага и выглянул из-за дома. Над пустой равниной, как зловещий сгусток тьмы, окутанный пылью, туманом и разрушением, бушевал смерч. Альберт стоял неподвижно, заглотивший грозной стихией, которая неуклонно приближалась к ферме, пораженный ее невероятной мощью. Глаза его наполнились слезами из-за охватившей его паники и повисшего в воздухе песка. Он огляделся, отчаянно ища укрытие.

На ферме Джонсов было убежище. Возможно, оно располагалось в передней части фермы, но где точно, Альберт не знал, а возвращаться было уже поздно. Он бросился к курятнику, на мгновение обернувшись, чтобы посмотреть, куда движется чудовище, и молясь, чтобы дверь курятника оказалась не заперта. Дрожащими руками открыл затвор, представлявший собой дощечку, закрепленную на гвозде, а затем заперся изнутри. На мгновение его окружила абсолютная темнота, но постепенно глаза привыкали к скудному свету, пробирающемуся сквозь щели. Альберт едва успел перевести дух после бега, как в нос ему ударил удушливый запах перьев и куриного помета. Пошарив в кармане в поисках ингалятора, он вспомнил, что оставил его на столе возле телевизора. Едва сдерживая плач, прислушался, ревет ли снаружи зверь. Может, его завывания стихли? Может быть, он ушел? Альберт бросился на землю, не обращая внимания на грязь и помет, просачивавшиеся сквозь ткань его брюк, и припал глазом к отверстию между досок. Если торнадо на время и изменил направление, то теперь вернулся с еще большей силой. Альберт видел, как он приближается по равнине, подобно живому существу, вбирая в себя все, что попадает по пути. Он с трудом оторвал взгляд от этого зрелища и только теперь, уже привыкший к полумраку, заметил кур. Те сбились в углу; некоторые взгромоздились друг на друга, образуя тихую, плотную кучу. Они знали, что погибнут, и Альберт сейчас тоже это знал. Дрожа всем телом, он подполз к птицам и, съжившись, втиснулся между ними.

Через мгновение смерч достиг фермы. Молчаливая покорность, с которой куры ожидали свою судьбу, сменилась жалобным кудахтаньем, напоминающим испуганные человеческие крики. Альберт тоже закричал, зовя на помощь маму, чувствуя, как у него перехватывает дыхание. Он на мгновение представил себе альвеолы, которые доктор однажды показал ему на схеме, – крошечные ячейки, плотно прижатые друг к другу, неспособные расшириться, чтобы вдохнуть кислород. И только теперь закричал по-настоящему. Кричал во всю силу своих легких, слушая собственный крик, который почему-то казался ему слишком тихим. Он понял, что это конец, когда уже не мог различить собственный голос: все звуки перекрыл доносившийся снаружи чудовищный рев. Последнее, что он почувствовал перед тем, как на него обрушился курятник, была теплая струйка мочи, стекающая между ног.

МАРТИН

Солнце стояло высоко в прозрачном голубом небе, ни одно облако не омрачало совершенной синевы, подобной постапокалиптической насмешке. Мартин остановился, почувствовав, как капля пота скользнула по его голове между коротко остриженными волосами. Он нервно провел рукой по затылку и с раздражением заметил, что воротник рубашки намок. Носком блестящего ботинка отодвинул щепки и осколки, расчистив место, чтобы можно было поставить портфель. Достал из кармана белоснежный носовой платок и вытер затылок. Сложив его и спрятав обратно, придирчиво осмотрел себя. Хорошо выглаженные брюки, безупречная обувь. Впрочем, зря он надел скромный пиджак из шелковистого денима. Надо было выбрать более легкую куртку: после торнадо наступила жара. Насколько хватало глаз, все было разрушено; уцелел лишь небольшой красный сарай с лестницей, ведущей в убежище, где укрывалась семья Джонсов. Мартин подхватил портфель и зашагал к сараю. Две широко распахнутые двери и тяжелая цепь, висевшая на петлях, выдавали спешку, с которой его покидали. На мгновение он остановился и вдохнул запах, исходивший из темного земляного подвала: пахло грибами, торфом и чуточку мочой. Он почувствовал, как у него забилося сердце. Внутри никого не было. Мартин зашагал к ферме – точнее, к тому, что от нее осталось.

АЛЬБЕРТ

Альберт очнулся. Прежде чем открыть глаза, он уже понял, что не может пошевелиться: сверху давила какая-то тяжесть. Вдалеке слышал голоса Джонсов и попытался позвать на

помощь. Его легкие, сжатые неведомой тяжестью, едва выдержали три выдоха, прежде чем он снова потерял сознание.

Мальчик пришел в себя от раздражающего, слепящего света. Он не знал, сколько времени пролежал без сознания, но на этот раз решил сохранять спокойствие, чтобы не отключиться, как в первый раз. Вспомнил, что не может двигаться. Доска – вероятно, свалившаяся с крыши курятника – полностью закрывала его, но поверх нее лежало что-то еще, что-то очень тяжелое. Левой рукой Альберт ощупал край доски, которая была не очень широкой, так что, скорее всего, сверху ее придавила одна из толстых балок, поддерживавших курятник. Он вдохнул, стараясь дышать через рот. Лоб горел – край доски содрал с него кожу, – нос забило соплями и кровью, не давая учуять удушливое птичье зловоние. Тяжесть сдавила грудь, и, кажется, он сломал левую ногу. Все еще лежа неподвижно, Альберт чувствовал, что нога застряла и что в нее вонзилось что-то острое, вроде осколков стекла. Рядом с правой рукой лежала тушка мертвой птицы. Альберт заплакал, одновременно понимая, что не должен бояться, и изо всех сил попытался вспомнить, как успокоиться, чтобы справиться с приступом астмы. Затем старательно задышал ртом, насколько позволяла лежавшая на груди тяжесть. Мысленно он слышал голос матери, которая всегда помогала ему во время приступов: «Молодец, Альберт, у тебя отлично получается, дорогой». При мысли о маме ему снова захотелось плакать, глаза наполнились слезами, и он почувствовал себя глупым и маленьким. Придя в себя, непроизвольно вздрогнул; дрожь прокатилась по всему телу до сломанной ноги, заставив мальчика застонать от боли и утратить хрупкий контроль над дыханием. Поэтому следующие несколько минут он мысленно подсчитывал вдохи и выдохи, временно забыв про маму, пока ему не удалось снова взять себя в руки. Затем склонил голову к правому плечу и, вновь царапая лоб, попытался что-нибудь разглядеть сквозь отверстие, оставленное рухнувшими досками.

Альберт вырос в деревне, и хотя с того места, где он лежал, ему не было видно неба, по степени освещенности он понял, что перевалило за полдень и что смерч унес облака, закрывавшие небо утром. Повезло, подумал он, что мистер Джонс скосил траву два дня назад, иначе он не смог бы рассмотреть человека, идущего по полю. Альберт сразу понял, что это не мистер Джонс. На груди у человека сверкал значок, а в руке он нес портфель. Альберт глубоко вдохнул, максимально наполнив легкие, и закричал, но изо рта вырвался лишь хриплый полузадушенный стон. Человек на мгновение перевел взгляд на обломки курятника. Альберт был уверен, что он направится к нему, но тут лежавшая возле его правой руки курица, которую он принял за мертвую, пролезла в щель между досками и вышла во двор. После этого человек, явно потеряв интерес, отвел взгляд от курятника и снова зашагал к ферме. Альберт расплакался, больше не заботясь о том, чтобы не задохнуться: в конце концов, он был уверен, что умрет.

МАРТИН

Направляясь к дому, он услышал жалобные крики, доносившиеся из развалин. Эти крики он слышал десятки раз. Точные слова не имели значения. Все пережившие трагедию повторяли одно и то же. Голос, застрявший в горле, силился выразить жалкое положение, в котором оказался человек: раненый, истекающий кровью и теряющий скудные остатки сил. Он судорожно рылся в обломках в поисках чего-то, за что можно было бы ухватиться, что вернуло бы ему затухающую надежду, необходимую для того, чтобы выжить.

Девушка лет шестнадцати достала из-под обломков пестрый платок, которым взмахнула, как гимнастической лентой, прочертив в воздухе пыльный след, прежде чем повесить себе на шею. Она первой увидела приближавшегося человека и позвала семью, указывая на него длинным пальцем с коротким ноготком, выкрашенным в черный цвет. Они смотрели на него через проем, некогда служивший окном; равнина была вся усыпана щепками, и человек двигался по ней в направлении фермы.

Мартин приветливо помахал им рукой. Он заметил еще двоих детей: подростка чуть младше девушки и мальчика, которому на вид не было и двенадцати. На старшем была футболка с логотипом рок-группы, а младшему явно не помешала бы стрижка. Мистер Джонс его не разочаровал. Он плакал, сидя на ступеньках разрушенного крыльца. Мартин заметил рядом бутылку воды, несколько шоколадных батончиков и пистолет. С видом абсолютного бессилия мистер Джонс сжимал голову руками, а его пожилая мать, сидя рядом с ним, утешала его, покачивая, как маленького ребенка. Женщина лет сорока пяти в нескольких шагах от них смотрела на Мартина пытливо и вызывающе. Он предположил, что это молодая миссис Джонс. Стройная, миловидная, с волосами, окрашенными в красноватый искусственный оттенок, который ей отнюдь не шел, в руках она держала одну из тех глупых маленьких собачонок, которые беспрерывно тявкают. Мартин еще раз проверил, хорошо ли видно бляху на груди. При виде его компания оживилась; Джонсы побросали все, что держали в руках, и инстинктивно кинулись к дверям, хотя большая часть стены с этой стороны исчезла. Миссис Джонс отреагировала первой. Не выпуская собачку, она поправила блузку, слегка пригладила волосы и спустилась по лестнице, чтобы поприветствовать Мартина ослепительнейшей из своих улыбок. Он тоже улыбнулся, ненавидя ее всей душой за то, что она способна на такое зло, на такую низость, на такой ужас, что прогневала самого Бога. Протянул руку и, прежде чем коснуться ее пальцев, уже решил, что, хотя надо было начать со старухи, на этот раз миссис Джонс будет первой, кого он убьет.

АЛЬБЕРТ

Когда Альберт слышал крики и выстрелы, он мгновенно перестал плакать и застыл с широко открытыми глазами. Может быть, это все-таки его счастливый день...

Глава 2

Характер горянки

Академия ФБР, Квантико, штат Вирджиния

Среда, 24 августа 2005 года

Амайя Саласар неловко откинулась на спинку кресла второго ряда. Она одной из первых добралась до большого зала, где должна была состояться лекция и который из-за наплыва публики мог в конце концов оказаться слишком тесным. В отличие от занятий в предыдущие дни, предназначенных исключительно для европейских полицейских, нынешнее было объявлено открытым для всех агентов и курсантов ФБР, желающих принять в нем участие. Амайе хватило пары ледяных взглядов, чтобы отогнать от соседних мест офицеров в костюмах и улыбающихся курсантов в форменных синих поло. Она не хотела, чтобы рядом кто-то сидел. Из всех выступлений, входивших в программу, это было наиболее интересным – лекция специального агента Дюпри. И не только для нее; она видела, с какой скоростью заполнялся зал. Герта, женщина средних лет, инспектор немецкой полиции, приветливо ей улыбнулась и села рядом. Они были единственными женщинами в группе европейских полицейских. И, учитывая холодный прием, который обе получили от коллег-мужчин, неудивительно, что Амайя не желала садиться с ними рядом. Милая и добрая Герта сразу ей понравилась, даже если, на вкус Амайи, она была слишком разговорчива. И хотя немка явно была не из тех, кто специально пытается тебя очаровать или же беспощадно допрашивает, однако за два завтрака, два обеда и поездку на автобусе из аэропорта в отель она выложила Амайе практически всю свою жизнь.

– Характер горянки, – сказала ей Герта.

– Что?

– Держу пари, что ты из горной местности. Мой муж такой же, из него двух слов не вытащишь.

– Вообще-то я из долины.

Обе засмеялись. За четыре дня Герта выудила у нее куда больше, чем два слова. Возможно, из-за эмоциональной раскованности, которая позволяет откровенничать с человеком, которого ты, возможно, больше никогда не увидишь, а может, из-за того, что инспектор Герта Шнайдер умела не только говорить, но и слушать.

В конце концов Амайя прониклась к ней доверием и пустилась в откровения, которых никогда и ни с кем себе не позволяла. Несколько раз их разговоры затягивались до рассвета. Герта возглавляла убийный отдел из сорока пяти человек, из которых тридцать восемь были мужчинами. К их боевым подвигам она относилась с должным уважением, но ни одному из них не отдавала предпочтения.

Прежде чем Герта успела заговорить, в кресло рядом с Амайей уселся человек в костюме.

– Заместитель инспектора, я повсюду искал вас. Потом подумал, что вы наверняка в зале, вместе с остальными... – В его тоне звучал притворный упрек, и, чтобы усилить его, он одарил ее долгой улыбкой. Амайя опустила взгляд, чтобы не отвечать на нее.

Эмерсона приставили к ней в качестве тьютора на весь курс; его миссия состояла в том, чтобы помогать ей в размещении, обучении, всюду ее сопровождать, знакомить с инструкторами и предоставлять ей доступ – через собственное оборудование и под своим кодом – к даным, необходимым для технических упражнений. И время от времени он делал намеки...

– Да, я торопилась, хотела занять хорошее место: эта лекция меня особенно интересует.

– Не вас одну, – заметил Эмерсон, повернувшись, чтобы окинуть взглядом зал, который к этому времени был уже почти полон. – Видите ли, здешний народ просто в восторге от нашего агента Дюпри. Вы когда-нибудь о нем слышали? Встречались?

– Я была на его лекции три года назад в Университете Лойолы в Бостоне, где я училась. Стояла в очереди, чтобы он подписал мне книжку и пожал руку. Согласно расписанию курса, агент Дюпри проведет следующий семинар, и я хочу быть готова.

Эмерсон самонадеянно улыбнулся, приподняв одну бровь.

– Вы знаете что-то, чего не знаю я? – спросила Амайя, заметив, что он умирает от желания что-то ей рассказать.

– У специального агента Дюпри есть свои методы; его занятия очень отличаются от остальных. Он командир действующего подразделения, а не инструктор. Время от времени читает лекции или публикует статьи для внутреннего пользования. Даже удивительно, что он согласился принять участие в обучении группы Интерпола.

– Вы с ним работаете?

– Не совсем... – Амайя заметила, что ему стоило некоторого труда в этом признаться. – Но иногда я сопровождаю их в поле. Я был бы рад, если б это случалось почаще, и не исключаю, что в будущем... Я работаю в отделе поддержки вместе с агентом Стеллой Такер, которая, в свою очередь, входит в команду Дюпри. Можно сказать, что работаю на него косвенно. Группа поведенческого анализа включает в себя множество областей. Действующие подразделения состоят из полевых агентов-криминалистов, но есть много других аспектов расследования, которые проводятся прямо здесь, чтобы оказать поддержку тем, кто охотится в поле за плохими парнями.

«Плохие парни» он произнес так, будто разговаривал с маленькой девочкой, и сопроводил эти слова одной из своих преувеличенных улыбок. Видя, что не добился желаемого результата, продолжил уже профессиональным тоном:

– Мы, вспомогательные следователи, работаем на все три действующие группы. Я криминалист, и моя специальность – анализ данных. Это не так впечатляет, но во время расследования имеет важнейшее значение.

Словно по команде, свет в зале погас, и одновременно с ним стихло бормотание публики. Мощный луч белого прожектора осветил одинокую кафедру в центре сцены.

Агент Дюпри поднялся с правой стороны сцены и шагнул в круг света. Это был стройный, подтянутый мужчина. Темные, коротко стриженные, аккуратно причесанные волосы напомнили Амайе: увидев его впервые, она подумала, что когда-то он был военным. Тени вокруг глаз, наводившие на мысли о хронической бессоннице, подчеркивали бледность его лица. Он был одет в безупречный темно-синий костюм с белой рубашкой и отлично подобранным галстуком; лицо тщательно выбрито. Дюпри взошел на кафедру и замер по стойке «смирно». На удивление, никаких бумаг в руках у него не было. Амайя подумала, не положил ли он заранее листок с подготовленной речью; этот факт позволил бы ей получить более четкое представление о характере и дальновидности агента. Она дала себе слово проверить, не заберет ли он листок с собой в конце выступления.

Согласно краткой биографии, изложенной в программе, ему было сорок четыре года, родился он в штате Луизиана, имел обширное образование в области права, экономики, истории искусства, психологии и криминологии. В течение года возглавлял одну из трех полевых рабочих групп Отдела поведенческих наук ФБР, в состав которой входил в течение предыдущих пяти лет.

Дюпри приподнял подбородок, выставил одну ногу, перенес вес тела на другую, опустил руки и обвел взглядом собравшихся в зале. В паре рядов позади Амайи кто-то захлопал в ладоши, но аплодисменты тут же увяли. Амайя не сводила глаз со сцены, но все же слышала тихий шорох костюмов, принадлежавших агентам, которые повернулись и грозно посмотрели на задние ряды. Они не любили лишний шум. Крики и аплодисменты больше подходят для стадиона.

Дюпри протянул руку и постучал по микрофону; по залу пронесся низкий гул. Чуть склонившись над кафедрой, он поднял взгляд и обратился к кому-то невидимому в глубине зрительного зала:

– Пожалуйста, не могли бы вы немного подсветить зал? Когда я не вижу публику, у меня такое чувство, что я говорю сам с собой. – Он улыбнулся. – И такое бывает довольно часто...

Его замечание вызвало еще большую симпатию зала. Интенсивность света увеличилась настолько, что агент Дюпри мог различить собравшихся, и все заметно расслабились.

Он обвел взглядом присутствующих, словно искал кого-то. Добравшись до Амайи, на мгновение задержал на ней взгляд, затем снова устался на кафедру. Она сказала себе, что агент, вероятно, смотрел на кого-то другого, кто сидел за ее спиной, как вдруг обнаружила, что за ней наблюдает Эмерсон. Он тоже заметил этот взгляд. Тем временем Дюпри обратился к публике:

– Всем известно о важности разработки виктимологического профиля: анализ выборки жертв помогает нам достичь нашей цели. Но сегодня я расскажу о важности создания регистра возможных жертв, помогающего вычислить серийного убийцу. Важно иметь представление о типе жертвы, которую выбирает преступник, прежде чем он себя выдаст или станет известно о его существовании.

По залу пронесся сдержанный вздох. Дюпри снова перевел взгляд на Амайю. Говоря, он будто обращал к ней каждое свое слово:

– Принято считать, что преступление – это способ, которым убийца уменьшает свою собственную боль, поскольку зачастую, прежде чем стать исполнителем, он сам побывал в роли жертвы. И среди предположений самым рискованным является то, что в глубине души все преступники хотят быть задержанными, а их преступления – не что иное, как чудовищные призывы о помощи, исключая, конечно, случаи психических заболеваний.

Амайя услышала, как рядом Эмерсон прошептал:

– Какого черта...

Специальный агент Дюпри сделал паузу и снова обратился к остальной части зала:

– Некоторые исследования утверждают, что чем более жестоко преступление, тем сильнее желание преступника, чтобы его заметили. Он не остановится, потому что наконец-то нашел способ быть чем-то, быть кем-то значимым, но это часто подводит его – в своем стремлении к признанию он действует вызывающе, рискуя быть пойманным. Однако будьте осторожны, потому что гипотеза – самый большой враг следователя, и практика показывает, что не все серийные убийцы патологичны и дезорганизованы. На самом деле некоторые из них вполне осознают свои «особенности» и прибегают к хитрости и уловкам, чтобы сбить с толку следствие. Они воздействуют на сознание следователя, который идет за ними по пятам, тщательно запутывая сценарий преступления или оставляя ложные следы, заставляющие нас думать, что мы имеем дело с совсем иным преступлением. Убийцы этого типа осторожны, они действуют в течение многих лет, скрывая свои следы или тела своих жертв, выдавая убийство за исчезновение, побег, несчастный случай или самоубийство. Для этого они выбирают жертв с высоким уровнем риска, то есть людей, чье исчезновение может остаться незамеченным или не вызовет резонанса по причине социальной изоляции: наркоманов, проституток, бродяг, бездомных, нелегальных иммигрантов или лиц с неопределенным местом жительства. Преступник тщательно отбирает своих жертв, зная, что принадлежащие к этим группам люди склонны к частым перемещениям. Такова особенность нашей страны, большие размеры которой изрядно усложняют расследование. Но для вас, – сказал он, обращаясь в левую часть зала, где сидела Амайя и ее коллеги, – европейских полицейских, после открытия границ между странами – членами Европейского Союза это тоже актуально... Этот тип убийцы не имеет ни малейшего намерения быть пойманным, он способен всю жизнь играть роль добропорядочного гражданина. Он не стремится к славе, так как уже получил свое место в обществе.

Дюпри сделал паузу, снова перевел взгляд на Амайю и добавил:

– Его успех и сила, как у демона, основаны на том, что мы не верим в его существование. –

Он улыбнулся, и зрители невольно заулыбались в ответ.

Саласар сделала вид, что не замечает взгляда агента Эмерсона, но Герта наклонилась и прошептала:

– Он обращается к тебе.

Дюпри продолжил, глядя в зал:

– Эксперт по убийствам обучен выявлять и анализировать обычные триггеры: жадность, ревность, секс, наркотики, деньги, наследство, шантаж. Но в случае серийных убийц мотивы отличаются от обычных: преступник получает исключительно психологическое удовлетворение. Важно обратить внимание на то, как субъект вознаграждает себя, чтобы понять, какие потребности он удовлетворяет. Целью этой лекции и предстоящих упражнений будет обнаружение общих и противоречивых элементов, связанных с типом жертвы, особенностями ее исчезновения или места обнаружения тела, которые могут вызвать подозрение в том, что перед нами не самоубийство и не несчастный случай, а убийство или же их серия. Каким образом мы изучаем профиль убийцы, которого нам не удастся поймать? Как создать базу данных для задержания тех, о ком нам ничего не известно? Как изучать поведение призрака, охотника, которому выгоден тот факт, что мы не знаем о его существовании? – Он умолк.

– Виктимология, – прошептала Амайя.

– Виктимология, – продолжил Дюпри почти одновременно с ней, – наука, основанная на изучении профиля жертвы, а также и предполагаемых жертв: пропавших без вести, пустившихся в бег, бесследно растворившихся в воздухе. Виктимология в данном случае становится абстрактной наукой, в которой интуиция следователя имеет первостепенное значение для установления того, действительно ли перед нами жертва преступления. Для этого учитываются такие аспекты, как физический и психологический профиль, социальное положение, характерные черты личности; учитывается все, от самых мелких недостатков до пороков развития, включая особенности внешнего вида. А также тип семьи, к которой принадлежат жертвы, или, если семьи у них нет, их болезни и патологии, медицинское лечение и любая информация об их поведении и личности, вкусах и склонностях. Несомненно, работа, которую должен выполнять следователь при малейшем подозрении на то, что перед нами жертва, обнаружено ее тело или нет, крайне трудоемка. К тому же мы знаем, что наши знания могут нам изменить, сбить нас с толку. Вот почему жизненно важно правильно документировать эти элементы, чтобы создать базу данных, к которой мы можем обратиться, когда поступает сигнал о появлении или исчезновении потенциальной жертвы, обладающей перечисленными и известными нам характеристиками.

Агент Дюпри нажал кнопку на кафедре, и на экране за его спиной появилось лицо молодого человека в костюме, вполне приличного на вид, хотя и очень худого. Черно-белое изображение, казалось, было взято из старой газеты.

– В восьмидесятых годах английский исследователь Ноа Скотт Шеррингтон из Скотланд-Ярда начал составлять базу данных потенциальных жертв, основанную на профиле женщин, пропавших без вести или сбежавших из дома. Самое поразительное, что у инспектора Шеррингтона не было ни трупов, ни останков, которые позволили бы ему предположить, что эти женщины мертвы, ни признаков, указывающих на то, что они стали жертвами похищения или что их исчезновение не было добровольным. Изучив досье, которое получите после лекции, вы поймете, что это был прибрежный район с ужасающей безработицей и тяжелым климатом.

Перспектива поп-карьеры в восьмидесятые годы в Лондоне была очень привлекательна, особенно по сравнению с работой на консервной фабрике; многие девушки убегали из дома, рассчитывая стать поп-звездами. В этот район регулярно приезжали сезонные рабочие, оста-

ваясь здесь на некоторое время, и девушки охотились за парнями, которые могли бы вытащить их из этого гиблого места.

Составление базы данных с профилями девушек позволило Скотту Шеррингтону выявить потенциального преступника. Работа заняла годы, но в итоге он составил исчерпывающий список пропавших без вести. Если инспектор убеждался в том, что девушки появились в другом месте в стране, имена удалялись. Тем не менее постепенно карта была составлена, а профиль жертвы обрисован до мельчайших деталей. В том, что касается виктимологии, инспектор Скотт Шеррингтон – эталон для всех следователей в мире, поскольку он установил профиль убийцы, основываясь на профиле его вероятных жертв. С этого момента Шеррингтон начал вполне традиционное расследование: поиск свидетелей, реконструкцию последних часов, когда видели жертву, скрининг профилей, в результате чего с минимальной погрешностью устанавливал, кто из девушек, желавших покинуть свои дома, действительно сбежал, а кто стал жертвой преступника. В свое время теория инспектора Скотта Шеррингтона не получила той поддержки, которой удостоилась в наши дни.

Дюпри сделал паузу и перевел взгляд на Амайю, что на этот раз заставило некоторых агентов повернуться в ее сторону.

– В качестве кульминации своего безупречного расследования Скотт Шеррингтон, следуя инстинкту, сократил число подозреваемых до двух. Инспектор утверждал, что им двигала «интуиция», – подчеркнул агент.

– Интуиция, – прошептала Амайя, стараясь прочувствовать значение этого слова. Всего полгода назад, когда ее только что повысили до заместителя инспектора, ей пришлось заняться делом об исчезновении молодой медсестры, которая только оформилась в больницу на стажировку. Ее предшественники опросили ближайшее окружение медсестры и собирались закрыть дело, объявив его добровольным исчезновением, но мать девушки отказывалась сдаваться и продолжала являться в полицейский участок. Она подняла шум в средствах массовой информации, делала возмущенные заявления в прессе и на телевидении. Дело было гиблое, всем не терпелось поскорее его закрыть, но Амайя с энтузиазмом взялась за новый этап расследования. Проверив все данные, она сразу же сосредоточила внимание на одном из докторов. На первом этапе расследования его даже не считали подозреваемым, хотя вызывали в качестве свидетеля, поскольку коллеги девушки видели, как он разговаривал с ней. Сначала доктор был исключен из-за невозможности установить связь между ним и пропавшей, а главное, из-за безупречного поведения. Перспективный хирург, наследник одной из самых известных памплонских семей с сильной медицинской традицией. Саласар вспомнила слова комиссара, когда тот выслушал ее сомнения: «Я знаю эту семью. Можешь сразу его вычеркнуть». Эти слова он произнес спокойно и небрежно, отменяя все ее аргументы как простые домыслы. Амайя больше не упоминала о своих подозрениях, но, проследив за многообещающим хирургом в течение нескольких недель, не жалея для этого свободного времени, нашла место, где он держал молодую женщину, которой пользовался как секс-рабыней. И она была не первой. Его задержание позволило раскрыть исчезновение по меньшей мере двух других женщин. Когда Амайе пришлось объяснять в отчете, что именно заставило ее заподозрить в докторе коллекционера, она не смогла ничего объяснить конкретно; сказала лишь, что это была интуиция.

– У Скотта Шеррингтона была невероятная интуиция, – продолжал Дюпри, обращаясь к зрителям. – В течение нескольких недель он следил по очереди за двумя парнями, на которых сосредоточил свои подозрения. Однажды ночью в сильную грозу, когда инспектор возвращался домой после слежки за одним из этих парней, его машина встретила на светофоре с машиной другого подозреваемого. Он поехал за ним, не догадываясь, что только что встретил убийцу и в ту же ночь станет свидетелем того, как тот избавляется от своих жертв. На тот момент Шеррингтон не сумел установить лишь одно: что преступник делал с телами, хотя последующее ознакомление с его заметками поражает блеском выводов. К сожалению, как я

уже говорил, никто не слушал инспектора и никто ему не помогал. Район был обширен, ландшафт разнообразен, и установить место, где убийца прятал тела, а тем более разыскать их было практически невозможно. В одиночку, глубокой ночью, в незнакомом месте, да еще и в разгар грозы, Шеррингтон пытался задержать преступника, когда тот избавлялся от тела очередной жертвы, девушки, которая соответствовала установленному им профилю. Изумление, которое он почувствовал, вычислив монстра, физическое превосходство убийцы и болезнь сердца, которая на тот момент еще не была диагностирована, привели к тому, что во время борьбы с преступником у инспектора случился инфаркт. Скотта Шеррингтона нашли на следующее утро местные охотники, которые доставили его в больницу. После рискованной операции на сердце ему спасли жизнь. Когда инспектор пришел в сознание, убийца уже скрылся. Тем не менее его исследований оказалось достаточно, чтобы установить личность этого человека и обнаружить тела еще девяти жертв. База данных, составленная Скоттом Шеррингтоном, по-прежнему служит справочным материалом, а также примером того, как использовать данные виктимологии, независимо от того, очевидно ли преступление или же, в силу различных обстоятельств, спровоцированных убийцей, выглядит как самоубийство или несчастный случай. Инспектор же вынужден был завершить карьеру из-за тяжелой болезни сердца.

Дюпри обвел взглядом зал.

– Офицеры, курсанты академии, благодарю за внимание. Коллеги из Европы, ваши тьюторы предоставят вам полную информацию о расследованиях инспектора Скотта Шеррингтона и о виктимологических базах, содержащих как поведенческие, так и географические характеристики. Изучите их, они станут темой следующего семинара. Лекция окончена.

Специальный агент Дюпри покинул сцену таким же путем, каким поднялся на нее. Аудитория на мгновение умолкла, пока луч света, который потребовал Дюпри, чтобы видеть присутствующих, не перешел в обычный режим освещения, заставив слушателей прищурить глаза.

Амайя поднялась со своего кресла и застыла, глядя на сцену и на место, где скрылся Дюпри. По какой-то причине ей отчаянно не хватало его необъяснимого внимания, которое заставляло ее волноваться и чувствовать себя польщенной. В этот миг она отметила, что забыла посмотреть, были ли у Дюпри в руках листки с текстом.

Немецкая коллега похлопала ее по плечу:

– Вот уж действительно, умеет человек завладеть вниманием аудитории!

– Ничего себе, заместитель инспектора Саласар, – воскликнул Эмерсон, – похоже, вы произвели впечатление на шефа. – В тоне его голоса сквозила едва скрытая ревность.

Амайя перевела на него взгляд, словно выйдя из транса. Что-то в нем изменилось. Всегда корректный, до этого он отлично справлялся со своими полномочиями. Хотя в тот день, когда они прибыли и Эмерсона назначили тьютором, его явно раздосадовал тот факт, что среди стольких полицейских-мужчин именно к нему приставили женщину. Но этот обидный выбор компенсировали ее высочайшие баллы во всех дисциплинах, и этого было достаточно, чтобы вернуть ему хорошее расположение духа. Амайя подумала, что Эмерсон принадлежит к тому сорту парней, которые все время с кем-то соревнуются и не любят проигрывать. Пару раз она замечала, как он пытается флиртовать с ней, сочетая белоснежную улыбку с пристальным взглядом в глаза. Но теперь линия его рта была прямой, как разрез скальпеля. Легкие наполнились воздухом, скулы дрогнули и приподнялись. Хвостун и забияка... Амайя протянула руку, дотронувшись до его плеча, и чуть отстранила, освобождая себе путь. Он остался стоять, глядя ей вслед, озадаченный и обиженный, словно вместо указательного пальца она прикоснулась к нему дулом пистолета. Обойдя офицеров, остановившихся поболтать между рядами сидений, Амайя вышла из зала в поисках боковой двери, ведущей на сцену.

Она слышала, как у нее за спиной Эмерсон воскликнул:

– Саласар, вы не можете сейчас уйти! Через пятнадцать минут в третьем зале начинается семинар. Он находится в другом крыле здания, мы можем не успеть добраться туда!

Эмерсон догнал ее в тот момент, когда дверь, ведущая на сцену, открылась. Из нее вышел Дюпри в сопровождении какого-то агента. Группа офицеров, ожидавших в коридоре, встретила его приветствиями, но он не остановился.

Амайя подняла руку, силясь привлечь его внимание.

– Агент Дюпри, прошу вас...

Тот повернулся, равнодушно посмотрел на нее, наклонил голову и помахал стоявшему позади нее Эмерсону.

– Агент Эмерсон, – сказал он и, повернувшись, продолжил свой путь по коридору в сопровождении коллег.

Амайя замерла, глядя ему вслед. Ее не волновало, что Эмерсон услышит ее слова:

– Самодовольный козел!

Глава 3

Дизайн ветра

Академия ФБР, Квантико, штат Вирджиния

Когда они добрались до аудитории, свет уже погас. Агент Эмерсон остановился у двери и, не попрощавшись, зашагал обратно по коридору. В зале словно разразилась буря. На висящем в глубине зала экране показывали видео: ливень, ураган, срывающий крыши, поваленные линии электропередач и громадные волны, словно стремящиеся вырваться за пределы моря. Как можно тише, стараясь быть незамеченной, Амайя вошла в зал и в полутьме отыскала свободное место. За первым видео последовало еще одно, а затем – серия фотографий с изображениями стихийных бедствий: циклонов, тайфунов, ураганов... Некоторые снимки были сделаны с воздуха и казались взятыми из новостей или с обложек газет.

– Перед вами стихийные бедствия, – проговорила женщина в глубине зала.

Амайя узнала чуть гнусавый голос агента Такер. Она не была лично с ней знакома, но в памяти тут же возник яркий образ афроамериканки лет пятидесяти с необычайно красивым лицом. Коротко стриженные, как у морского пехотинца, волосы контрастировали с пышностью тела, из-за которой она казалась ниже ростом, нежели была на самом деле. Именно ее упоминал агент Эмерсон, когда говорил о полевой группе агента Дюпри. Такер отвечала за общение со средствами массовой информации, семьями жертв и собственно жертвами, и была самым опытным агентом после самого Дюпри. Три дня назад она проводила семинар по сетевым преступлениям, и, услышав ее голос, Амайя подумала, что именно это имел в виду Эмерсон, когда говорил, что у группы Дюпри «есть стиль». Она догадывалась, что сам суперагент не собирался появляться в зале. Вздыхнув, Саласар заставила себя сосредоточить внимание на невидимой в темноте Такер, которая продолжала свою речь:

– Они оставляют десятки жертв с множественными травмами. Существует целый протокол действий, направленных на обнаружение тел, немедленное спасение выживших и предотвращение распространения инфекций, связанных с разложением. Это побуждает всех, кто участвует в поиске тел и расследовании, действовать как можно быстрее. Вокруг творится чистый хаос, и в такие моменты следователя легко сбить с толку, не позволяя установить признаки преступления. Например, изуродованные тела, подвешенные на деревьях или частично выпотрошенные, поцарапанные и потрепанные, поскольку в большинстве случаев яростная стихия полностью сорвала с них одежду.

Перед вами лежит папка с условиями упражнения. Внутри содержатся все детали, которые я сейчас перечислю лишь вкратце, поскольку там у вас все изложено более подробно. Этой весной, в один из самых теплых мартов, которые сохранились на нашей памяти, во многих районах страны прошли мощные торнадо и штормы, причинившие значительные разрушения. Один из этих торнадо обрушился на небольшой городок недалеко от Киллина, штат Техас, в результате чего пострадали скот и поля; имелись и многочисленные человеческие жертвы, в их числе семья Мейсон. Целая семья: отец, мать, трое детей-подростков и бабушка, пожилая женщина, проживавшая в их доме.

На экране появились фотографии до и после торнадо: типичная техасская ферма и улыбающаяся семья, позирующая на крыльце. Фотографии последствий стихийного бедствия были плохого качества; скорее всего, их сделал человек, не имеющий должного опыта. Никаких пометок или ссылок. Раны и увечья фотографировались с большого расстояния либо были не в фокусе. Несколько проходных общих планов. Трупы лежали почти вплотную друг к другу, что заставляло предположить, что в тот момент, когда крыша и часть стены обрушились, семья была в сборе. Амайя представила, как они обнимаются, пытаются поддержать друг друга, чтобы

уберечься от творящегося ужаса. Сверху лежали обломки, щепки и пара тяжелых на вид стульев.

Такер продолжила:

– Вполне объяснимое желание побыстрее их похоронить и тот факт, что причина смерти не вызвала подозрений, привели к быстрому составлению свидетельства о смерти, не предусматривавшего вскрытие. Всего через месяц холодный воздух, принесенный ветрами из Канады, и пузыри горячего воздуха из Мексиканского залива привели к образованию штормов типа суперъячейки, способных вызывать многочисленные торнадо. Такая суперъячейка обрушилась в полную силу на коридор Оклахомы, и один из торнадо разрушил ферму семьи Джонс в окрестностях Бруксвилла. – На экране снова появилась живописная ферма, на этот раз снятая с воздуха. А вслед за ней – фотография, на которой все было в руинах. – Члены семьи Джонс были найдены мертвыми внутри своего ранчо. Отец, его пожилая мать, которая жила с ними, жена и трое детей того же пола и возраста, что и дети семейства Мейсон.

На экране чередовались фотографии обеих сцен. Совпадение было удивительным: лежащие в ряд тела, пыль, обломки и даже лежащие сверху стулья. У Амайи не было координат обеих ферм, но ей показалось, что и они чем-то схожи. Мысленно она отметила этот факт.

Агент Такер сделала паузу, удовлетворенно прислушиваясь к ропоту, пронесшемуся по рядам офицеров европейской полиции. На этот раз изображения были очень четкими; даже неопытному глазу была заметна профессиональная рука судебного фотографа.

– Если б все обстояло так, как в предыдущем случае, – продолжала агент Такер, – можно было бы предположить, что эти смерти останутся незамеченными для следователей. Все члены семьи были собраны в помещении, некогда представлявшем собой гостиную; повреждений на телах было немного, но имелись следы сильных ударов по голове, которые, разумеется, могли быть нанесены балками, досками и упавшими стульями.

Ее перебил французский офицер из бывшего Сюртэ¹, сидевший рядом с Амайей:

– Сценарии очень похожи. Но если первый случай не вызвал подозрений ни у местных, ни у государственных властей, а фотографии эти, скорее всего, не заинтересовали ФБР, что же побудило вас заняться этим делом?

Агент Такер выждала несколько секунд, пока не убедилась в том, что все внимание обращено на нее.

– Свидетель, – сказала она шепотом, донесшимся до каждого уголка темного зала.

Амайя улыбнулась. Эта женщина, несомненно, была мастером ораторского искусства.

– Одиннадцатилетний мальчик, друживший с сыном хозяев, – объяснила агент, вернувшись к своему обычному тону. – Несмотря на предупреждения о надвигающейся буре и на то, что родители запретили ему выходить на улицу, он улизнул из дома и отправился к другу. Когда торнадо ударил в полную силу, мальчик не успел добраться до убежища, поэтому спрятался в курятнике. Он не получил серьезных травм, но в течение нескольких часов на нем лежала большая доска, которая спасла ему жизнь, потому что в противном случае его убила бы балка, упавшая вслед за ней. Давление на грудь мешало ему кричать. По его словам, когда буря закончилась, он услышал, как члены семьи выходят из убежища. С того места, где лежал мальчик, видеть их он не мог, однако уверяет, что узнал голоса. Затем он увидел, как по равнине в направлении дома шагает какой-то человек, и через некоторое время услышал выстрелы, крики, а затем снова выстрелы, пока голоса не стихли. К своему ужасу, он услышал, как кто-то роется в обломках; затем все стихло, и мальчик снова увидел незнакомого человека. Он описал его как высокого худощавого мужчину с пружинистой походкой. У него был портфель в руках и значок на лацкане. Мальчик рассказал, что незнакомец снова вышел во двор перед домом, поставил портфель на землю, встал перед развалинами фермы и, подняв руки, в полном мол-

¹ Сюртэ – сокращенное разговорное название спецслужб, существовавших некогда во Франции.

чании начал медленно и плавно ими двигать, словно дирижируя оркестром. «Композитор» – назвал его свидетель; так же называет его подразделение, расследующее это дело.

Полицейские молчали, но даже на расстоянии чувствовалось их напряжение, словно у гончих, учуявших дичь.

Амайя повернулась, чтобы посмотреть на агента Такер. В темноте ее лицо было едва различимо, но ей показалось, что агент кивнула, довольная произведенным эффектом.

– Вопреки предположениям, убийца не забрал с собой оружие убийства. Мы нашли его рядом с телами: револьвер «Смит энд Вессон 617» двадцать второго калибра, который, как выяснилось, принадлежал отцу семейства. Вскрытие показало, что под ранами, нанесенными всем членам семьи предположительно досками и балками, скрывались следы от пуль, которые выпустили из этого револьвера и которые стали причиной смерти. Как и заявил мальчик, мы нашли достаточно доказательств того, что во время торнадо семья скрывалась в убежище, что погибли они от выстрелов в голову и что разрушения в доме лишь имитировали гибель в результате травм, нанесенных обломками. Эта сцена напомнила одному из членов нашего подразделения фотографию на обложке газеты, сделанную месяц назад: семья Мейсон, погибшая в Техасе после сильного урагана, и трупы, наполовину погребенные в развалинах дома. Вероятно, вы помните, что их похоронили без вскрытия. Мы допросили шерифа, который вел это дело. Рядом с телами был обнаружен револьвер двадцать второго калибра, который, опять же, принадлежал отцу семейства, но в тот момент этому не придали значения. Мы получили разрешение на эксгумацию и провели экспертизу, показавшую, что под ударами в голову скрывались огнестрельные ранения, которые, как и в предыдущем случае, были нанесены из револьвера отца, найденного на месте преступления.

На экране крупным планом появились травмы и ранения, обнаруженные во время вскрытия.

Такер покинула свое место за кафедрой и, подойдя к двери, включила свет. Изображение трупов на экране побледнело до почти полного исчезновения, пока полицейские щурились на свет, пытаясь привыкнуть к его яркости.

Агент продолжила:

– Мощный порыв ветра, достигшего скорости более ста пятидесяти пяти миль в час, превращает любую щепку в смертельный снаряд. Убийца, несомненно, знал об этом. В двух случаях он раздавил входные пулевые отверстия обломками камня, в других использовал куски дерева, которые буквально размозжили им головы.

Такер сделала театральную паузу и перевела взгляд на слушателей. Амайя знала, что сейчас последует откровение, на успех которого она рассчитывала, – такова была агент Такер.

– Все раны, нанесенные обломками, жертвы получили посмертно. Убийца нарочно создал такую сложную сцену, нарушив хронологический порядок событий.

Амайя, сидевшая за столиком возле двери, находилась совсем рядом с агентом Такер. Она видела, как по ее губам скользнула улыбка, слышала ропот среди полицейских, которые повернулись к своим коллегам, гадая, что все это могло означать. Когда агент Такер перевела взгляд на Амайю и заметила, что та за ней наблюдает, ее улыбка погасла. Она указала на папку на столе Амайи.

– В папках, которые лежат на ваших столах, содержатся все имеющиеся у нас данные; информация, полученная от соседей, показания свидетеля, фотографии места преступления, краткие биографии членов обеих семей, и, чтобы вы не шарили вслепую, все шаги, предпринятые до сих пор; все попытки найти связь и нащупать нечто общее в обоих случаях, точнее в обеих семьях, помимо общего сходства: пола, возраста и количества членов семьи. Это открытое дело, над которым ФБР работает в настоящее время. Отчет, который я вам предлагаю, конфиденциален. В прессе эти данные не появлялись. Мы считаем, что намерение этого субъекта – остаться в тени. Он из тех, кто не жаждет известности: его цель – выполнение своей задачи.

Он не нуждается в рекламе, и мы тоже. Пусть продолжает думать, что мы не догадываемся о его существовании.

– Разве не глупо ждать, пока он снова кого-нибудь убьет, – громко сказала Герта, которую такое положение дел явно не устраивало, – да еще не сообщать об этом прессе? Быть может, в этом случае он остановится?

– Напротив. Публикация в прессе может привести к тому, что он изменит свой *modus operandi*², а учитывая широкую зону действия, это сделает поимку убийцы практически невозможной. Наш единственный шанс – опередить его. Для этого упражнения вы будете сотрудничать со своими тьюторами, однако те ни в коем случае не должны высказывать свои предложения или мнения, которые повлияют на ваши выводы. Они облегчат вам доступ через свое оборудование к любым данным, находящимся в нашем распоряжении. Вы составите три профиля: поведенческий, географический и виктимологический. Свои выводы вы должны сдать завтра к двенадцати часам.

Барбагалло, итальянский инспектор карабинеров, поднял досье над головой:

– Прошу прощения, агент Такер, позвольте заметить, я ни в коем случае не жалуюсь на вашу работу, но по программе это занятие должен был вести специальный агент Дюпри...

Амайя улыбнулась и молча покачала головой, думая о поведении Дюпри, намеренно ее избежавшего, а затем направилась в сторону выхода.

Агент Такер, которая уже добралась до двери, остановилась, коснулась пальцами дверной ручки и со вкусом, неторопливо произнесла:

– Так оно и было. Или кто, по-вашему, его вел?

² Образ действия (лат.).

Глава 4

Уорд, похоронное бюро

Кейп-Мей, штат Нью-Джерси

Мертвое тело имело жалкий вид. Не надевая перчаток, Мэри Уорд ущипнула двумя пальцами кожу на его щеке. Верхний слой поддался, и на скуле остался отпечаток, похожий на солнечный ожог. Она ощупала эпидермис. Консистенция вязкая, как клей для обоев. Мэри вздохнула. Трупы, которые побывали в заморозке, всегда выглядят хуже всего, и этот не был исключением. Она протерла кожу влажной ватой и наклонилась, чтобы проверить уровень воды в осушителе, который оставила работать на всю ночь. Вылив его содержимое в раковину, решила, что, несмотря на назойливый шум, оставит его включенным, пока приводит в порядок бедную миссис Миллер. Сначала Мэри нанесла толстый слой осушающего порошка и занялась волосами. С искренним сожалением полюбовалась густой каштановой гривой, запечатленной на фотографии покойной, которую ей вручили в качестве образца. Та улыбалась в камеру, обнимая одного из своих детей. «Наверняка старшего», – подумала Мэри. Она его помнила; миссис Миллер умерла вместе с мужем, свекровью и тремя детьми шесть месяцев назад, во время сильнейшей бури.

В соответствии с протоколом, семья была похоронена в считанные часы, но когда мать миссис Миллер, которая жила в Испании, узнала эту новость, у нее чуть не случился инфаркт, и она призвала на помощь небо и землю, чтобы ее дочь не была похоронена, пока она с ней не простится. И вот Мэри выдали труп, пролежавший полгода, а заодно фотографию, и потребовали, чтобы она сотворила чудо. Остатки порошка Уорд удалила феном, затем, добавив пигменты, размешала в миске маслянистую смесь телесного цвета, которую принялась наносить плоской кисточкой на лицо миссис Миллер. Удовлетворенно улыбаясь, распределила смесь на скулах покойной с помощью губки и кисти, мало чем отличающейся от тех, которыми пользуется любая женщина для макияжа, и аккуратно разгладила пальцами. Она наносила смесь на щеки, когда неожиданно нащупала небольшой комочек. Без сомнения, отломанный кусок зуба. Такое случается. Мэри с досадой вздохнула и поставила на стол миску и кисти. С помощью щипцов и фонарика она осмотрела ротовую полость и с удивлением убедилась, что там чисто. Снова ощупала челюсть, проведя под ней пальцами. Там определенно что-то было – кончики пальцев чувствовали нечто твердое. Мэри, надавив, протолкнула предмет вниз вдоль нижней челюсти, прижимая к задним зубам. Действовать следовало осторожно – ей не хотелось, чтобы этот предмет, чем бы он ни оказался, угодил в горло миссис Миллер. Она аккуратно вставила пинцет и провела им по зубам покойной, пока не нашла нужное место. Еще раз ощупала предмет пальцами, дабы убедиться, что он надежно закреплен щипцами, а затем достала его на свет.

Мэри Уорд не впервые видела пулю, но никак не ожидала обнаружить ее во рту миссис Миллер.

Глава 5

Наглая

Академия ФБР, Квантико, штат Вирджиния **Четверг, 25 августа 2005 года**

Амайя шла по коридорам ФБР, глядя в спину агента Эмерсона. Несколько минут назад он сказал ей следовать за ним, обменявшись перед этим лишь несколькими вежливыми фразами. Саласар быстро поняла, что Эмерсон ничем ей не поможет; он избегал смотреть на нее и шел на два шага впереди, держа дистанцию. Накануне отношения между ними, казалось, были безнадежно испорчены, поэтому она не стала задавать никаких вопросов и лишь старалась запомнить замысловатый маршрут, которым он ее вел. Амайя подозревала, что агент нарочно делает бесчисленные повороты, чтобы сбить ее с толку. Она была почти убеждена в этом, когда они дошли до конца узкого коридора и спустились в лифте на первый цокольный этаж. Двери открылись; за ними обнаружился просторный зал, разделенный низкими панелями, за которыми стояли столы и работали агенты. Вошедшие остановились перед одной из многочисленных дверей, ведущих внутрь разгороженного панелями помещения. Указав на два стула возле стены, Эмерсон сказал ей подождать. Затем легонько постучал костяшками пальцев по двери и вошел внутрь, оставив ее снаружи. Амайя заметила, что, как только она осталась одна, работники, сидевшие за столами, с интересом уставились на нее. Не ускользнуло от нее и то, как взгляд одного из них переместился в точку над ее головой. Амайя подняла глаза и увидела мигающий красный глазок камеры. Она сделала глубокий вдох. За ней наблюдали.

* * *

Агент Эмерсон вошел в кабинет, поздоровался с присутствующими и занял неприметное место у стены. Он надеялся, что застанет Дюпри, агента Такер и агента Джонсона, и его удивило присутствие еще двоих мужчин, которые вместе с Дюпри наблюдали за ожидавшей снаружи женщиной через экран в кабинете. Заместитель инспектора Амайя Саласар была приятной молодой женщиной: длинные светлые волосы аккуратно собраны в хвост, в ушах маленькие серьги, на ногах чистые туфли (всегда положительный знак), прямая спина и высоко поднятая голова. От Дюпри не ускользнул ее быстрый взгляд в камеру. Она знала, что за ней наблюдают, и это, казалось, несколько ее не смущало: движения и выражение лица Саласар оставались спокойными и уверенными.

Стоя возле стола, агент Джонсон открыл папку и начал читать вслух. Его голос был серьезен, а тон – спокоен и назидателен, как у профессора, хотя внешне он скорее напоминал викторианского доктора, чему способствовали усы и бородка, аккуратно подстриженные и до времени поседевшие. С того дня, как тридцать лет назад он поступил в академию, Джонсон не прибавил ни одного грамма жира и весил, возможно, даже чуть меньше, чем в то далекое время. Он хвастался, что носит все те же костюмы, и кое-кто мог бы поклясться, что так оно и есть – слишком уж свободно болтались они на вешалке, которую представляло собой его тело.

– Амайя Саласар, возраст двадцать пять лет, училась в Католическом университете Лойолы в Бостоне, специальность – право, социальные и поведенческие науки. Изучала научное невербальное общение и криминологию, абсолютная отличница. Закончила обучение, вернулась на родину, поступила на службу в полицию.

Один из мужчин, смотревших вместе с Дюпри на экран, кивнул, не выдавая произведенного на него впечатления. Джим Уилсон был нынешним шефом Национального центра криминальной информации и одним из первых участвовал в его формировании. В его базе содержа-

лась информация не только об убийствах, изнасилованиях и грабежах с применением насилия, но и о нарушителях закона, бандитах, террористах, пропавших без вести, лицах, проживающих под чужой личностью... Информацию для своей базы данных Уилсон собирал по всему миру, дополнив ее сведениями о судимости тысяч преступников. Сейчас база насчитывала около пятнадцати миллионов записей.

Еще одним присутствующим был Майкл Вердон, шеф отдела уголовного розыска. Все знали, что они с Уилсоном закадычные друзья. Обоим было около шестидесяти, оба почти одновременно поступили на службу в ФБР, а теперь, казалось, с трудом прикрывали редкими волосами все более гладкий череп. На этом, впрочем, сходство заканчивалось. Майкл Вердон был сложен атлетически, с глубоко вьевшимся, как у моряка, загаром, и без труда прошел бы физические испытания, необходимые курсанту для поступления. Уилсон же был из тех людей, которые кажутся в приличной физической форме, только если посмотреть сзади. Спереди же бросался в глаза круглый живот, соответствующий как минимум шестимесячной беременности.

Вместе Уилсон и Вердон были создателями Секретного описательного индекса идентификации, новаторской программы восьмидесятых годов, которая позволяла сопоставлять особенности преступления с характеристиками убийц, изученными и внесенными в систему. Программа обнаруживала совпадения и по отпечаткам пальцев помогала вычислить подозреваемого. В то время отпечатки пальцев можно было сопоставить только в случае, если субъект находится в тюрьме или побывал там однажды; заодно предлагался список его сокамерников и потенциальных сообщников. По сравнению с современной технологией Секретный описательный индекс идентификации был динозавром, однако именно он заложил основы баз данных, которые сегодня используются во всем мире.

Уилсон пробежал глазами свою копию отчета Амайи Саласар и согласно кивнул, когда Майкл Вердон задал наконец вопрос, который витал в воздухе:

– Почему мы не завербовали ее, когда она училась? Лойолу заканчивали наши лучшие агенты.

– Шеф ее тогда еще приметил, – сказал Джонсон, указывая подбородком на Дюпри, который продолжал внимательно наблюдать за женщиной на экране, – и даже сделал попытку завербовать. Все складывалось как нельзя лучше: чистое прошлое, с двенадцати лет училась в Америке в отличных интернатах. Завела пару незначительных романов с американскими коллегами. Отношения закончились по взаимному согласию. Никаких наркотиков, никаких скандалов. Мы получили специальную рекомендацию от ректора Университета Лойолы. Саласар представила блестящую дипломную работу о... – Джонсон поискал в отчете полное название. – Вот: «Невербальная коммуникация несовершеннолетних, подверженных угрозе социальной изоляции». Но когда мы обратились к ней с предложением, она заявила, что желает вернуться в Европу.

– В Испанию, – добавил Дюпри, который до этого момента молчал.

– Да, на север Испании, в Памплону, – пояснил Джонсон. – Ее без проблем взяли бы в Национальную полицию или Гражданскую гвардию, однако она поступила в небольшой полицейский корпус – местную полицию Наварры.

– И теперь мы снова видим ее здесь, – задумчиво сказал Вердон, не обращая ни к кому лично. Он покинул свое место рядом с Дюпри и пересел на один из стульев, стоявших у двери.

– Верно. – Джонсон улыбнулся. – По правде сказать, мы никогда не теряли ее из виду, и неудивительно, что благодаря исключительно собственным данным Саласар так быстро продвинулась: у себя на родине она самый молодой заместитель инспектора, скоро ее наверняка снова повысят. У нее безупречная карьера и...

– И вы не знаете, что с ней делать, – перебила его агент Такер, с досадой бросая на стол свою копию отчета. – Нет доброго дела, которое осталось бы безнаказанным, особенно если это дело рук женщины, – добавила она с притворным смирением.

Джонсон приподнял бровь. Такер не упускала случая показать свою непримиримую позицию по отношению к сексизму. Джонсон предполагал, что, как и многие, Такер некогда получила свое – за то, что женщина, за то, что афроамериканка... Но также он знал, что она была карьеристкой и метила на должность Дюпри и что, продвигаясь к намеченной цели, кромсала у себя на пути всех, независимо от пола. За последние два года Такер растоптала трех криминалистов, которые были назначены ей в качестве вспомогательных аналитиков: мужчину и двух женщин. Если она и терпела рядом с собой Эмерсона, то лишь потому, что тот был профессиональным подхалимом, наделенным талантом найти свое место под солнцем где угодно.

Эмерсон пожал плечами:

– В любом случае уровень преступности в этом районе крайне низок; не думаю, что она видела за это время хоть один труп, кроме самоубийств и жертв семейного насилия. Скорее всего, она потеряла квалификацию.

Дюпри посмотрел на него почти удивленно, словно забыв о его присутствии. По выражению его лица Эмерсон понял, что замечание не доставило ему ни малейшего удовольствия.

– Вы ошибаетесь, – возразила Такер. – Она в одиночку выследила коллекционера, а это самый опасный и неуловимый вид преступников. Освободила женщину, которую он похитил, и доказала, что преступник удерживает еще как минимум двух, готовясь их убить.

Эмерсон сжал челюсти с такой силой, словно был готов раскрошить собственные зубы.

– Зачем полицейскому ее уровня туда возвращаться? – задумчиво спросил Вердон. – Зачем ей эта Испания?

– Чтобы подождать, – ответил Дюпри.

– Подождать чего?

Дюпри не ответил. Он чуть заметно улыбнулся и опустил глаза, глядя на молодую женщину на экране.

– Когда мы рассылаем приглашения европейским полицейским, – заговорил Джонсон, – конечный выбор мы предоставляем местному начальству; оно само должно решить, кого к нам прислать. Однако заместителя инспектора Саласар пригласили лично. – Он улыбнулся. – Получив приглашение, ее упаковали и отправили нам срочной почтой.

– Ее неведение нам только на руку, – добавил Дюпри.

Шеф Уилсон, молча следивший за беседой, двинулся к боковой двери, ведущей в соседний кабинет. Положив руку на дверную ручку, он снова посмотрел на Дюпри.

– Ты знаешь, что я думаю. Однажды она уже отказалась от нашего предложения, а ее блестящие профессиональные качества не оправдывают нахальства. Но если она в состоянии объяснить вот это... – Он указал бледным пальцем на разноцветные стикеры, торчащие из папки на столе. – Если ты полагаешь, что за ее нахальством стоит гениальность, можешь рассчитывать на мою поддержку в любом решении, которое примешь.

– Спасибо, Джим, я ценю это. – Дюпри кивнул.

– Поблаговаришь в том случае, если у нее есть четкое объяснение того, что она тут натворила. Буду следить за беседой из своего кабинета.

Дюпри кивнул и подождал, пока за Уилсоном закроется дверь.

– Джонсон, пригласите ее.

* * *

Сидя в офисном кресле напротив агента Дюпри, слева от себя Амайя могла видеть Джонсона и Такер, а справа – Эмерсона. Только сидевший у двери человек, имени которого она не

знала и которого ей не представили, оставался вне поля ее зрения. Дюпри не пожал ей руку и не поздоровался. Он продолжал листать лежавший на столе отчет, который Саласар сразу узнала по цветным стикерам.

Дюпри заговорил так неожиданно, что она вздрогнула.

– Вчера агент Такер передала вам данные по реальному делу для упражнения. Задание состояло из трех профилей: один поведенческий, другой географический и третий виктимологический.

Он указал на часы за спиной, которые показывали девять сорок пять.

– Несмотря на то что ваш инструктор дал вам время до двенадцати часов, вы справились первой, причем всего за три часа. – Он поднес доклад к глазам. – Это можно было бы считать рекордом, если б не тот факт, что вы вернули нам дело в том виде, в каком его получили, добавив чуть более полудюжины цветных стикеров и такое же количество кратких замечаний.

– Сэр... – начала Амайя.

Дюпри поднял руку, прерывая ее.

– Ваша первая запись гласит: «Отсутствуют данные по третьему делу». – Он вопрошающе посмотрел на нее. – Скажите, заместитель инспектора Саласар, что навело вас на мысль о том, что существует третий случай?

Она сглотнула, прежде чем заговорить:

– Это следует из замечания агента Такер, сделанного во время семинара.

Дюпри поднял бровь. Агент Такер оживилась, услышав свое имя.

– В какой-то момент во время презентации, – пояснила Амайя, – она сказала: «Учитывая широкую зону, в которой действует убийца». Сэр, для грека или итальянца четыре часа езды, отделяющие Техас от Оклахомы, могут быть большим расстоянием, но для американца это не так. Заявление агента Такер заставило меня задуматься о том, что, вероятно, есть еще один случай, о котором нам не сообщили.

– Но ваш тьютор сказал, что у вас имеются все данные, которыми мы располагаем... – настаивал Дюпри.

– Вполне естественно, что они не раскрывают всех подробностей открытого дела только для того, чтобы практиканты выполнили упражнение, – рассудила Амайя.

Агент Такер сделала шаг вперед:

– Если исходить из предпосылки, что других данных нет, то тех, что мы предоставили, было достаточно для выполнения упражнения.

Дюпри уловил легкий скепсис, отразившийся на лице Амайи при этих словах Такер.

– Но вы не согласны с этой предпосылкой... – подбодрил ее Дюпри.

– Я исходила из того, что все указывает на как минимум еще один случай.

Агент откинулся в кресле и несколько секунд, которые показались ей вечностью, пристально смотрел на Амайю.

– Действительно, – продолжил он, – заявление мальчика, застрывшего под курятником Джонсов, было только началом. Для него нет большой разницы между композитором и дирижером оркестра, но он обрисовал ритуал, который заставил нас заподозрить, что это не первое такое убийство. Мы получили разрешение на эксгумацию и вскрытие Мейсонов, погибших у себя на ферме месяцем ранее, о которых агент вспомнил из-за необычайного сходства сценариев. Тогда мы сделали открытие, которое не было упомянуто в условии упражнения. Не знаю, знакомы ли вы с последствиями бальзамирования трупов... Быстрое удаление и замена крови бальзамирующей жидкостью на первых порах не позволяет различить невооруженным глазом некоторые следы, но через месяц изменение цвета заметно и четко различимо под лампой черного света. Так вот: на всех телах имелись следы веревок, в том числе и на теле отца.

Амайя сидела не шевелясь. Дюпри снова подался вперед, рассматривая отчет и перебирая бумаги.

– Во втором замечании, – сказал он, поднося к глазам приклеенный к указательному пальцу стикер, – вы указываете: «Он спасает их от опустошения», «Он – их Спаситель», «Он приходит, когда в нем больше всего нуждаются».

Саласар глубоко вздохнула, прежде чем заговорить. Она явно нервничала.

– Благодаря свидетелю... – Ее голос звучал чуть слышно; казалось, она задыхалась, как маленькая девочка после бега. Кашлянув, повторила попытку: – Благодаря свидетелю мы знаем, что он приходит в дом после катастрофы; он первый, кто появляется перед пострадавшими, – спасательные группы, полиция или пожарные еще не прибыли. Семья выжила, но пребывает в шоке, потому что все потеряла. Субъект появляется как человек, который приходит на помощь, как человек, который спасает в самом широком смысле этого слова. Это единственное объяснение того, что семья из троих взрослых и троих подростков не способна противостоять его нападению. Причем, как объяснила агент Такер, он появляется безоружным, а для убийства, как мы знаем, использует оружие отца. Он должен быть открытым, доброжелательным, и люди доверяют ему настолько, что он может внезапно на них напасть.

Эмерсон перебил ее:

– Но это не привносит ничего нового. Если вы читали отчет, то знаете, что мы рассматриваем вероятность того, что это сотрудник спасательной службы. По словам очевидца, у Композитора были портфель и значок, как у пожарного или фельдшера...

Дюпри указал на еще один желтый стикер.

– В своем третьем примечании относительно того, как были найдены тела, еще не зная, что они были связаны и что их головы были обращены на север, вы написали: «Убив их, он о них позаботился. Это его миссия, и дальнейшее ее выполнение напрямую зависит от того, чтобы не быть пойманным, чтобы скрывать свои преступления, причем не столько из-за желания и дальше оставаться в тени, сколько ради заботы о мертвых, наделенных определенным достоинством».

Пока Дюпри читал, Амайя заметила, что Эмерсон, стоявший рядом с ней, то и дело качает головой, будто отрицая каждое ее слово. Однако в итоге заговорил Джонсон. Его голос был безмятежен и, как всегда, изысканно вежлив, напоминая голос учителя, пытающегося заставить ученика рассуждать логично.

– С этим моментом я не согласен. Человек, которого мы ищем, – охотник; он хочет оставаться в тени, чтобы спокойно продолжать охоту. Мы не думаем, что сокрытие преступлений имеет какое-либо отношение к жертвам, – он делает это ради себя, чтобы его не вычислили. Ему это удалось в деле семьи Мейсон; то же самое было бы с Джонсами, если бы не свидетель.

Дюпри поднял глаза от доклада и, качнув подбородком, попросил Амайю продолжать.

– Попытка скрыть тот факт, что они погибли от пули, отвечает, на мой взгляд, другому желанию. В некотором смысле это кажется ему недостойным. Столь извращенным образом он пытается обеспечить им достойную смерть. Он не допускает насмешек или глумления над жертвами, поэтому скрывает их раны, заставляя считать, что смерть была случайна, что это воля Божья, а сам он выполняет работу, которую Бог не завершил, наслав на них ураган. Многие до сих пор считают, что стихийные бедствия – это небесная кара, способ, которым Творец проявляет свою силу, напоминая человеку о его ничтожности во вселенной, хрупкости его жизни и, следовательно, о собственной безграничной силе. Стремление этого типа использовать для выполнения своей задачи стихийные бедствия объясняется не желанием скрыть преступление, а отождествлением себя с Божьим гневом.

Такер и Джонсон обменялись быстрым взглядом с Дюпри. Специальный агент, сидевший за офисным столом, сделал медленный вдох.

– Я пока не знаю, могу ли с вами согласиться. Мы следуем четкой линии расследования, основанной на ритуальном поведении семейных убийц, аннигиляторов. Но, должен признать, ваш взгляд столь же оригинален, как и ваш подход к выполнению упражнений.

Амайя вздохнула и одной рукой схватила начавшее дрожать колено. Ей надо было успокоиться. Она знала, на что идет, представляя свои выводы в таком виде и вызывая определенную реакцию, – и теперь должна была смириться с последствиями.

– Особенно привлекает внимание вот это, – сказал Дюпри, указывая на желтую записку под заявлением мальчика, видевшего Композитора. Он прочел вслух: «Этот мальчик ходит в церковь? Он когда-нибудь был на похоронах? Узнает ли он инсценировку литургии?»

Слушая его, Амайя затаила дыхание. Наконец она моргнула, собираясь что-то сказать, но Дюпри поднял руку, снова перебив ее. Затем взял со стола документ с эмблемой ФБР.

– Вчера, прочитав вашу короткую записку, – сказал он, делая ударение на слове «короткую», – агенты Джонсон и Такер отправились самолетом в Оклахому, чтобы допросить свидетеля. Они побеседовали с ним и с его родителями. Вернулись рано утром. Агенты... – Он кивнул, давая им слово.

– Эта семья не ходила в церковь, – начала Такер. – Отец не видел в этом необходимости; более того, мальчик объяснил, – она заглянула в документ, который держала в руке, – что родители не ходили в церковь, поскольку отец не желал, чтобы его сыну морочили голову. Отвечая на ваш вопрос: мальчик никогда не видел религиозную церемонию или похороны.

– Мы, – продолжил Джонсон, – показали ему видеозапись литургии с участием различных пасторов, священников и проповедников, которые молятся во время религиозной церемонии. Мальчик сразу узнал движения. Он сказал, что именно это и делал Композитор.

Амайя выдохнула, пораженная верностью собственных выводов, но вместо нее заговорил Дюпри:

– Убийца не дирижировал оркестром и не сочинял симфонию смерти... Он молился за них, совершал прощальную похоронную литургию.

– ...*Dies irae*, заупокойная молитва, – прошептала Амайя.

Дюпри обменялся быстрым взглядом с Вердоном, находящимся в другой стороне комнаты. Тот, кивнув, снова покосился на лицо Саласар, догадываясь, что она чувствует себя неловко.

Амайя выдерживала его взгляд, пока хватало сил. Этот человек изучал ее, искал то, чего она не желала показывать. Рискуя показаться слабой, Саласар опустила глаза. И подняла их, только когда он продолжил чтение:

– В следующей записи сказано: «Он расстреливает их из отцовского пистолета, и это не случайность: он знает, что в доме есть оружие».

Эмерсон повернулся в кресле:

– Как он находит его среди всего этого хаоса? Несложно предположить, что на ферме имеется оружие, дробовик или охотничье ружье, но в обоих наших случаях ствол был малокалиберным; даже если б убийца знал, что у них есть револьвер, как он нашел его после смерча?

Амайя не ответила. Она продолжала смотреть на Дюпри, пока тот не дал ей знак говорить.

– Учитывая близость большой бури, катаклизма – в данном случае катаклизма, о котором объявили заранее, – нет ничего удивительного, что семьи приняли некоторые меры предосторожности, заранее собрав еду, фонари, воду, оружие... Скорее всего, они держали все это в сумке, и, как мы уже говорили, субъект не казался им подозрительным или опасным; только этим можно объяснить их небрежность. – Она сделала паузу, догадываясь, что произойдет очередное столкновение с Такер. – А может, у него было собственное оружие, которым он угрожал, приказывая отдать свое.

Дюпри, удивленно подняв бровь, что-то пометил внизу листа и задал вопрос:

– Если у него с собой было собственное оружие, зачем использовать отцовский револьвер?

– Это тоже часть ритуала. Для него почему-то важно действовать именно так.

Эмерсон встал, не в силах сдержаться.

– И это возвращает нас к аннигилятору, семейному убийце, который должен совершить свое преступление с помощью револьвера, принадлежащего отцу, чтобы добиться того, к чему стремятся семейные убийцы: власти и контроля. Его главная цель – отец. Вот почему он использует его револьвер.

– А за что он наказывает остальных членов семьи? – спросила Такер.

– Скорее всего, они представляют его собственную семью, а наказывает он их за то, что они присутствовали во время его мучений, ничего не делая, – пояснил Эмерсон.

Амайя задумалась.

– Он мог бы быть аннигилятором, но часто семейные убийцы, которые убивают ради власти и контроля, в детстве подвергались жестокому насилию – физическому, эмоциональному и часто сексуальному. Совершая преступления, они нередко пытаются свои жертвы, причиняя им те же страдания, через которые прошли сами. А выбирая семью, стремятся к тому, чтобы она максимально напоминала их собственную; они почти всегда идентифицируют себя с одним из членов семьи. В большинстве задокументированных случаев такие убийцы сохраняют жизнь этому члену семьи. И даже если выходят из-под контроля, убивают его только в случае крайней необходимости и ни в коем случае не подвергают пыткам, которые достаются другим членам семьи: увечья, оскорбления или унижения. Более того, в своей постановке они уделяют этому наиважнейшую роль. Они хотят, чтобы мир увидел, что они ему сделали, чтобы все узнали о его собственной боли.

Джонсон согласно кивнул:

– Думаю, это интересный подход; может быть, мы действительно имеем дело с чем-то особенным. Члены этих семей были казнены, раны замаскированы, никакого особого глумления мы не видим, он ко всем относится одинаково.

Амайя кивнула, прежде чем продолжить:

– Если какая-то разница и есть, то это отношение к отцу, поскольку во всех случаях преступник использует его оружие, – но не более того. Не думаю, что это аннигилятор, хотя на первый взгляд все выглядит именно так. Он – убийца-апостол, карает людей за грехи, несет искупление смертью и, как мы теперь знаем, молится за них.

– Вряд ли это имеет какое-то значение, но, возможно, он раскаивается. В остальном он идеально соответствует профилю аннигилятора. Все мы с этим согласны, – подытожил Эмерсон.

Амайя заметила, что Такер чуть склонила голову. Эмерсон не рассчитывал на такое единодушие.

– Смещение консенсуса, – с раздражением прошептала Саласар.

– Что вы имеете в виду? – спросил Эмерсон, не скрывая досады.

Амайя набрала в легкие воздух и подождала пару секунд, прежде чем ответить. Это начало казаться смешным. Вполне естественно, что они все усложняют, но она не думала, что от нее потребуют соглашаться с ними только потому, что они блестящие агенты ФБР. Она тщательно подобрала слова, прежде чем заговорить:

– Я имею в виду, что при составлении профиля убийцы нужно быть осторожным и избегать предвзятости: люди склонны подтасовывать теории и доказательства, подтверждающие их гипотезы, избегая тех, которые им противоречат. Мы склонны думать, что теория, которую мы защищаем, имеет больше плюсов, поскольку более распространена или одобрена окружающими, не указывая, кто именно «все те, кто так считает». Это ошибка, порожденная мозгом, когда ему неохота рассуждать. Иногда тот факт, что многие думают точно так же, означает лишь то, что эти многие ошибаются.

Эмерсон опустил горящий неприязнью взгляд в пол. Послышался досадливый вздох Джонсона.

Дюпри слегка нахмурился и поджал губы, наблюдая за Амайей. Было очевидно, что ее слова не пришлись по душе и ему. Амайя понимала, что для них она всего лишь заурядный офицер, который не проявляет должной почтительности, – но она была не одним из их курсантов, а таким же полицейским, как и любой другой. Да, она служила в небольшом подразделении, но заслуживала уважения, а о том, как его заслужить, Амайя Саласар знала не понаслышке. Она честно пыталась выполнить упражнение, хотя точно знала, что ей предоставили не все данные, но в тот момент ей уже было все равно.

Позади себя она почувствовала какое-то движение и заметила, что Дюпри сделал знак человеку, стоящему у нее за спиной.

– Продолжайте, – приказал тот.

Она кивнула. В конце концов, если они согласились ее выслушать, ей следовало проявлять большее уважение.

– Тот факт, что он за них молится, делает его мотивы особенными – и полностью меняет ситуацию. Мы еще не знаем, какую роль играет этот момент в его поведении и является ли он определяющим, но не можем сбросить его со счетов и оставить без дальнейшего изучения лишь потому, что он не вписывается в профиль аннигилятора. Подозреваю, что вы тоже так думаете, – сказала она, обращаясь к Дюпри.

Тот поднял бровь. Скептическое выражение его лица быстро сменилось заинтересованным.

– Вот как? Вы в курсе того, о чем я думаю? Но откуда у вас такие сведения?

– Не случайно же на своем вчерашнем выступлении вы говорили об убийцах, которые маскируют свои преступления, делая их похожими на что-то другое.

Некоторое время Дюпри молчал, перелистывая досье и просматривая цветные стикеры. Наконец закрыл его и посмотрел на Амайю.

– Есть еще две пометки. Одна касается виктимологического профиля, где вы пишете: «Хормейстер». То есть это означает, что он поддерживает некую цельность. Но если это семейный убийца, ему нужен не хор, а «актерский состав». Чтобы каждый из членов семьи представлял кого-то, кого он знает, – скорее всего, его собственную семью, чтобы у него имелась возможность им отомстить.

Амайя покачала головой:

– Он ищет не мести, а искупления. Ему плевать на распределение ролей. Его волнует сама семья, ее концепция. Он – убийца апостольского типа, который не стал бы убивать, например, собаку, потому что такого рода убийство не вписывается в его концепцию. Уверена, ни в одном из случаев он не трогал домашних животных.

Саласар почувствовала, что присутствующим стало неловко. Вздохи, изменения осанки. Она играла ва-банк и, возможно, ничего не выиграет. Своей смелостью ей удалось привлечь к себе внимание, но Амайя осознавала риск: между храбростью и безрассудством существовала тонкая граница, зависящая от настроения противника. Они уже наигрались с этой отважной мышкой. Амайя откинулась на спинку кресла. Беседа подходила к концу: либо она выложит все сейчас, либо у нее больше не будет шансов.

– Сэр, я не могла описать профиль, не получив ответы на свои вопросы. Мне не хватает данных, сэр...

– Вы могли выполнить задание с теми данными, которые у вас есть, – перебила ее Такер.

– Уверенность в том, что данные отсутствуют, сама по себе является данным, описывающим реальность, – решительно ответила Амайя. – Выполнять упражнение, держа в уме эту деталь, означало бы исходить из ложных и ошибочных предпосылок. В отчете не упомянуты следы от веревок или что мальчик видел значок на лацкане подозреваемого.

Она пожалела о своих словах, как только их произнесла. Было слышно, как у нее за спиной захлопнулась дверь. Человек, который слушал молча, ушел, и интуиция подсказывала ей, что вместе с дверью захлопнулась всякая возможность быть воспринятой всерьез.

Амайя опустила веки и выдохнула, прежде чем снова осмелилась взглянуть на Дюпри. Он держал перед собой единственный стикер другого цвета. Синий. Этот стикер соответствовал географическому профилю.

– Как вы говорите, латентные переменные? – спросил Дюпри, показывая ей стикер.

Саласар попыталась успокоиться:

– Латентные или скрытые переменные, сэр. Переменные, которые не наблюдаются непосредственно, но выводятся косвенно из других, очевидных переменных. Латентные переменные указывают на то, что преступник уже делал это раньше, что его система отлажена, и потому я уверена, что есть еще один случай.

Эмерсон недобро улыбнулся.

– На чем же основана ваша уверенность?

Амайя повернулась к нему, по губам ее скользнула ответная улыбка.

– На основе математической модели; именно так вычисляются латентные переменные.

Вой должны знать, что это такое, если занимаетесь анализом данных.

– Конечно, я знаю, что это такое... – пробормотал он.

– В данном случае, – перебила она, – я сделала вывод, исходя из предположения агента Такер о том, что убийца передвигался по большой территории. – Она выждала еще несколько секунд и заметила, как скисла физиономия Эмерсона, в то время как глаза его растерянно бегали из одной точки в другую, возможно в поисках подходящих слов.

– Вы заблуждаетесь... – начал Эмерсон.

– Вы правы, – перебил его Дюпри. – Есть еще один случай. В феврале прошлого года буря обрушилась на прибрежный городок недалеко от Кейп-Мей в Нью-Джерси. Семья Миллер, также ставшая жертвой, была обнаружена мертвой в своем доме. Как и в случае с семьей Мейсон, все они были похоронены без вскрытия. Семья миссис Миллер проживает за границей. Когда им сообщили о несчастье, у матери случился инфаркт, и в Америку она приехала только на прошлой неделе. Все это время замороженный труп миссис Миллер лежал в морге, таково было желание матери. Мэри Уорд, наследница в четвертом поколении похоронного бюро в Кейп-Мей, разморозила труп миссис Миллер, чтобы сделать его презентабельным для передачи семье. Во время нанесения макияжа она нащупала в челюсти твердый предмет, который оказался пулей двадцать второго калибра. К сожалению, из-за несогласия семьи, долгого времени, прошедшего с момента похорон, и упрямства судьи мы до сих пор не можем эксгумировать тела для вскрытия. Судья считает, что фотографии, сделанные на месте преступления, дают достаточно информации.

Дюпри открыл ящик стола, извлек из него коричневую папку и положил перед Амайей. Около двадцати снимков зафиксировали стоящий на берегу жилой дом, разрушенный водой и ветром. Трупы членов семьи лежали в гостиной. Над телами словно плыли рваные занавески, прикрепленные к обломкам висящего над окном карниза; фотография запечатлела момент, когда они развевались на ветру, подобно призракам. Разбитые черепа контрастировали с небольшими ранами на других частях тела.

Амайя перебирала фотографии осторожно, почти благоговейно, по возможности стараясь прикасаться только к краям. Голос агента Дюпри вернул ее к действительности.

– Заместитель инспектора Саласар, мне известно, что вы несколько лет прожили в нашей стране, так что наверняка знакомы с особенностями метеорологии. Сейчас разгар сезона ураганов. Рано утром буря опустошила обширную территорию в Техасе. Семья Аллен – отец, мать и трое детей-подростков, двое мальчиков и девочка, – погибла под завалами дома. Мы проверили, бабушек и дедушек у них не было. Родители обоих супругов скончались, когда те были

детьми, оба выросли в приемных семьях. На первый взгляд, эта семья не соответствует профилю, на котором сосредоточен убийца. Мы немедленно выезжаем туда, чтобы все проверить. Нам бы хотелось, чтобы вы поехали с нами.

Амайя опустила глаза и кивнула. От ее внимания не ускользнули огорченные физиономии остальных офицеров отряда.

Глава 6

Ичусурия. Коридор душ

Алворд, штат Техас

На лужайке перед домом Алленов следов урагана почти не было. Если стоять напротив фермы, в первый момент возникало ощущение абсолютной нормальности. Окна подвала выглядели нетронутыми, как и лестница, ведущая на крыльцо, где стояла пара уцелевших горшков с фиолетовыми цветочками, украшающих главный вход. Только когда взгляд достигал окон, наблюдатель понимал, что с этим одноэтажным домом что-то не так. Крыши не было: верхняя часть дома была сорвана начисто, как панцирь у черепахи.

Множество автомобилей, загораживающих подъездную дорогу, свидетельствовало о большом количестве местных и государственных агентов, пожарных, фельдшеров, даже сотрудников похоронного бюро, заполняющих дом. Амайя устремилась за офицерами подразделения по узкому коридору, и полицейские расступались, чтобы дать ей пройти. Шедший впереди Эмерсон на мгновение повернулся и, увидев Амайю, скрылся в глубине гостиной, не дожидаясь ее. Она не возражала, поскольку была уверена, что не увидит ничего особенного, пока все эти люди не покинут дом, а остальные помещения, на которые никто не обращал внимания, показались ей таким же хорошим местом для начала осмотра. Куртка была ей великовата, но, по крайней мере, на спине красовались яркие желтые буквы ФБР. Амайя залезла во внутренние карманы, извлекла пару перчаток и, надевая их на ходу, двинулась вглубь дома. Несмотря на отсутствие крыши, внутри серьезных повреждений не наблюдалось, и перейти из одной комнаты в другую можно было через дверные проемы. Картины на стенах висели криво; всюду виднелись какие-то обломки, пыльный мусор от рухнувшей крыши, обрывки электрических проводов. Амайя заметила, что оконные стекла лопнули и весь пол усеян осколками. На кухонном столе лежали остатки еды, а из раковины выглядывал пучок моркови, все еще облепленный землей. Упавшие стулья производили впечатление поспешного бегства домочадцев, но казалось, что те вот-вот вернуться к делам, которыми занимались до урагана.

Подходя к дому, Амайя внимательно осмотрела строения небольшой фермы в поисках входа в убежище, где семья могла бы укрыться на время бури. Дюпри уже предупредил ее, что в принципе эта семья не вписывается в виктимологический профиль, предпочитаемый подозреваемым, которого они преследуют. Но Амайя не верила в случайности. Муж, жена и трое детей, двое мальчиков и девочка того же возраста, что и в семье Мейсонов и Джонсов. Все лежали на полу в гостиной, которая была сильно повреждена, но где они могли бы выжить, погребенные под мебелью. Оставалось проверить направление, в котором упали тела, и найти револьвер, принадлежащий отцу; и если, как она думала, члены семьи Аллен – жертвы Композитора, то они благополучно переждали бурю в убежище.

Рядом с кухонной дверью располагалась еще одна, похожая. Открыв ее, Амайя поняла, что перед ней вход в подвал. Она вынула из кармана прихваченный с собой фонарик и начала спускаться по ступенькам, не касаясь перил и стараясь ступать ближе к стене, чтобы не наследить в зоне прохода. Свет едва сочился сквозь пылевую взвесь. Толстый слой пыли покрывал маленькие окна, идущие вдоль цоколя, которые Саласар видела снаружи, – изнутри они располагались прямо под потолком. Присмотревшись получше, она поняла, что окна заклеены полосками скотча и клейкой бумагой. В аккуратно разложенных пластиковых ящиках лежали фонари, транзистор и батарейки, рядом стояли бочки с водой, коробки с консервами и даже небольшая газовая плитка для кемпинга с прикрепленными к ней баллонами. На неуклюжем столовом буфете, который время вытеснило в подвал, громоздились бутылки и обертки от шоколадных конфет. Два пива, два безалкогольных напитка, полдюжины банок колы и пара бутылок воды. Избегая к ним прикасаться, Амайя наклонилась и услышала шелестение газа

внутри одной из бутылок. На дверцах буфета висел раскрытый висячий замок. Не касаясь ручки, она приоткрыла дверцу и сразу ощутила знакомый запах оружейного масла. Внутри оружия не было, но на дне лежали несколько пачек патронов двадцать второго калибра. На полу у дальней от окон стены Амайя увидела несколько спальных мешков и подушек. Нагнулась, чтобы осмотреть содержимое золотистой сумочки, похожей на косметичку. Та была забита лекарствами. Амайя закрыла ее и положила на место.

Она поднялась по лестнице и попыталась снова пройти в гостиную, но путь ей загрозили полицейские. Саласар слышала, как Дюпри убеждает шерифа убрать всех этих людей с места преступления, и прильнула вплотную к стене, чтобы выпустить полицейских, занимавших почти всю гостиную. В помещении, где лежала семья, царил еще больший беспорядок. Служащие криминалистической лаборатории в белых скафандрах фотографировали каждый обломок, лежащий поверх тел, прежде чем удалить его. Головы жертв – месиво из слипшихся волос и крови, сероватой от пыли, – были обращены на север; тела лежали в том же порядке, что и в предыдущих случаях: жена, трое детей от старшего к младшему, и муж. Агенты терпеливо ждали, столпившись вокруг тел. Дюпри почувствовал присутствие Амайи и резко повернулся. Тем не менее он сдержался, приблизился к ней почти вплотную и только тогда сказал:

– Где, черт возьми, вас носило?

Она смутилась:

– Я была...

Агент схватил ее за руку и повел к выходу.

– Я не могла пройти, – оправдывалась Амайя. – Агент Эмерсон ушел вперед, в коридоре толпились люди, и я решила, что...

– Мне не нужны извинения, – отрезал Дюпри. – Эмерсон – болван, но я привел вас сюда не для того, чтобы вы были простым наблюдателем, а чтобы глядели в оба и напрягали все чувства. Войдите в дом еще раз, почувствуйте ужас, который пережила эта семья. Мне нужно знать, что творится в голове у Композитора. Объясните мне, что у него на уме. И не смущайтесь, почувствуйте себя увереннее.

Не дожидаясь, пока она ответит, он повернулся на каблуках и зашагал вглубь дома.

Амайя последовала за ним.

Техники наконец расчистили трупы, и столпившиеся вокруг полицейские осматривали их, пока судмедэксперт излагал свои первые впечатления. Амайя пристроилась прямо за ним.

– Смерть наступила менее пяти часов назад. Окопение еще не наступило, но на соприкасающейся с землей поверхности уже видны следы лигатур. Потеря крови небольшая, особенно учитывая глубину ран, сосредоточенных в области черепа.

– Возможно ли, что смерть наступила до того, как их ударили по голове? – предположила Такер.

– На этот вопрос пока не могу ответить, вам придется дожидаться вскрытия. Однако одно могу сказать точно: все раны, которые вы видите, смертельны, – сказал судмедэксперт, отодвинув пальцами волосы младшего мальчика, чтобы все могли увидеть повреждения черепа.

– Может, им разбили головы прямо в этой комнате? – спросила Такер.

– Вы же видели, сколько предметов на них упало; куски дерева и цемента глубоко проникли в кость. Однако тот факт, что они найдены здесь, не исключает, что ранения они могли получить в другом помещении. Такое случается при пожарах. Во время паники члены семьи часто бегут друг к другу и в конечном итоге гибнут вместе.

– С головами, указывающими на север, – уточнил Дюпри.

Судмедэксперт пожал плечами.

– Да... Это странно, но...

– В остальной части дома нет крови, я проверила, – заметила Амайя, обращаясь к Дюпри. – Ни одной капли, свидетельствующей о том, что раны на голове они получили где-

то еще, прежде чем оказаться в гостиной. Если б они перемещались из комнаты в комнату с такими серьезными травмами, повсюду были бы обильные следы крови, указывающие их путь.

– На одежде и на лицах не видно ни пятен, ни брызг, а они обязательно были бы, если б во время нанесения ударов жертвы стояли в вертикальном положении, – заметил Джонсон.

Амайя сделала шаг вперед и склонилась над трупом.

– А если хорошенько присмотреться, – сказала она, указывая на спекшуюся кровь вокруг раны на голове мальчика, – то в нескольких сантиметрах ниже места, куда пришелся удар, образовался волдырь.

Судмедэксперт откинул волосы в указанном месте.

– Это может быть сгусток крови...

– Нет, это другое, – возразила Амайя. – Это ожог. Если вы присмотритесь к краям раны, то увидите характерные темные отметины, которые появляются при выстреле; на коже они едва заметны, но на черепе, достаточно твердом, чтобы не позволить газам попасть внутрь, образуется характерная припухлость.

Дюпри удовлетворенно кивнул.

– Возможно, вы правы, – неохотно признал судмедэксперт.

– Все они погибли от выстрела в голову, произведенного после нанесения этих страшных ударов, – сказала она.

– Действительно, очень похоже на известные нам случаи. Но мы еще не нашли револьвер, к тому же в семье отсутствует бабушка, – возразил Джонсон.

– Во время урагана семья укрылась в подвале, куда можно попасть из кухни, – сказала Амайя, выразительно посмотрев на Дюпри. – Они хорошо подготовились: у них была вода, еда, батарейки, транзисторы, фонари. Все в герметичных коробках. Я нашла открытый оружейник; внутри нет оружия, зато лежат промасленная тряпка и чистящая щетка, а также несколько коробок с патронами двадцать второго калибра. Вряд ли им удалось уснуть, однако ночь они провели внизу; в спальнях царит хаос, но кровати застелены. Имеется шесть спальных мешков и питье для шести человек: пиво наверняка для отца, напиток без сахара для матери, кола для детей и вода для шестого человека.

Эмерсон посмотрел на остальных, ища поддержки.

– Нельзя же предположить, – сказал он, – что спальный мешок или бутылка с водой указывают на наличие шестого человека; скорее всего, они положили на пол все мешки, которые у них имелись, и любой из них мог пить простую воду помимо колы.

Дюпри смотрел на Амайю.

– Рядом со спальными мешками лежит несессер с лекарствами, характерными для пожилых людей. Для улучшения циркуляции крови, от давления и артрита, снотворное. Пожилые люди никуда не выходят без своих лекарств, а запивают их только водой. Кроме того, на бутылке остались следы светло-розовой помады. На губах матери и девочки-подростка помады нет.

– Есть только одна проблема, – возразила Такер, вставая. – Нет никаких следов этого человека. По имеющимся у нас данным, ни у одного из супругов не было родителей. Родители умерли, когда те были совсем детьми. Они познакомились в подростковом возрасте в приемной семье. Оба были сироты. Может быть, это и связывало их до самого конца, – грустно сказала она, глядя на тела.

* * *

Амайя вышла из дома и, петляя между машинами, загромождавшими дорогу, отошла достаточно далеко, чтобы увидеть дом с нового ракурса. Тропа, ведущая к крыльцу, метрах в двухстах вливалась в государственную дорогу. Стоя на обочине, Саласар осматривала

открытый участок, в центре которого стоял дом Алленов. Урожай здешних полей, состоявший, скорее всего, из бобовых, был уже собран, и ее не удивило отсутствие техники. Она вспомнила, что на дверце холодильника видела наклейку с логотипом «Фермерского кооператива Алворда». Других построек, помимо фермы, в поле зрения не наблюдалось, а ближайшие соседи, насколько ей было известно, жили более чем в двух милях.

Казалось, белый забор, окружавший дом, и дюжина хилых деревьев, окаймлявших дорогу, тоже вытянулись в северном направлении, куда дул ветер. Амайя подняла глаза к облакам, на мгновение закрывшим солнце, и снова зашагала к ферме.

Чуть в стороне она увидела женщину в форме лет сорока, прислонившуюся к полицейской машине штата. Та улыбнулась, кивнула в сторону дома и заметила:

– Потрясающе, правда? Похоже на черепаху без панциря.

Амайя улыбнулась в ответ.

– Не поверите, когда я впервые увидела этот дом, мне в голову пришла та же мысль. Хуже всего то, что скоро, похоже, пойдет дождь.

– О, об этом не беспокойтесь; скоро сюда приедет компания из соседнего штата и привезет промышленный навес – остатки дома накроют сегодня же вечером. После того как вывезут трупы и изучат место преступления, дом разберут комнату за комнатой. Потом проведут инвентаризацию, а все вещи до конца расследования вывезут на склад. Только тогда можно будет передать их наследникам, если таковые найдутся.

– Надо же, все предусмотрено, – усмехнулась Амайя.

Женщина протянула руку.

– Я – Алана Харрис из полиции штата.

– Заместитель инспектора Амайя Саласар, сотрудник ФБР, – представилась Амайя, касаясь значка, висевшего на отложном воротнике.

Женщина обратила внимание, что куртка ей велика:

– Не по размеру она вам.

Амайя кивнула в сторону развалин. Она заметила, что Дюпри наблюдает за ней, стоя на крыльце.

– Вы, случайно, не знаете, куда подевалась крыша?

– Знаю, конечно, – ответила женщина. – Она лежит примерно в трехстах ярдах отсюда, прямо за домом. Это еще что... Три года назад ураган Хелен сорвал крышу с церкви, унес за две мили и обрушил на амбар.

Амайя зашагала к дому, слушая женщину и кивая в ответ. В отличие от лужайки перед крыльцом, двор с другой стороны дома был усыпан обломками, пыльной одеждой и прочими вещами. Чуть поодаль она различила шестирожковую люстру с нетронутыми лампочками. Никаких следов крыши видно не было.

– Вам придется отойти подальше, чтобы ее увидеть; она в яме! – крикнула ей вслед женщина.

Амайя повернулась, подняв руку в знак благодарности, и увидела, что Дюпри спустился с крыльца и двинулся за ней.

Поле за домом покрывала высокая трава, и хотя ураган прижал ее к земле, задувший откуда-то бриз поднял ее снова. Амайя зашагала по полю, сознавая, что Дюпри следует прямо за ней. Крыши по-прежнему не было видно, но когда она вновь повернулась, то увидела вдали Алану, которая махнула рукой, призывая следовать дальше. Вскоре Амайя действительно увидела в земле яму чуть ли не двухметровой глубины и около двадцати пяти метров в поперечнике, на дне которой лежала крыша. Она была практически целой, с торчащими балками, крепившими ее к дому. У Амайи даже возникло ощущение, что перед ней лишь верхушка некоего подземного здания. На поле виднелись чьи-то следы, которые выделялись на примятой траве почти так же четко, как на снегу. Она повернулась, посмотрела назад и убедилась, что тоже

оставила следы, а затем подошла к краю ямы. Дюпри догнал ее и молча встал рядом. За ним тянулись остальные полицейские.

Амайя спустилась в небольшую ложбинку, присела на землю и заглянула под карниз. Затем встала и поманила Дюпри и остальных офицеров.

– Там, откуда я родом, существует древнее поверье, что дом – это не только сам дом, но и пространство между стеной дома и крышей; называется ичусурия. Там хоронили покойников, которые по разным причинам не могли быть похоронены на кладбище. – Она подождала, пока все присядут, и направила луч фонарика на окровавленное лицо мертвой женщины, лежавшей под крышей. – А вот и бабушка.

Глава 7

Сомнения

Академия ФБР, Квантико, штат Вирджиния

Сидя за компьютером, Амайя еще раз попыталась сосредоточиться на голосе инструктора, объясняющего, как правильно заполнять профиль подозреваемых в убийстве, чтобы соответствовать международным нормам виктимологической регистрации. Она устала после бессонной ночи, проведенной за составлением нового отчета, и, как ни старалась, ей с трудом удавалось сконцентрироваться. Мысли снова и снова возвращались к собственным выводам: большинство из них противоречили мнению офицеров подразделения и выглядели чисто интуитивными, но, в конце концов, именно этого и ждал от нее специальный агент Дюпри, когда они прощались.

– Теперь у вас есть все данные. Заполните все три профиля. Я хочу, чтобы ваш отчет лежал у меня на столе завтра в восемь.

Амайя положила отчет на стол Дюпри в семь.

Она еще раз посмотрела на часы – уже больше двенадцати. Она не могла перестать думать о составленном ею профиле.

Белый, старше сорока пяти лет, имеет опыт аналогичных убийств представителей своей расовой группы.

Организованный, терпеливый, способный ждать подходящий момент. Верующий, хотя позиция церкви по отношению к греху кажется ему слишком мягкой...

* * *

...Амайя отсидела один семинар, а затем второй. Она чувствовала себя опустошенной – такова была цена, которую приходилось платить за собственную правоту, за необъяснимую привилегию обнаружить фрагмент, которого не доставало в пазле. Дерзость знания, истины, которая в какой-то момент нарушала установленные границы, требовала расплаты.

Обнаружив под крышей мертвую бабушку, Амайя больше не могла сдерживаться. Противостояние с командой Дюпри перестало быть чисто диалектическим. Направив луч фонарика на изуродованное лицо женщины, замурованной в своей импровизированной могиле, она почувствовала, как внутри у нее складываются куски, образующие зловещую картину, созданную преступным разумом Композитора. В отличие от внутренних помещений дома, вытопанных ногами десятков полицейских, эта сцена сохранилась нетронутой. Если б Амайя сосредоточилась, она могла бы почувствовать незримое присутствие человека, преследующего старуху, чтобы заставить ее занять отведенное ей место. Нет, он не был аннигилятором – так профайлеры называли семейных убийц. Сейчас Амайя была совершенно уверена в этом. Он стремился не к уничтожению этих семей, а к созданию новой. Идеальной семьи, совершенной в своей смерти. Когда утром они оказались в кабинете Дюпри, ее находка, а затем столь решительно сделанный вывод вызвали у коллег едва сдерживаемое раздражение.

– У них нет бабушек и дедушек. Родители обоих умерли, как уже сказала вам агент Такер, – категорически заявил явно взбешенный, но все-таки вежливый Джонсон.

– Это бабушка, проверьте. – Она повернулась к дому и пошла прочь.

– Мы проверили, – следуя за ней, сердито ответила Такер. – Я не утверждала бы ничего подобного, если б у меня не было данных.

– Проверьте еще раз.

– С кем, по-вашему, вы разговариваете? – пробормотала Такер. – С какой стати вы мне приказываете?

Амайя остановилась, вздохнула и опустила глаза, пытаясь успокоиться. Она чувствовала самое настоящее исступление, которое подталкивало ее схватить Такер за воротник рубашки и заставить ее поменять свое мнение. Но ничего подобного Амайя не сделала. Не желая уступать ни на йоту, она понизила голос до шепота, заставляя членов команды подойти ближе, чтобы расслышать ее слова.

– Забудьте официальные базы данных. Спросите у соседей, жила ли эта женщина в их доме. Дети, похороненные под карнизом крыши на моей родине, официально не были членами христианской семьи.

Агент Джонсон втянул голову в плечи, ошеломленный ее словами. Он перевел взгляд на Дюпри и приоткрыл рот, ожидая его реакции. Эмерсон смотрел на остальных с досадой.

– Что за херня? – воскликнул он, подняв обе руки. – Какие-то люди, похороненные под крышей... Мы в самом деле должны мириться с тем, что вещает нам эта дилетантка?

– Проверьте еще раз, – приказал Дюпри.

– Но... У нас данные... – возразил Джонсон.

Дюпри окинул его ледяным взглядом:

– Я сказал проверить.

После этого он приказал ей удалиться, а сам остался с агентами. Саласар ждала в машине, чувствуя себя провинившейся девчонкой, которую в наказание поставили в угол. Со своего места она наблюдала за Дюпри, Эмерсоном и Такер, стоявшими к машине спиной; по выражениям их лиц было ясно, что они о чем-то спорят, хотя голос никто не повышал. Плечи напряжены, голова опущена, руки упираются в бедра. В какой-то момент Такер посмотрела в сторону машины, а Эмерсон указал на Амайю подбородком. Она не сомневалась, что говорят о ней. Вернулся Джонсон, который расспросил о семье Аллен соседей, столпившихся неподалеку от дома. Коротко доложил о чем-то Дюпри, и вся группа повернулась в ее сторону и уставилась на нее с выражением изумления и подозрения.

Амайя вышла из машины и подождала, пока они подойдут. Дюпри жестом дал разрешение Джонсону, который признался:

– Мертвая старуха под крышей – Белинда Райт. Она с детства дружила с матерью Хью Аллена. Когда тот, достигнув совершеннолетия, покинул приемную семью, Белинда взяла его к себе. Хью жил с ней и ее мужем на небольшой ферме неподалеку, пока не женился и не переехал в этот дом. Много лет спустя, когда Белинда овдовела, она поселилась у них и помогала воспитывать детей. Она не была его матерью, но он относился к ней с таким же уважением.

– Каким-то образом, – продолжил Дюпри, – этой женщине удалось сбежать из дома, а может, когда пришел убийца, ее там не было. Он догнал ее в поле, сбил с ног и затащил под крышу. Она была для него еще одним членом семьи. – Последние слова он произнес, глядя на Амайю с уважением.

Такер тоже заметно понизила тон, обратившись к ней:

– Я понимаю, что именно это вы имели в виду, говоря о «хоре». Он ищет не семью, а нечто, что ее представляет. Но почему он убивает исключительно в местах стихийных бедствий?

– Все не так просто, – возразила Амайя: к ней вернулся ее кураж. – Надо иметь в виду, что все мы в курсе, когда надвигается буря, циклон или ураган; знает об этом и убийца. Ураган диктует ему, куда он должен идти. Ему приказывает сам Бог. Бог и метеорологические службы, – добавила она, чуть заметно улыбнувшись. – Думаю, именно поэтому он всегда приходит вовремя. Появляется в опасной зоне заранее и ждет, пока Бог укажет ему точные координаты.

Эмерсон с досадой щелкнул языком.

– Давайте посмотрим, правильно ли я вас понял, – сказал он с притворным дружелюбием. – Вы полагаете, что убийца выбирает не семью, а место, район, где на землю обрушивается торнадо, ураган или наводнение. В какой-то степени предсказать это не так сложно. Как вы сами говорите, с каждым днем государственные метеорологические агентства работают все лучше, надежно предсказывая, где будет очередное стихийное бедствие. Но если Композитор выбирает место по прогнозу погоды, как ему удастся вычислить семью, которая идеально соответствует профилю, нужному для выполнения его задачи? Неужели Бог, опережая метеорологическую службу, подсказывает ему, где разразится буря, чтобы он заранее мог присмотреть подходящие жертвы? Или вы считаете, что на этот раз речь идет о чем-то мистическом, вроде захоронений под крышами? – Эмерсон завершил выступление одной из своих неприятных улыбок.

– Мне бы не пришли в голову такие глупости, даже чтобы опровергнуть ошибочную гипотезу, – ответила Амайя. – А это не гипотеза, это база, созданная на основе данных.

Улыбка Эмерсона погасла, сменившись недобрый оскалом, который появлялся у него на физиономии, когда он чувствовал себя оскорбленным.

– Неважно, верю ли я или нет; важно, что верит он, – твердо продолжала Амайя. – Именно этим сильна вера. Если речь идет об убийце, который полагает, что его действия совпадают с Божьей волей или, по крайней мере, Бог видит в нем не убийцу, а Лота, праведного человека, он будет интерпретировать в свою пользу факты, которые для других остаются незамеченными, и разработает личную стратегию выбора жертв. Очень важно ни на миг не забывать о его способности объединять волю Провидения с собственными желаниями.

– Мы находимся на предварительной стадии, и у нас нет достаточно данных, но убийцы апостольского типа считают, что освобождают общество от недостойных, извращенных и ненужных элементов. Их жертвами обычно становятся проститутки, нищие, наркоторговцы, наркоманы. Все, кого они считают отбросами общества... Мы расследуем дело семьи Аллен, но многие недели работаем с данными других семей, и, уверяю вас, они не соответствуют этому профилю. Обычные семьи со своими плюсами и минусами, они не вписываются в образ жертв, которых убийца апостольского типа считает аморальными. В них нет ничего предосудительного, – возразила Такер.

– В деле Уорноса, – добавил Джонсон, – маньяк убивал клиентов проституток, наказывая мужчин, а не женщин. Грех, который преследует этот апостол, можно не вычислить с первого взгляда.

Такер, казалось, задумалась над услышанным.

– Вы предполагаете, что один или несколько членов этих семей делали нечто предосудительное? – спросила она, снова обращаясь к Амайе.

– Предосудительное для убийцы, – уточнила Амайя. – Мы должны помнить о том, что его восприятие мира субъективно. Достаточно того, что он знает некую особенность, присущую этим семьям, которая кажется ему веским основанием для их убийства. Но я думаю, что это дело шире, потому что оно сосредоточено не на конкретном члене семьи: он наказывает семьи целиком, потому что считает их ответственными за некое неведомое зло.

Она поймала на себе взгляд Дюпри. Склонив голову набок, тот внимательно ее изучал. И не просто изучал, а пронизывал взглядом, так же как в то утро в своем кабинете.

Эмерсон чуть подался вперед.

– Думаю, в вашей теории имеется существенный пробел. Должен признать, меня впечатлило ваше предположение о том, что место указывают стихийные бедствия, а также ваша «психическая особенность», которая помогла отыскать бабушку, но этого недостаточно, чтобы установить принцип, по которому он выбирает семьи.

– Я сама до сих пор этого не знаю, – призналась Амайя, глядя в глаза Эмерсону, чтобы ускользнуть от настойчивого взгляда Дюпри. – Думаю, сейчас не время отвечать на этот вопрос;

в любом случае мы придем к какому-то выводу, когда узнаем, каков его временной интервал. Сейчас главный вопрос – с каких пор он убивает?

– Предлагаю ориентироваться на февраль... – начал Эмерсон.

– Пока что, – перебила его Амайя, – мы в самом деле можем ориентироваться на февраль: именно тогда была убита семья из Кейп-Мей... Но я уверена, что все началось гораздо раньше. Его метод отточен до такой степени, что он знает даже про то, что Белинда Райт была бабушкой Алленов, не будучи их родственницей. Такой уровень мастерства требует опыта, ловкости и практики, а на начальном этапе допускаются ошибки...

Дюпри медленно кивнул.

– Порассуждайте еще, – подбодрил он.

– В феврале были Миллеры, в марте – Мейсоны, в апреле – Джонсы; сейчас август, и убиты Аллены. Мы видим определенный временной интервал, но не может же быть так, чтобы у него всегда и все получалось идеально. Надо искать неудачные нападения.

Агент Такер кивнула, делая шаг вперед, чтобы оказаться перед Амайей.

– Семьи с одним и тем же числом членов нужного ему пола и возраста, но в которых погибли не все, потому что не все во время урагана оказались дома.

Амайя удовлетворенно улыбнулась, радуясь ощущению, что они с Такер наконец-то говорят на одном языке.

– Должно быть сложно, – продолжала она более энергично, – справиться одновременно с таким количеством народу: вы должны заставить их сдать оружие, обездвижить в одной из комнат и казнить по одному. Белинде Райт удалось сбежать; нечто подобное могло произойти и в других случаях. Уверена, что в какой-то момент ему приходилось совершать ошибку; нападение на семью после стихийного бедствия оставляет слишком много белых пятен, слишком много торчащих нитей или непредвиденных обстоятельств.

Дюпри кивнул, обращаясь к команде:

– Поищите заявления от семей, которым после катастрофы нанесли визит подозрительные типы. Неудачные попытки нападения, случаи, когда агрессору пришлось отступить по каким-либо причинам: сосед, который явился, чтобы помочь, посторонние люди в доме, которых он не брал в расчет, гости, родственники или отсутствие одного или нескольких членов семьи, без которых результат оказался бы неполным.

Амайя кивала на каждое его слово. Дюпри снова повернулся к ней:

– Что еще?

– Я... если бы мне пришлось заняться этим расследованием, я бы хотела узнать все подробности жизни этих семей. Уверена, что их профиль соответствует неким пожеланиям убийцы, о которых мы даже не догадываемся. Причина может быть настолько мелкой и незначительной, что мы упускаем ее из виду. Преступником такого типа движут мотивы, не соответствующие здравому смыслу, которые тем не менее имеют для него огромную значимость. Если мы узнаем об этих семьях побольше, у нас появится информация о том, как убийца до них добрался, как он вычисляет нужный профиль на такой обширной территории, да еще прислушиваясь к метеорологическим сводкам. В первую очередь мы должны заполнить виктимологический профиль.

– Если б вы вели это расследование... – пробормотал Эмерсон, наклонившись так, что его могла услышать только она.

Всего несколько слов, но их оказалось достаточно, чтобы Амайя на мгновение утратила концентрацию.

– Саласар, что еще? – воскликнул Дюпри.

– Географический профиль, – сказала она, пытаясь сосредоточиться. – Я бы рассматривала более широкий ареал.

– Насколько широкий? – настаивал Джонсон.

– Любой уголок страны, где происходили стихийные бедствия и погибали семьи с указанными характеристиками в последние, скажем, два года. Если найдем хоть какие-то зацепки, займемся ими более тщательно.

– Это безумие! – возразил Джонсон.

– Полагаю, вы не слышали о круге Кантера, – заметил Эмерсон, обращаясь к Джонсону так, словно Амайя рядом не было. – Нельзя применять теорию географического ареала, где действует серийный убийца, не собрав все аналогичные случаи, – это первое положение теории.

– Думаю, Эмерсон имеет в виду, – вмешалась Такер, – что на такой огромной территории невозможно следить за всеми, сблизиться с людьми настолько, чтобы узнавать такие подробности: калибр револьвера, который хозяева держат дома, или что в доме живет женщина, которая на самом деле не родная бабушка. Он должен хорошо знать свои жертвы. Видеть их, чтобы выбрать в качестве жертв, видеть, чтобы возненавидеть.

Амайя покачала головой.

– Он не ненавидит их, – возразила она. – По крайней мере, ненавидит не за то, каковы они на самом деле, а за то, что они для него представляют. Он молится за их души, за их покой. Стирает все признаки насилия, устраняет следы от веревок, избавляет их от позора. В какой-то степени молитва за убитых показывает, что обязательно должна быть личная связь преступника с жертвами и какая-то важная причина, но я не думаю, что это ненависть. Он ничего от них не хочет, ничего не берет, ничего у них не отнимает – что можно отнять у тех, кто и так уже все потерял? Мы живем в век информации и эксгибиционизма. Метеорологический центр с точностью чуть ли не до миллиметра сообщает прогнозы стихийных бедствий, торнадо и ураганов и доставляет его в наши мобильные устройства, а интернет позволяет любому проникнуть в нашу частную жизнь. Люди демонстрируют в Сети свою личную жизнь, не задумываясь о том, кто именно за ними наблюдает. Я не говорю, что в нашем случае все именно так, но суть в том, что есть гораздо больше способов получить доступ к человеку или целой семье, чем следить за ними, стоя на лужайке перед их домом.

– С другой стороны, это должен быть человек, чье появление после катастрофы логично, чье присутствие ожидаемо, – заметил Дюпри.

Такер открыла маленький ноутбук, который висел у нее на плече, поставила его на капот и показала несколько схем.

– В первую очередь надо выяснить, откуда он за ними следит. Проверим электрические, телефонные и интернет-компании, техников, монтажников... Любые связи между этими семьями. Из рассказа свидетеля мы знаем, что внешний вид убийцы не вызывает у жертв подозрений или недоверия. Надо проверить полицейских, пожарных, спасательные команды, врачей и фельдшеров, персонал «скорой помощи»... Хотя посреди хаоса любой человек может прикинуться кем-то из них.

– Есть пожарные-добровольцы, они выезжают на крупные катастрофы. Еще я слышал, что существует собачий патруль; он передвигается по всей стране и даже выезжает за границу для спасения людей в горах или во время землетрясений, – заметил Джонсон.

Амайя кивнула.

– Надо учитывать журналистов, репортеров, бригады телевизионщиков, всех тех, кто появляется, когда все прочие убегают.

Джонсон сделал пометку в своем ноутбуке и добавил:

– Мы должны распространить поиски и на группы добровольцев, которых набирают через социальные сети, добрых самаритян, появляющихся в местах бедствий, чтобы помочь пострадавшим...

– Церкви, муниципальные ассоциации, благотворительные группы и организации... – добавила Такер.

– Нельзя забывать и о любителях штормов, охотниках за торнадо, псевдоученых и безмозглых идиотах, которые выкладывают видео на «Ютьюб», – сказала Амайя.

– Количество дураков бесконечно, – заметил Джонсон.

– Как и демонов. – Дюпри посмотрел Амайе прямо в глаза.

На этот раз Саласар ответила на его взгляд. Она знала, что нравится мужчинам, и привыкла к таким переглядываниям. В последние дни ей не раз приходилось увиливать от заигрываний Эмерсона. Но Дюпри смотрел на нее иначе. Это был пронизывающий взгляд, полный страсти египтолога, разгадывающего иероглиф. В его темных глазах любопытство сменялось подозрением, восхищение – беспокойством. Амайя не ждала простоты от человека, возглавлявшего одну из лучших полевых команд Подразделения поведенческих наук; к тому же она умела распознавать скрытые намерения других по отношению к себе. Но сигналы, поступавшие от Дюпри, были чем-то вроде белого шума. Саласар анализировала каждую его реакцию, выражения лица, слова, но так и не сумела прийти к выводу, кто перед ней – друг или враг. Однако кое-что она знала наверняка: он слушает ее и то, что она говорит, для него достаточно важно, чтобы закрыть глаза на неприязнь остальной части команды. «Чувствуйте себя уверенно», – сказал он тогда перед домом. Ее уверенность в себе и восприятие себя самой не имели ничего общего с расследованием; Амайя Саласар всегда была одна и привыкла к одиночеству. Но минуту назад, возле машины, впервые за весь день она осознала себя частью целого, почувствовала связь и уважение товарищей.

– У нас полно дел, – сказал Дюпри. – Судмедэксперт дал слово, что немедленно начнет вскрытие. Подразделение проведет здесь ночь. Вы вернетесь в Квантико. Через час вылетает самолет в Вирджинию. Агент Харрис отвезет вас в аэропорт.

Так вот о чем речь... «Мы остаемся, а ты уезжаешь. С какой стати ты что-то себе вообразила?»

Прощание с командой было быстрым и прохладным. Амайя направилась к машине Харрис, которая поприветствовала ее. Потом она заметила, что Дюпри идет за ней. Амайя оглянулась и встретила с ним взглядом.

– Теперь у вас есть все данные. Я жду вашего доклада, – сказал он, проводив ее до полицейской машины.

Прежде чем сесть, Амайя повернулась и спросила:

– Почему вы тогда не ответили на мое приветствие?

На лице Дюпри изобразилось удивление; тем не менее он сдержался и не ответил. Но она была настроена решительно и не собиралась сдаваться.

– Вы несколько раз обращались ко мне во время лекции, но потом, когда я подошла к выходу со сцены и поздоровалась с вами, вы меня проигнорировали. Почему?

Дюпри глубоко вздохнул, расстегнул пиджак и положил руки на бедра. Затем оглянулся через плечо, дабы убедиться в том, что остальные члены команды не смотрят на них, и, чуть подавшись к ней, заговорил:

– Я не хотел исказить ваше впечатление от лекции своим вниманием; я отдаю себе отчет в том, сколько зла может принести интерес инструктора к следователю.

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Нет, дело не в этом. Если так, вы бы делали это с самого начала. Но я почувствовала ваш интерес, даже Эмерсон его заметил, а потом вы будто про меня забыли. Вы нарочно дразнили меня, обращаясь со мной как с самонадеянной выскочкой.

Дюпри молча смотрел на нее, и Амайя была уверена, что он не ответит. Но внезапно агент сказал:

– Я не дразнил вас. Во время лекции мне нужно было ваше внимание, а затем – ваша ярость, которая, несомненно, повлияла на вашу работу. Я получил и то и другое. В чем-то вы правы: лекция не случайно была посвящена инспектору Скотту Шеррингтону и тайным

жертвам. В течение нескольких недель я подозревал, что мы столкнемся с похожим случаем; свидетельства последних часов позволили выбрать новый подход. Мы будем работать над этой гипотезой.

– Но почему я?

Лицо Дюпри напряглось.

– Не стоит заблуждаться. Главное – наше расследование, и если сегодня вы здесь, то лишь потому, что, по моему мнению, ваше участие может быть нам полезно.

– Я прекрасно знаю свое место; я заместитель начальника убойного отдела и сама расставляю приоритеты. А вот вы, скорее всего, ошибаетесь. На месте преступления вы разговаривали со мной так, как будто я курсант из вашей академии. Да, я не прошла стажировку в ФБР, но знаю, как себя вести. В любом случае ваше объяснение не отвечает на мой вопрос.

Дюпри раздраженно отвел взгляд; казалось, он вот-вот уйдет, но внезапно агент снова повернулся к ней и недоверчиво улыбнулся.

– Вы серьезно? Вместо письменного отчета вы наклеили стикеры и написали несколько замечаний. Вам удалось вывести из себя даже Джонсона, самого мирного парня на свете. Я не буду отвечать на ваш вопрос. Может быть, когда-нибудь, но не сегодня. Сегодня вы были важным инструментом, и хорошо, что вы про это не знали. Если б вы знали заранее, то вели бы себя иначе. Надеюсь, мы забудем о том, как непочтительно вы допрашивали судмедэксперта... и то, как дерзко вели себя возле крыши.

– Вы меня не знаете, – возразила она.

– Это точно. Вот почему я сегодня здесь; мне нужно было знать, сколько в вашем поведении позерства, а сколько настоящего таланта, ловкости и, прежде всего, интеллекта. – Он усмехнулся. – А еще мне хотелось проверить, не повысится ли ваше самомнение, когда вы убедитесь в том, что правы.

Амайя нахмурилась.

– Как, например, сейчас... – пробормотал Дюпри.

– Самомнение? – Она покачала головой, теперь с пониманием, и прошептала: – Вам это сказал Эмерсон...

Дюпри повернулся и пошел в сторону следователей, ожидавших у входа в дом.

– Эмерсон тут ни при чем. Не забудьте сдать отчет до восьми. Три профиля, Саласар.

Глава 8

Инструмент

Академия ФБР, Квантико, штат Вирджиния

Пятница, 26 августа 2005 года

Время текло необычайно медленно. Амайя мысленно проговаривала свой доклад, пока не выбилась из сил. Наступил обеденный перерыв, аппетита у нее не было, но она все же отправилась в столовую с группой других европейских полицейских. У входа столкнулась с агентом Эмерсоном, который как раз в этот момент выходил из кафе. Амайя поздоровалась, но Эмерсон презрительно отвернулся, не удосужившись даже сделать вид, что не заметил ее. Вечером намечалось еще два занятия: по международной мафии и преступлениям на море (международные перевозки, проверка контейнеров в портах). Амайя по-прежнему была рассеянна. Она с грустью осознавала, что все еще подавлена и не может перестать слышать в голове голос, который, как эхо, повторяет, что она совершила ошибку. То, как она представила свой доклад, выводы, сделанные относительно профиля... Амайя не слушала Дюпри, когда тот упрекал ее в дерзости, и наверняка подписала собственный приговор, осмелившись выложить все, что думает. Теперь она понимала, что с ней играли, как кошка с мышкой. Подобно кошке, они забавлялись, поддразнивая ее порыв, ее нетерпение, а потом бросили, измученную и разочарованную. Голова ее раскалывалась от нахлынувших образов: убийства, вскрытия, фотографии, показания... Дюпри был предельно ясен. «Главное – общее дело». «Сегодня вы были инструментом». Она чувствовала себя опустошенной, как одаренный ребенок, которому родители позволяют ложиться поздно, но при этом заставляют играть для гостей на пианино.

Настало время ужина. Амайя рассеяннo ковыряла вилкой в тарелке, вымученно улыбаясь соседям по столу. Она рано ушла и вернулась в номер, который делила с немецким инспектором. Сил не было совершенно, ей нужно было поспать, но мысли не переставали вертеться в голове. Амайя посмотрела на Герту, которая тихонько похрапывала, лежа на спине. Затем отложила книгу, которую взяла было в руки, и прикрыла светильник платком, полагая, что и в эту ночь не сомкнет глаз. Через минуту она уже крепко спала.

Среди ночи ее разбудил стук в дверь, затем послышался чей-то голос, звавший ее по имени. Лампа на тумбочке по-прежнему была включена. Амайя встала, стараясь стряхнуть с себя остатки сна, и двинулась к двери, поспешно успокоив Герту, которая приоткрыла глаза.

– Спи, это ко мне.

Немка, которая собиралась что-то сказать, с облегчением вернулась ко сну. Амайя открыла дверь – и только тут поняла, что на ней нет ничего, кроме футболки и трусов. Она высунула голову в дверной проем.

– Пойдемте со мной, – сказал стоящий в коридоре человек, не обращая ни малейшего внимания на то, что она в нижнем белье. – Специальный агент Дюпри хочет с вами поговорить.

Саласар быстро оделась.

В тишине ночи путь до кабинета Дюпри показался ей еще более запутанным, чем утром. Любые остатки сонливости покинули ее, как только лифт открылся на первом цокольном этаже. Отдел поведенческих наук явно не спал. Проходя мимо, Амайя покосилась на стул, на котором сидела в свой предыдущий визит. На этот раз провожатый повел ее прямо в кабинет.

Агент Джонсон, бодрый, словно проспал восемь часов кряду, поднялся с кресла, стоявшего напротив стола Дюпри, и приветствовал ее кивком и пожатием руки. Затем снова сел и больше не сказал ни слова, хотя продолжал неотрывно наблюдать за ней. Дюпри, без пиджака, стоял перед картой. Повернувшись к Амайе, он поздоровался и без лишних церемоний спросил:

– Саласар, вы в курсе метеорологических сводок за последние несколько дней?

Амайя подумала, что не следить за прогнозом погоды было бы невозможно, и не только из-за расследования. В последние часы все новостные агентства страны говорили об одном и том же.

– Да, я смотрела новости.

– Двадцать третьего августа над Багамами сформировалась большая атмосферная депрессия. Двадцать четвертого она приобрела статус тропического шторма, получившего название «Катрина», и вчера обрушилась на Южную Флориду в виде урагана первой категории. На данный момент шесть человек погибли, многие получили ранения, обширная территория осталась без связи с внешним миром, дороги отрезаны, телефонная связь отсутствует... До нас дошла информация о нескольких семьях, от которых не поступало известий в течение по крайней мере двадцати четырех часов. Некоторые из них соответствуют нашему виктимологическому профилю.

Амайя подавила желание сразу же ответить Дюпри.

– Может, это ничего не значит, – спокойно продолжал тот. – Их могли эвакуировать после первого же оповещения, или же они перебрались к родственникам или друзьям.

– Но... – не сдержалась Амайя.

– Но это может быть наш человек.

– Мы должны отправиться туда, – выпалила она.

– Да, я с вами согласен, поэтому отправил во Флориду агентов Такер и Эмерсона. Нам известны протоколы действий властей в подобных случаях, и мы не можем рисковать тем, что они упустят что-то из виду. Надеюсь, через несколько часов мы получим какую-то информацию.

Амайя опустила взгляд и кивнула. Это было окончательное решение – она вне игры. Но тогда зачем Дюпри ее вызвал? Просто чтобы дать понять, что они на нее не рассчитывают?

– Дойдя до Флориды, буря значительно ослабла, но в последние часы «Катрина» переместилась к Мексиканскому заливу; тамошняя жара подпитала ее, снова превратив в ураган, и она продолжает расти. Центр контроля за ураганами сообщает, что на данный момент ей присвоена третья категория. Первоначальный прогноз показал, что «Катрина» устремится на север между Флоридой и Джорджией. Однако она движется на запад, к Луизиане.

Амайя почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Она знала про это – в новостях целый день показывали эволюцию урагана и гигантское око, нависшее над морем. Мышцы под одеждой напряглись, она ощутила непроизвольные подергивания в правом плече, напоминающие чужое сердцебиение.

– Мэрия Нового Орлеана только что сообщила, что мэр рассматривает вопрос об обязательной эвакуации города. – Дюпри замолчал, но его слова, казалось, повисли в воздухе.

– Он отправится туда. – Амайя была уверена в этом. Дрожь в плече прекратилась.

– Я тоже так думаю. Но на этот раз мы будем его ждать.

– Мы?

– Именно, если вы захотите присоединиться к нам.

Амайя улыбнулась:

– С радостью.

Дюпри пожал ей руку.

– Джонсон пойдет с вами. Следует соблюдать протокол безопасности, чтобы вам разрешили нас сопровождать, затем вы получите временную аккредитацию и оружие. У нас мало времени: через два часа выезжаем в Новый Орлеан.

* * *

Улыбающийся Джонсон был с ней, пока она давала присягу. Ей выдали форму, бронешлем, временную аккредитацию и оружие. Затем Амайя вернулась в свой номер и, стараясь не шуметь, открыла шкаф, где хранила свои немногочисленные пожитки. Она улыбнулась, размышляя над тем, что может взять с собой женщина, отправляющаяся напрямик в зону бедствия. Поставила сумку на кровать и принялась складывать вещи. Когда все было готово, посмотрела на часы и увидела, что до выезда осталось всего полчаса. Герта мирно спала. Если в какой-то момент она ее и услышала, то никак этого не показала. Амайя посмотрела на нее с нежностью, размышляя, стоит ли будить ее. Пожалуй, не стоит.

– Либо ты немедленно все мне расскажешь, либо лопнешь, – внезапно пробормотала немка, не открывая глаз.

– Я еду с Дюпри в Новый Орлеан.

Сонно улыбаясь, Герта сжала ее в объятиях и поздравила.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответила Амайя, возможно слишком поспешно.

– Ага... – Герта закатила глаза. – А теперь, маленькая Амайя из долины, скажи тете Герте правду.

Амайя прикусила губу, на мгновение закрыв глаза.

– Мне страшно, Герта. Да, у меня достаточно выдержки, но это реальная жизнь, а не тренировка. Если я ошибусь, могут погибнуть люди. Я все время думаю об этом. Я могу рассуждать, стоя в кабинете и выполняя учебные упражнения, но вчера, когда я увидела голову того ребенка... Они говорят, что я ошибаюсь. А что, если они правы?

Герта взяла обе ее руки и накрыла своими.

– Амайя, послушай меня. Мы знакомы совсем недавно, но все же я знаю кое-что, чего они даже представить себе не могут. Я знаю источник твоей силы и твоей слабости, знаю вопросы, которые ты задаешь сама себе, и очень надеюсь, что однажды ты сможешь найти ответы на них. Амайя Саласар, ты добрый, сильный и самый смелый человек, которого я встречала. Но главное – ты отличный полицейский. Перед поездкой я прочитала твое досье, и оно очень меня впечатлило. У тебя инстинкт прирожденного детектива, и Дюпри, который явно не дурак, тоже это заметил.

– Да, но что, если... – начала Амайя.

– Если, если... Честно делай свою работу. Не бойся и твердо придерживайся своих убеждений. Это то, чего Дюпри от тебя ожидает, он говорил тебе об этом вчера в доме без крыши, верно? Он не хочет ничего другого. И помни: хоть они и агенты ФБР, ты не их курсант. Ты была самым молодым заместителем инспектора в своем выпуске, ты, черт возьми, поймала коллекционера! И сделала это без них и без всей их премудрости. Так что выше голову – и вперед, Амайя из долины.

* * *

Их прервал новый стук в дверь. Амайя посмотрела на часы. Оставалось еще двадцать минут. Она открыла дверь и увидела женщину в форме.

– Заместитель инспектора Саласар, вам звонят из Испании.

Сердце забило быстрее. Это мог быть только один человек, и если он звонит ей в Америку, случилось что-то плохое. В штаб-квартирах не разрешалось пользоваться частными мобильными телефонами. На мгновение она обернулась и посмотрела вглубь комнаты. Отключенный телефон лежал на верхней полке, где хранились ее вещи. Выражение ее лица, вероятно,

было более выразительным, чем она предполагала. Гертта взглянула на нее с тревогой. Амайя сделала безуспешную попытку успокоить ее улыбкой и проследовала в специальную комнату, где имелось с полдюжины телефонных кабинок. Амайя вошла в ту, на которую ей указали, и взяла трубку.

– Тетя, ты в порядке?

До нее донесся нежный, любимый голос:

– Я в порядке, дорогая. Не хотела тебя пугать... Как ты? Как дела?

– Все хорошо, тетя, правда. Но что случилось? Почему ты звонишь?

Вздых, наполненный тоской, напряженное молчание по ту сторону линии. Амайя словно воочию видела тетю Энграсси, сидящую в кресле у тумбочки с телефоном. Волосы, собранные в кокотливый парижский пучок, открытое окно, куда проникает бриз с реки Базтан, освежающий душный августовский вечер в Элисондо...

– Амайя, речь о твоём отце. Он очень болен. Прошлым воскресеньем у него был еще один приступ, он три дня пролежал в больнице; я не звонила тебе раньше, чтобы ты не волновалась. Думала, что все будет как в прошлый раз, но за последние несколько часов ему стало хуже.

«Нет, нет. Пожалуйста, нет...»

– Тетя...

– Кардиолог говорит, что он очень слаб и его сердце долго не выдержит. Мне очень жаль, Амайя.

«Обещаю, что ничего не скажу».

Она не знала, что ответить. Опустила взгляд на панель, которая служила подставкой для телефона. На ней были десятки, сотни каракулей, нарисованных разными авторучками. Кто-то изобразил сердечко, обведя его столько раз, что силуэт выделялся среди множества каракулей. Кончиком указательного пальца она провела по краям рисунка. Палец замер на остrokонечной верхушке.

– Амайя... Когда тебе было двенадцать, я поклялась, что всегда буду говорить тебе правду. Сегодня мне бы хотелось солгать, но я сдержу свое обещание. – Твердый голос Энграсси сорвался. – Амайя, твой отец умирает. Если ты хочешь с ним попрощаться, тебе надо вернуться прямо сейчас.

Глава 9

Апекс

Элисондо

Амайе показалось странным, что тетя Энграси так рано отправила ее спать. После ужина и мытья посуды она позволяла ей смотреть телевизор, но недолго, потому что тетя по вечерам любила читать и, когда девочка ложилась в постель, тоже уходила к себе. Вот почему Амайя притворилась спящей, когда через некоторое время услышала скрип половицы в коридоре перед своей спальней. Дверь была приоткрыта, по темному деревянному полу пролегла тонкая полоска света. Потом Амайя услышала, как в главную дверь постучали. Она на цыпочках вышла из спальни и, сделав несколько осторожных шагов, чтобы не наступить на скрипящую половицу, подошла к лестнице. Подруги тети Энграси навещали к ним под вечер поиграть в карты, но никто никогда не приходил в столь позднее время. Энграси открыла дверь и поздоровалась. Сердце Амайи заколотилось от радости: она узнала голос отца. Уже собралась броситься вниз по лестнице, чтобы обнять его, но резко затормозила.

– Я приехал, как только смог; по телефону ты меня напугала.

– У нас проблемы, Хуан. Проблемы с Амайей, – сказала тетя очень серьезно.

Девочка затаила дыхание; слова вонзились в нее, как осиные жала. Проблемы с ней? Что это значит? Она всегда старалась вести себя хорошо, но казалось, что неприятности преследуют ее. Амайя подождала, пока отец и тетя войдут в гостиную, и спустилась до лестничного пролета. Присела на темную ступеньку и стала слушать, выводя указательным пальцем на перилах причудливую загогулину, похожую на сердечко.

Голос отца был тверд.

– Если ты снова начнешь настаивать на том, чтобы отправить ее учиться в Памплону, я скажу еще раз: нет. Мне очень тяжело, что девочка не может жить дома. Ты знаешь, сколько работы у меня в пекарне, но если Амайя переедет в Памплону, я совсем перестану ее видеть. Пока она в деревне, я хотя бы вижу ее, когда она уходит в школу и возвращается.

Амайе еще не исполнилось двенадцати лет, но ее интеллект был сильно выше среднего. Она уже закончила два класса экстерном, а в июне следующего года заканчивала школу. Ей не хотелось идти в деревенский колледж. Местные считали ее зубрилой из-за того, что она училась в восьмом классе, когда должна была идти в шестой. Однажды один из учителей рассказал о школе-интернате в Памплоне. Там дети младше Амайи посещали уроки для старшеклассников, и это никого не удивляло. Там она не чувствовала бы себя белой вороной. В тот день Амайя вернулась из школы довольная и взволнованная, с буклетом учебного центра в руках. Сначала перспектива отправить девочку в интернат озадачила тетю, но затем она, как всегда, встала на сторону племянницы, прекрасно осознавая, насколько жестокими могут быть другие ребята с кем-то, кто выделяется. Хуан тоже это знал, он очень гордился дочерью, но не хотел даже слышать об учебе Амайи за пределами деревни.

– Памплона тут ни при чем. – Голос Энграси звучал напряженно. – Все гораздо сложнее.

Хуан ждал, охваченный мрачным предчувствием.

– Пару недель назад она мыла голову, и я помогала ей расчесывать волосы. И случайно задела расческой шрам.

Отец затаил дыхание. Сидя на лестнице, Амайя подняла правую руку и нащупала выпуклый рубец у себя под волосами.

– Амайя поднесла руку к голове и спросила: «Что у меня здесь, тетя?» Я говорю: «Это шрам, дорогая». А она: «Какой шрам?» Я опустила расческу и посмотрела ей в лицо, чтобы убедить себя, что она не шутит. И ответила: «От удара по голове». Амайя улыбнулась и сказала как ни в чем не бывало: «Я, наверное, была тогда очень маленькая, потому что ничего не

помню». Я долго ее расспрашивала, стараясь не сболтнуть лишнего. Даже сказала: «Это было в пекарне, не помнишь?» Она улыбнулась и ответила: «Наверное, я плохо себя вела, в детстве я была очень непоседлива». Амайя ничего не помнит, Хуан. Она все забыла.

Тот вздохнул с облегчением.

– Что ты хочешь от меня услышать, сестренка? Может, это и к лучшему. Я столько молился, чтобы все так и было...

Когда тетя заговорила снова, голос ее звучал жестче:

– Ты, как страус, закапываешь голову в песок и притворяешься, что ничего не происходит. Бог не отменит того, что случилось, как бы ты ни молился. И нет, это вовсе не к лучшему. Такое впечатление, что ты вообще не понимаешь, насколько серьезно то, о чем я тебе говорю. В ту ночь Амайя получила тяжелую травму головы. Ты не можешь понять, насколько силен был удар, потому что не ты возил ее в больницу. Ты поверил на слово тому докторишке, твоему приятелю, не споря и не желая узнать больше.

Хуан не ответил. В непростых ситуациях он, как правило, молчал. Амайя отлично его себе представляла: руки в карманах, взгляд устремлен в пол.

– После травмы подобной тяжести могут возникнуть неврологические нарушения, которые будут проявляться даже спустя годы.

– Но она очень умная...

– Это не имеет отношения к умственным способностям.

Отец молчал. Амайя знала, что он может молчать очень долго, пока не решится что-нибудь сказать, и тогда заговорит очень быстро. Сначала она ничего не слышала. Потом послышался судорожный вздох.

Амайя в смятении затаила дыхание. Ее отец плакал.

– Надо отвезти ее к врачу, – всхлипнул он.

– Я уже это сделала. Доктор Мунгия – один из лучших неврологов в стране, он проводит консультации в Памплоне, в университетской клинике. Мы с ним вместе учились, и он хороший человек.

Амайя сразу узнала это имя. Ей нравился этот доктор.

– Никаких неврологических нарушений не выявлено; более того, он сказал, что интеллект Амайи намного выше среднего; впрочем, для этого мне не нужно было обращаться к специалистам.

– Но это хорошая новость, – осторожно сказал отец. – Разве нет?

– Хуан, иногда люди, которые пережили сильную травму, вырабатывают защиту, которая оберегает их от страданий. Мне кажется, именно это происходит с Амайей. Она страдает.

Слова отца донеслись приглушенно, словно он закрыл руками лицо.

– Мы все страдали.

– Да пошел ты! – с яростью воскликнула Энгриси.

Сидя на лестнице, Амайя вздрогнула. Она впервые слышала, как тетушка разговаривает таким тоном.

– Амайя страдает, и ты несешь за это ответственность, вот почему я попросила тебя прийти. Ты обязан покончить с этим.

– Что ты имеешь в виду?

– Амайя всегда была спокойной девочкой, она любит читать и проводить со мной время. Она много учится и делает уроки, даже если ей ничего не задали. Но она уже несколько месяцев не играет и не встречается с друзьями. Ходит из дома в школу и из школы домой, и, как бы я ее ни умоляла, отказывается лишний раз выходить на улицу. На прошлой неделе я отправила ее в аптеку забрать заказ. Вечером, когда я укладывала ее спать, она спросила, не злюсь ли я на нее. Можешь представить себе мое изумление? «Конечно нет, дорогая, с чего ты это взяла?» И она рассказала, что какие-то женщины узнали ее и спросили, лучше ли она себя ведет. Бед-

няжка ответила, что она ведет себя хорошо. И тогда одна из женщин объяснила другой, что Амайя живет у тети, потому что она маленькая хулиганка: ворует, грубит старшим, бьет сестер и даже поднимает руку на собственную мать. Что ее обязательно нужно наказывать. Сначала ее собирались отправить в интернат, но Росарии стало ее жаль, и ее отдали тете.

Хуан не знал, что ответить.

Энграси продолжала:

– Мои приятельницы по мусу³ не хотели ничего мне говорить, чтобы не расстраивать, но все они слышали эти сплетни. Подозреваю, потому Амайя и прячется. Возможно, ее оскорбляют не в первый раз. Только попробуй сказать, что ты ничего не знал.

Амайя плохо расслышала первые слова отца, но конец донесся до нее четко:

– ...Я вышел из пекарни и услышал, как Росария рассказывает что-то похожее клиентам.

– Когда это было?

– Давно. Может, несколько месяцев назад...

Голос Энграси дрожал от ярости и возмущения:

– И ты смеешь говорить, что страдаешь?! Неужели ты позволяешь своей жене говорить про девочку плохо? Знаешь, что она спросила меня вчера? «Тетя, если я буду вести себя хорошо, мне разрешат вернуться домой?»

Отец плакал.

– Бедная девочка построила вокруг своего горя такую прочную и высокую стену, что больше не может вспомнить, что вы с ней сделали. Она всего лишь хочет быть любимой, быть обычным ребенком. – В голосе тети звучало презрение. – И этой необыкновенной девочке приходится сгорать со стыда, потому что на улице ей вслед показывают пальцем. Для тебя ее амнезия – облегчение. Но это могила, которая рано или поздно проглотит ее.

– Не говори так, Энграси. Ты же знаешь, что такое деревня: никто ничего никому не говорит, зато все обо всем знают. Клянусь, я отругал Росарию, когда услышал от нее подобные вещи. Но что я еще могу сделать? Она очень больна, Энграси. Она хорошая мать для Флоры и Розауры; врач говорит, что она и не догадывается о том, какую рану наносит Амайе.

– Но ты-то знаешь. Ты должен ее остановить.

– Как? – в отчаянии вскричал он.

– Убедить ее, что это неправда. Запретить ей так говорить. Как ты можешь допускать такое?

Хуан встал, взял сестру за плечи и прижал к себе.

– И что ты хочешь, чтобы я им сказал? Что мне пришлось выставить свою дочь из родного дома, потому что иначе она была бы уже мертва?

* * *

Стоя внутри телефонной кабинки в Квантико, Амайя заметила, что машинально касается затертого сотнями локтей рисунка на панели, который оставил какой-то курсант. Кончик ее указательного пальца остановился на вершущке изящного сердечка, столь похожего на то, которое она в одиннадцать лет различила среди древесных узоров. Голос любимой тети донесся до нее словно издалека:

– Амайя...

– Я не приеду, тетя.

³ Мус – разновидность карточной игры.

Глава 10

Тепловое ощущение

Новый Орлеан, штат Луизиана

Раннее утро субботы, 27 августа 2005 года

Офис ФБР в Новом Орлеане располагался в самом конце парка Понтчартрейн, рядом с военно-морской базой и аэродромом. Хотя изначальный план состоял в том, чтобы приземлиться на военном аэродроме Лейкфронт, эвакуация семей морских пехотинцев и гражданского персонала базы, а также прибытие резервов для предотвращения последствий урагана сделали это практически невозможным. Самолет совершил пару кругов над озером Понтчартрейн, но в последний момент было решено приземлиться в гражданском аэропорту Луи Армстронга в Кеннере. Изначально этот вариант отвергли, чтобы не помешать множеству гражданских самолетов, на которых спасались тысячи людей, бегущих из Нового Орлеана. Это был серьезный просчет, поскольку штаб-квартира ФБР находилась ближе к аэропорту военно-морского резерва, к тому же все понимали, что дороги сейчас забиты так же, как и аэропорт Луи Армстронга.

Впрочем, перед посадкой им сообщили, что их встретят два агента ФБР с машинами, чтобы доставить в штаб-квартиру. Это даст им возможность переговорить с начальником аэропорта, который будет ждать их, чтобы сообщить все инструкции.

Когда они высадились из самолета в Новом Орлеане, первым делом их поразила необычайная жара. Еще не рассвело, на горизонте только начал разливаться серебристый предутренний свет, но, стоя на трапе самолета, Амайя ощутила влажный жар, от которого ее кожа покрылась тонким слоем пота. Двое офицеров в форме уже ждали их у подножия трапа, из-под рукавов их пиджаков выглядывали безупречные белые манжеты. Амайя заметила, как они на мгновение отвернулись, чтобы подтянуть галстуки, которые до этого момента были ослаблены. Она сама едва сдерживала желание начать обмахиваться папкой, которую держала в руке, и спрашивала себя, как они ходят в костюмах при такой температуре. Офицеры приблизились к их группе, обменялись приветствиями, затем кратко доложили Дюпри:

– Сэр, как вы и просили, мы собрали списки пассажиров, въехавших в город через этот и соседний аэропорты, уделив особое внимание пассажирам, которые по прибытии арендовали транспортные средства, на случай если подозреваемый решит добраться сюда из другого города на машине.

– У вас есть данные переписи, которые мы просили? – спросил Дюпри.

– Мэрия выдала все, что удалось собрать, – отозвался агент. – Они эвакуируют большинство сотрудников, но нашу просьбу исполнили. У нас есть рабочая команда, которая сверяет данные, чтобы составить нужный вам список. Это займет еще несколько часов, но должен вас предупредить, что перечень не будет полным.

Амайя была поражена количеством людей в зоне прилета. Было очевидно, что терминал аэропорта слишком мал, чтобы вместить все уезжающие семьи, которые толпились шумными компаниями, не отрывая глаз от табло, объявляющих о посадке.

Груженные сумками фэбээровцы пересекли терминал, обходя детей, измученных долгим ожиданием, которые лежали прямо на полу. Некоторые спали.

– Видите, что творится вокруг, и это только раннее утро, – заметил один из агентов. – Ожидается, что в течение дня прибудут еще тысячи человек. Полагаю, вы уже знаете, что полная эвакуация была объявлена в истории Нового Орлеана впервые.

Пока они были внутри аэропорта, успело рассвети. Солнце поднялось над горизонтом, и, хотя час был еще ранний, темная обшивка служебных автомобилей быстро нагревалась. Дюпри

остановился у водительской двери одного из автомобилей и обратился к офицерам из Нового Орлеана:

– Можете вернуться в штаб-квартиру, сейчас главное – поскорее составить список с результатами переписи. Не забывайте: важно обращать внимание на возраст, который мы указали. Наш человек не заботится о том, чтобы выбранная им группа была кровными родственниками; ему достаточно, чтобы ее члены могли играть эту роль. Как только список будет готов, отправьте его мне. Агент Джонсон и заместитель инспектора Саласар едут со мной.

– Сэр... Нам приказали доставить вас в штаб-квартиру, директор Петерсон ждет...

– Скажите Петерсону, что я встречаюсь с ним позже, – отрезал Дюпри, взглянув на часы. – А сейчас у меня назначена встреча с капитаном Форнере из полиции Нового Орлеана. На него сегодня обрушилось слишком много всего, и, полагаю, он в соответствующем настроении, так что лучше не заставлять его ждать. – Сказав это, Дюпри протянул открытую ладонь, на которую агент неохотно положил ключи от внедорожника.

* * *

К удивлению Амайи, автомагистраль номер 10 в направлении города была практически пуста. Они ехали не спеша, пораженные этой апокалиптической картиной. Напротив, левая полоса движения была забита: автомобили с трудом продвигались вперед, направляясь на юго-восток. Пробка ползла, как раненая змея, среди хаотичной неразберихи, в которой шум двигателей перекрывался человеческими голосами и гудением клаксонов. Каждые несколько миль мигали синие огни очередной полицейской машины. Полиция пыталась успокоить людей, требовавших открыть новые полосы движения.

Однако по мере приближения к центру чувство нормальности возвращалось, а после поворота к Французскому кварталу ритмичный пульс города окончательно восстановился. Но внутри полицейского участка 8-го округа жизнь была далека от нормальной. Казалось, все полицейские Нового Орлеана заступили на дежурство одновременно. Амайя с коллегами в спешке прошли вдоль кабинетов, где проходили собрания патрульных под руководством Центра по борьбе с ураганами и Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Тем не менее вскоре они с радостью убедились в том, что относительно настроения шефа полиции в то утро Дюпри ошибался. Стоя возле стола, Форнере говорил по телефону, делая какие-то пометки. При их появлении он повесил трубку, обошел стол и обнял Дюпри, словно старого друга, который только что вышел из тюрьмы. Когда они выпустили друг друга из объятий, полицейский окинул агента ФБР внимательным взглядом, в котором читалось множество вопросов.

– Не думал, что снова увижу тебя здесь – точнее, что тебя выпустят. – Его тон выдавал неподдельное удивление и даже некоторое недоверие.

– Я не в отпуске.

– И угораздило же тебя явиться именно сейчас, когда на нас вот-вот обрушится этот чертов ураган... – В голосе Форнере снова прозвучало изумление.

– Наш человек любит стихийные бедствия.

– И это, конечно, не имеет никакого отношения к Самеди... – заметил начальник полиции.

Дюпри остановил его жестом и выразительно посмотрел в глаза. Шеф попытался ответить на этот взгляд, но выдержал всего пару секунд. Затем вздохнул и сделал вид, что перебирает на столе какие-то бумаги.

– Пойми меня правильно, подобные вопросы – всего лишь мой долг.

Амайя с интересом посмотрела на Джонсона, но агент, сжав губы, опустил глаза в пол с выражением почтительной сдержанности. Он, несомненно, знал, о чем идет речь.

Дюпри заметил, что Амайя наблюдает за ними, и это, казалось, усилило его неловкость.

– Я бы с радостью продолжил наш разговор, но сейчас нам надо вернуться к работе; полагаю, у тебя много дел. Ты получил то, о чем я просил?

Начальник полиции, казалось, почувствовал облегчение, поняв, как избежать возникшей неудобной паузы.

– Судя по тому, что мне сказал комиссар, на этот раз вы ищете настоящего плохого парня. У меня есть все, о чем ты просил, но предупреждаю, что сейчас мне трудно расстаться с кем-то вроде Джейсона Булла. – На его лице возникло извиняющееся выражение. – Дюпри, я помог бы тебе даже без звонка комиссара, но раз уж ты задействовал официальные каналы, надеюсь, что, когда все закончится, ты составишь подробный отчет и подчеркнешь роль нашего сотрудничества в расследовании.

– Даже не сомневайся, – заверил его Дюпри.

Шеф полиции встал из-за стола и набрал в телефоне какой-то номер, бросив Дюпри с кривоватой ухмылкой:

– Знаю я вас, вашингтонцев: дело сделано – и поминай как звали.

В дверях кабинета появились двое мужчин. Оба выглядели не старше тридцати; один белый, другой афроамериканец; спортивные, мускулистые, в обтягивающих джинсах и черных футболках, на ногах фирменные кроссовки. На поясах висели пистолеты. Если б не бронежилеты и логотипы, выдающие в них полицейских из Нового Орлеана, Амайя приняла бы их за голливудских героев из модного детективного сериала.

– Проходите, ребята, – сказал Форнере. – Знакомьтесь, это агент Дюпри и его команда. Они из ФБР. Как я уже упоминал, вы будете работать с ними следующие несколько дней... Агент Дюпри, представляю вам двух моих лучших штурмовиков: детективы Билл Шарбу и Джейсон Булл. Билл и Булл, да. Они входят в состав Следственного отдела и Отдела по расследованию преступлений против личности. Эта пара задержала больше преступников, чем весь остальной участок. Знают все улицы и переулки, наркоторговцев и их клиентов, шлюх и сутенеров и, конечно же, информаторов. Если б у меня был сын, я доверил бы им его жизнь; если б у меня была дочь, я держал бы ее от этих двоих подальше, – сказал он, усмехнувшись.

– Штурмовики? – удивилась Амайя, протягивая им руку.

Шарбу приветливо улыбнулся.

– Так называют в Новом Орлеане детективов, которые ориентируются на самом дне. Штурмовики – потому что мы всегда готовы к действию. У нас в телефоне есть личные номера всех судей штата, чтобы по-быстрому получить любой ордер. Мы не носим форму и никогда не снимаем бронежилет; в тех местах, где мы бываем, наличие такого жилета определяет, вернешься ты с работы домой или нет.

Амайя приподняла бровь, скептически глядя на Джонсона, но тот лишь улыбнулся и, извинившись, вышел из кабинета, чтобы ответить на звонок.

– Шеф говорит, что вы планируете рыскать по городу после урагана, – сказал Булл, стоявший рядом с Дюпри.

– Верно, – подтвердил агент, не глядя на него.

– Мы рады помочь вам, – пояснил Шарбу. – Но в этом городе и в обычные дни можно найти неприятности, а после урагана все станет еще сложнее. Мы в вашем распоряжении – во всем, что касается расследования. Будем сопровождать вас и прикрывать ваши задницы, но с одним условием: в городе командуем мы. Везде, куда бы ни направились, мы идем первыми и сами решаем, когда и куда входить. И следует ли вам идти за нами или лучше остаться, тоже решаем мы. Улица – наша вотчина, – подытожил он.

Амайя невольно посмотрела на Дюпри, ожидая его ответа. Агент в свою очередь внимательно изучал Джейсона Булла. Тот оставался спокоен, и в конце концов они с Дюпри обменялись многозначительными взглядами, видимо, придя к соглашению.

Вернулся Джонсон.

– Звонили Эмерсон и Такер из Тампы, – доложил он. – Им удалось устроиться в штаб-квартире, но на этом хорошие новости у них заканчиваются. Интернет-серверы вышли из строя, большинство бумажных записей уничтожены или сильно повреждены, и, кроме того, они сомневаются в том, что те вообще обновлялись. Ребята делают все, что могут. Сейчас они пытаются найти вертолет, который доставит их в районы, лишенные связи, но пока данных о гибели семей у них нет. Напротив, здесь наши парни продвинулись довольно далеко, – сказал он, указывая на экран своего ноутбука. – Они составили подробный список семей, чей профиль совпадает с указанным, хотя продолжают работать с дополнительными данными о жителях, которые, как объяснил агент сегодня утром, не фигурируют в основной переписи. Список больше, чем я думал: семьи разбросаны по всему городу.

Детектив Билл Шарбу встал рядом с Джонсоном, чтобы посмотреть на экран.

– Да, для нашего штата типичны многодетные семьи. Родительский дом становится местом, откуда члены семьи уходят и куда возвращаются в разное время своей жизни, в зависимости от работы и личных обстоятельств. Иногда уходит один, а возвращаются трое, потому что отпрыск успел жениться и завести ребенка. В большинстве случаев такие семьи не утруждают себя повторной регистрацией. Но этот список вам не особо поможет, – сказал он, указывая пальцем на экран. – Если вы ищете семьи, которые останутся дома во время урагана, забудьте о богатых кварталах; люди ушли оттуда, остались только сотрудники охранных предприятий. Если ваш убийца ищет семью, решившую переждать ураган в городе, ему не подойдут Французский квартал или Гарден-Дистрикт; он направится в какой-нибудь более скромный район.

Амайя кивнула. Это предположение Билла и Булла имело смысл.

– Не могли бы вы указать нам районы, где, по вашему мнению, останется больше всего людей?

– Конечно, – отозвался Билл Шарбу. В несколько шагов он пересек кабинет и остановился напротив карты города. – Ураган обрушивается на Новый Орлеан не впервые, такое уже случалось. На этот раз объявлена полная эвакуация, однако мы уверены, что найдутся люди, которые никуда не уедут, рискуя тем самым своей жизнью. В первую очередь это малоимущие, – сказал он, указывая на карту, – те, кто слишком стар и кому некому помочь. Инвалиды, люди, не имеющие собственной машины, – их не так мало в Новом Орлеане. А также обычные преступники, которые останутся в городе и займутся грабежом. Кое-кто потирает руки с тех пор, как мэр приказал эвакуировать население. Отправившись с нами, вы пообещаете не снимать бронежилет. Боже, что это – кевлар? «Спектра»? – воскликнул Шарбу, указывая на жилет, лежащий поверх рюкзака Амайи, который она оставила у двери кабинета. – Такие не подойдут. Будете носить бронежилет типа IV, такой как у нас, типа «Спектры» и «Араамиды»: они в пятнадцать раз прочнее стали, не тонут в воде, устойчивы к сырости, уменьшают травмы от косых пуль, а также множественных выстрелов, даже если стреляют из винтовки.

– У нас жилеты официально установленного образца... – начал возражать Джонсон.

– Я не знаю, что использует ФБР на случай реальной перестрелки, но уверяю вас: у любого мелкого наркоторговца имеется оружие, которое пробьет эту фигню, как кусок сливочного масла. Думаете, что они побросают товар на милость конкурентов? Если сразу после урагана вы собираетесь разгуливать по этим кварталам в форме ФБР, стучась в двери, придется действовать по нашим правилам, или мы отказываемся вас сопровождать, – заключил Шарбу.

– Я согласен, – решительно прервал их Дюпри. – Мистер Шарбу, мистер Булл, уверен, что наше сотрудничество будет плодотворным, – сказал он и протянул руку, чтобы скрепить договор.

Джейсон Булл быстро пожал ему руку, сопроводив рукопожатие кивком, который Амайя видела раньше и который – теперь она была в этом уверена – указывал на то, что они знали друг друга. Но к чему тогда весь этот фарс со знакомством?

Билл Шарбу посмотрел на своего напарника в поисках поддержки, и, не найдя его, тоже протянул Дюпри руку.

– Просто Билл и Булл, забудьте это ваше «мистер это» и «мистер то», – недовольно пробормотал он. – Билл и Булл. Так нас здесь называют, так нас знают на улицах.

И снова эта извиняющаяся гримаса Джейсона Булла, обращенная к Дюпри. «Точно знакомы», – подумала Амайя.

– Как пожелаете. Значит, Билл и Булл, – согласился Дюпри.

Довольные полицейские шутливо раскланялись и снова повернулись к карте.

– Мы с Биллом считаем, что самое удобное место, чтобы переждать ураган, – пожарная часть на Лейк-Марина-Тауэр. Там находится аварийная служба «девять-один-один», и если нам сообщат о стрельбе и придется быстро реагировать, это место идеально подходит. Мы уже пообщались с ответственным по чрезвычайным ситуациям и начальником автопарка. У нас будет внедорожник, а спасательная группа выдала нам лодку «Зодиак». Но если ситуация усложнится – а это наверняка случится, – у них есть специальные грузовики, разное оборудование и даже вертолет. Несколько патрулей из нашего полицейского участка обошли окрестности и провели работу среди жителей, которые не покинут дома, несмотря на ураган. Это поможет нам получить более четкое представление о том, в каких районах людей останется больше.

Тут Дюпри отвлекся на сообщение на своем мобильном. Просмотрев его, он сказал, обращаясь к Джонсону и Амайе:

– Из Квантико сообщают, что выслали резюме дел, запрошенных Саласар. Неудачные попытки напасть на семьи с нужными характеристиками. Джонсон, наш шеф Форнере предоставит вам кабинет, где можно будет распечатать присланные материалы. Всего шесть случаев. Помимо документов, там имеется немало фотографий. Желательно, чтобы снимки были хорошего качества. Когда закончите, агенты Шарбу и Булл проводят вас в отель. Начинайте работать с делами. Встретимся позже. На улице, – сказал он, обращаясь уже к Биллу и Буллу, – не отходите от них ни на шаг.

После этого Дюпри вышел из кабинета вслед за начальником полиции. Они отошли на несколько метров от двери, когда шеф Форнере остановился и посмотрел Дюпри в глаза.

– А теперь давай начистоту, приятель: что ты здесь делаешь?

– Я же объяснил тебе по телефону: мы преследуем убийцу. Он убивал семьи по всей стране и имеет необъяснимую тягу к стихийным бедствиям, так что...

– Значит, никакого отношения к урагану это не имеет?

– Наоборот. Это напрямую связано с ураганом.

– Послушай, Дюпри, буду с тобой откровенен. Когда инспектор позвонил и сказал, что ты приедешь, меня это не слишком обрадовало. Вот-вот начнется ураган. В одном из моих кабинетов сидят сотрудники из Агентства катастроф, которые прибыли в город, чтобы разделить моих людей на две группы: одна перекроет дороги, другая займется быстрым реагированием. В другом кабинете – сотрудники Красного Креста, занимающиеся организацией убежищ; приходится все держать под контролем. И тут появляешься ты. Пойми, я все время настороже после того, что случилось в прошлый раз. Когда ураган закончится, у нас будет два или три очень тяжелых дня. Все нервничают и то и дело предсказывают конец света; в такие моменты люди суеверны, и меньше всего мне нужно, чтобы началась паника, как в прошлый раз. И если ты намерен воскресить старых призраков...

– Прошло десять лет, – сухо перебил его Дюпри.

– Да, прошло десять лет, но никто из нас ничего не забыл.

– Это дело совсем другое. Не буду вдаваться в детали, достаточно того, что тебе объяснил инспектор: приказы поступают напрямую из Вашингтона.

Шеф упер руки в бока и на мгновение прикрыл глаза.

– Хорошо, – вздохнул он наконец, – я поверю, что это не имеет отношения к Самеди, но взамен хочу, чтобы ты пообещал мне не приближаться к Терребонн Пэриш.

Дюпри сжал зубы и промолчал. Затем пожал шефу руку, другой рукой похлопал его по плечу, тем самым ставя в разговоре точку, и направился к выходу.

Форнере провожал агента ФБР взглядом, пока тот не переступил порог полицейского участка. После этого достал телефон и набрал по памяти номер, который не хранился в списке контактов.

– Похоже, у нас проблема, – сказал он человеку на другом конце провода.

Глава 11

Саван

Новый Орлеан, штат Луизиана

Некоторое время агент Дюпри шагал на юг, но передумал, увидев красный трамвай. Он сел в него, особо не задумываясь, просто ради удовольствия. Агент находился всего в двух остановках от места, куда направлялся, а водитель предупредил, что этот трамвай последний; потом он возвращается в депо. Дюпри видел грузовики, перевозящие вещи и мебель из опустевших контор. Полуденное солнце сияло высоко в небе и, казалось, насмехалось над унылыми, заколоченными досками витринами магазинов на Канал-стрит. Там, где досок не было, витрины превратились в зеркала. Искривленное отражение трамвая, едущего по одной из главных артерий города, мелькало в темных, похожих на грязные лужи стеклах. Еще не успев опустеть окончательно, эта улица уже наводила на печальные мысли, которые появляются обычно на похоронах бедняка или при одиночестве в воскресный вечер.

Дюпри сошел с трамвая на Бурбон-стрит и сразу почувствовал на себе всю тяжесть палящих лучей солнца. Вдали он увидел патрульную машину, а перед некоторыми магазинами – автомобили, в багажники которых их владельцы укладывали наиболее ценный товар. Рестораны и бары были закрыты, однако из-за приоткрытых дверей стриптиз-клубов доносилась музыка. Каждые десять шагов температура будто поднималась на градус. Некоторое время Дюпри размышлял, не снять ли ему пиджак, но без пиджака постороннему взору открылась бы подплечная кобура. Людей почти не было, только вдали возле одного из баров тусовалась какая-то компания. Очередное дуновение раскаленного ветра все-таки заставило его снять пиджак, аккуратно сложить его и повесить на руку.

От старой мостовой поднимался тяжелый затхлый запах смолы и камня. Стараясь выровнять дыхание, Дюпри поднял взгляд и увидел пожилую женщину и девочку не старше десяти лет, которая помогала ей снимать горшки, украшавшие балкон, и ставила их рядом у ног женщины. Слезы, стекавшие по ее лицу, блестели на солнце. У Дюпри возникло дурное предчувствие. Он сам удивился его настойчивости и силе. В это мгновение женщина заметила его. Перехватив его взгляд, она покачала головой и произнесла всего одно слово – старое, забытое слово. Дюпри отчетливо прочитал его на чужих тонких блеклых губах, и, несмотря на разделявшее их расстояние, оно прозвучало в его голове так, словно она прошептала ему на ухо: «Базагра»⁴. По спине Дюпри пробежал холодок. Он попытался поскорее миновать это место, но отчетливо чувствовал водянистый взгляд женщины, прикованный к его спине. Он прибавил шаг, но на первом же углу, прежде чем повернуть на Урсулин-стрит, поддался порыву и на мгновение обернулся. Старуха подняла сухую, маленькую, как старая перчатка, руку, обтянутую морщинистой кожей, и с улыбкой помахала ему. Ее тонкие губы вновь очертили слоги знакового слова. Дюпри увидел, как она чуть заметно покачивается назад и вперед. Казалось, тонкая кожа ее лица едва сдерживает некую сущность, обитающую у нее внутри. Он почувствовал острую боль в плече, где некогда была рваная рана. Дыхание Дюпри участилось, когда его захлестнули воспоминания. Непроизвольно он поднес руку к этому месту, чуть выше сердца.

После этого агент машинально добрался до конца улицы, а затем вернулся, уверенный в том, что ошибся и прошел мимо нужного места. Он не помнил номера дома, а резные деревянные вывески, обычно выдававшиеся чуть ли не на метр от фасада, были сняты, чтобы их не сорвал ветер. Знакомая витрина была заколочена свежими сосновыми досками, пахнущими сочившейся из древесины смолой. Магазин он узнал по дверям гранатового цвета и старым

⁴ Базагра – слово, обозначающее проклятие.

ставням. Снова надел пиджак, а затем нажал на белую фарфоровую ручку, которая на ощупь показалась ему ледяной, и толкнул дверь. Парень и девушка, явно еще подростки, заворачивали содержимое полок в листы белой бумаги и осторожно укладывали свертки в ящики из-под фруктов. Дюпри заметил, что стрижка у обоих была одинаковая: волосы до плеч, пышная челка спадает на карие глаза.

– Закрыто, – сказали они почти хором, не отрываясь от работы.

Дюпри прикрыл за спиной дверь и ответил:

– Я пришел к Антуану.

Девушка замерла и посмотрела на него с упреком, но не из-за просьбы, а из-за того, что он закрыл дверь.

– Месье Мейра нет, – сказала она нежным мелодичным голоском, внимательно следя за его реакцией.

– Уверен, что для меня он есть, – отозвался Дюпри, сунув руку во внутренний карман пиджака, и почти одновременно с этим парень полез под прилавок, наверняка в поисках пистолета. Дюпри улыбнулся и аккуратно, двумя пальцами, извлек пластиковый файл, в котором лежала развернутая банкнота. Убедившись, что они видят изображенный на ней портрет президента, он добавил:

– Скажите, что Гровер Кливленд хочет его видеть.

Подростки обменялись взглядами и улыбнулись. Девушка, подавшись вперед, взяла файл, открыла его с одного конца и пощупала банкноту, затем кивнула и вернула файл. Парень жестом указал на заднюю комнату.

– Добро пожаловать, мистер Кливленд. Месье Мейр вас сейчас примет.

Он провел агента мимо десятков ящиков, стоящих вдоль стены; из одних выглядывали пакетики с деревянными бусинами, черепахи с пустыми глазницами, примитивными куклами из мешковины с вытаращенными глазами, из других доносился крепкий аромат пчелиного воска.

– Липовое вуду, – пробормотал парень.

– Что?

– Безделушки для туристов, – объяснил он, слегка пожав плечами.

Проводив Дюпри вглубь склада, парень оставил его перед крутой узкой лестницей, которая, судя по ее длине, вела вверх как минимум на два этажа. Света на лестнице не было, но в конце угадывалось тусклое оранжевое сияние, как будто верхний этаж был охвачен пожаром. Дюпри начал подниматься по неровным ступеням, которые гулко отдавались под каждым его шагом. «Спускаться будет еще сложнее, чем подниматься, как на корабле», – подумал он.

Помещение, в которое попал агент, занимало весь этаж. Другой двери, кроме той, что располагалась в конце лестницы, видно не было. Полдюжины открытых окон, размером чуть больше вентиляционного отверстия, через которые не пролез бы и маленький ребенок, не избавляли от царившей в комнате духоты. Сквозь окна проникали лучи солнечного света, но их едва хватало, чтобы осветить обширное пространство; они лишь подсвечивали парящую в воздухе пыль. Оранжевый свет исходил от множества газовых светильников, которые свисали с потолка на высоте человеческого роста. В глубине комнаты двое людей, белый и темнокожий, оба в халатах, перчатках и масках, подложив слой марли, держали какой-то предмет, издали казавшийся обломком дерева или высохшими корневищами. Запах земли, талька и увядших цветов ударил в ноздри, заставив вспомнить зловоние Бурбон-стрит. Уверенный, что его присутствие осталось незамеченным, Дюпри принялся издали наблюдать. Темнокожего человека звали Жак. Насколько знал Дюпри, он всегда был помощником Мейра. Белым был сам Мейр. Загар покрывал его лицо до залысин, резко контрастируя с белыми, зачесанными назад волосами в стиле Кристофера Ли. Мейр был слеп на левый глаз. Когда ему было три года, он играл в поле, где только что убрали кукурузу, упал лицом вниз и напоролся глазом на острый сухой

стебель. Глаз он не потерял, но зрачок и радужка были безнадежно повреждены – их содержимое и оттенки смешались, как в мраморных шариках, которые дети называют «кубинскими». Нана утверждала, что некоторые люди видят слишком много и иногда судьба компенсирует их чрезмерно острое зрение, забрав один глаз. При этом она была убеждена, что Мейр начал видеть больше с того момента, как частично ослеп. Сколько Дюпри его помнил, Антуан всегда носил роговые очки с диоптриями для здорового глаза и обычным стеклом для незрячего.

Мейр и Жак тащили свою пыльную ношу к металлическому столу, на котором лежал открытый мешок. Осыпавшееся песком бревно положили на марлю, ставшую похожей на саван, и застегнули молнию на мешке, который оказался мешком для трупов. Дюпри отвел взгляд и, хотя воздуха ему не хватало, постарался не дышать глубоко.

– У меня всегда возникает соблазн спросить, где они такое достают... – Голос Мейра звучал сухо, как песок, прилипший к медицинской маске, которую он отодвинул от лица, не снимая перчаток. Слепой глаз выглядел иначе, нежели помнил Дюпри; он будто позеленел, а его обладатель, осознавая эффект, произведенный на зрителя, выдержал его взгляд пять секунд, прежде чем подмигнуть со словами: – А ну-ка, покажите, что там у вас.

Дюпри протянул ему тысячедолларовую купюру⁵.

– Видите ли... – начал он.

– Ни в коем случае, – отрезал Мейр. – Я сказал, что испытываю соблазн, но это не означает, что я ему поддаюсь. – Одной рукой он извлек купюру из пластикового файла, а другой притянул свисающую с потолка газовую лампу, чтобы разглядеть ее на свет. – Итак, Гровер Кливленд, наш двадцать второй и двадцать четвертый президент, единственный, кто занимал свой пост в Белом доме два срока с перерывом.

– Могу гарантировать, что купюра настоящая, – сказал Дюпри.

– Я вам верю, хотя на этих купюрах нет ни полосок, ни водяных знаков. Большая редкость. Но вы знали, что должны были его принести, и при этом их не так много, чтобы подделывать. К тому же мои дети не позволили бы вам подняться, если б заподозрили что-то не то. – Он улыбнулся. – Я говорю о вас, а не о банкноте.

– Это ваши дети? – удивился Дюпри. – Кaleb и Эмма? Боже мой, как летит время! Я помню их совсем маленькими...

Его замечание заставило Мейра потерять интерес к купюре. Он шагнул к агенту и даже снял очки, изучая его лицо.

– Эндрю Алоизиус Дюпри, – пробормотал он так, словно перед ним призрак. Сделал еще шаг и, казалось, готов был его обнять, но вместо этого снова надел очки, взял его руку и крепко сжал. – Теперь я знаю, что дело серьезное; в противном случае тебя здесь не было бы.

Дюпри покачал головой, делая вид, что с интересом осматривает своеобразный интерьер комнаты: не хотел видеть обращенный на него глаз. Вместо этого он покосился на пряди человеческих волос всевозможных оттенков, которые, подобно тканевой завесе, свисали с потолка. На столе стояла посуда с пробковой крышкой, наполненная зубами. Рядом расположились банки с округлыми белыми существами, плавающими в растворе формалина, и картонные коробки с высушенными частями животных, земель, белым и черным порошком. С потолка на вешалках свисали саваны, на которых сохранились красновато-коричневые отпечатки человеческих тел, лежавших в них годами, как будто души их владельцев все еще льнули к ним.

– Что тебе нужно?

Из того же кармана, откуда достал купюру, Дюпри извлек исписанный карандашом листок и протянул Мейру. Тот наклонил голову, вчитываясь в содержание, затем поднял глаза и пару секунд внимательно изучал лицо Дюпри.

– Вряд ли это для тебя.

⁵ Речь идет о купюре, выпущенной в США в 1934 г.

– Верно. Это для Наны.

– Нана... – пробормотал Мейр, поворачиваясь в глубь зала. – Жак! – крикнул он и помахал листком, чтобы человек увидел его из глубины комнаты, где продолжал работать. – Надеюсь, ты еще не упаковал *le petit enfant*⁶. У мистера Кливленда есть заказ, и ему понадобится кусочек.

⁶ Дитя (фр.).

Глава 12

Окна

Новый Орлеан, штат Луизиана

Джонсон передал Шарбу ключи от черного внедорожника, припаркованного у ворот Восьмого участка. Полицейский из Нового Орлеана восхищенно присвистнул, рассматривая машину сотрудников ФБР.

– Отель далеко? – спросил Джонсон, устраиваясь на заднем сиденье рядом с Амайей. Билл и Булл сразу же заняли передние сиденья, не предоставив им выбор.

– Пять минут на машине, десять-двенадцать пешком... – ответил Булл.

Несмотря на включенный кондиционер, Амайе было жарко, словно к вечеру у нее поднимется температура или сильно разболится голова. Она прижалась лбом к прохладному стеклу и посмотрела на улицу. Разноцветные ухоженные особняки чередовались с домиками попроще. Традиционные *shot gun*⁷ соседствовали с французской архитектурой и остатками испанского колониального стиля. Свежие сосновые доски прикрывали нарядные фасады у одних домов и окна у других. Амайя заметила, что на улице совсем не осталось припаркованных машин.

Людей тоже не было видно, только рядом с полицейским участком. Подняв глаза, Саласар увидела женщину, которая выглядывала из окна, придерживая кружевную занавеску, похожую на сложенный веер. На улицу она смотрела осторожно, украдкой. Память Амайи вернулась в Элисондо, на улицу Сантьяго, где она тысячу раз видела похожие лица за окном. Амайя была уверена, что тонированные стекла автомобиля не позволяют женщине увидеть ее; тем не менее, повинаясь общему для всего мира правилу, когда машина проезжала мимо ее дома, женщина отпустила свой импровизированный веер, вновь скрываясь за занавеской.

– Можно сказать, что эвакуация прошла успешно, – заметил Джонсон, вернув ее в реальность. – Людей нет, машин почти не осталось, большинство горожан приняли меры предосторожности, чтобы защитить свои дома...

Шарбу повернулся к Джонсону и, казалось, собирался что-то сказать, но промолчал; он смотрел на него так долго, что, хотя они ехали по жилой улице и машина двигалась едва ли со скоростью двадцать пять миль в час, Амайя испугалась, что они в конечном итоге врежутся в фасад одного из домов. Но затем он снова сосредоточил свое внимание на дороге, так и не сказав ни слова. Вместо него заговорил Джейсон Булл:

– Восьмой округ – одно из лучших мест в Новом Орлеане. Рядом с районами, где гуляют туристы, всего в двух кварталах от Французской улицы. Бары и рестораны тут чередуются с заведениями, где играют джаз. Возможно, они не такие элегантные, как во Французском квартале, зато достаточно стильные, чтобы создать у посетителей ощущение аутентичного Нового Орлеана. И все это – обманка для туристов. Мы знаем, что вам надо в отель, что у вас важная работа, но не можем вести вас завтра в город, если вы ляжете спать, не увидев Новый Орлеан. Невозможно преследовать убийцу, если не знаешь, где оказался, и не имеешь понятия о том, как устроен город. Черт возьми, даже ваш отель находится в гребаном Французском квартале!

Джонсон посмотрел на часы. Амайя была уверена, что он не станет терять время впустую. Они договорились с Дюпри просмотреть дела до его возвращения, а Джонсон с момента знакомства показал себя человеком точным и аккуратным; послушаться приказа Дюпри, пусть даже на несколько минут, наверняка казалось ему чем-то из ряда вон выходящим. Однако он кинул взгляд на Амайю, согласно кивнул и сосредоточил все свое внимание на проносящемся за окном городе.

⁷ Самый популярный стиль домов на юге США с конца Гражданской войны и до 1920-х годов. Характеризуется узкими прямоугольными домами, обычно не более 4 м в ширину, с комнатами, расположенными одна за другой.

Авеню Симона Боливара осталась позади. Всего пять минут вглубь города – и уже их окружала совсем другая атмосфера, нежели в Восьмом округе. На улицах было гораздо больше жизни. Несмотря на усилия отдельных домовладельцев придать району пристойный вид, чаще всего дома выглядели неопрятно, словно выцвели и полиняли в результате многолетнего воздействия дождя и солнца. Некоторые строения и вовсе были покрашены в разные цвета, как будто не хватило краски и в последнюю минуту их решили покрасить в тот цвет, который был под рукой. Большая часть домов никак не была защищена от урагана. Амайя видела окна, заклеенные скотчем или клейкой бумагой. Часто жители ограничивались тем, что убирали кресла с крыльца; впрочем, кое-где по-прежнему сидели старики и даже дети. Вместо золотистых сосновых досок для защиты окон местные жители использовали любой подручный материал – куски пластика, цветной брезент, грязные деревяшки, из которых торчали ржавые гвозди. По мере продвижения им попадалось все больше маленьких ветхих домишек, похожих на продолговатые сараи. Сады исчезли, вместо них виднелись залитые цементом дворики; жардиньерки сменились пластиковыми бочками, служившими горшками для пышных белых цветов. Между домами виднелись мусорные свалки, ржавые остовы автомобилей с открытыми дверцами и выпотрошенными сиденьями, чье содержимое напоминало внутренности сбитого машиной животного. Проезжая мимо одного из дворов, они увидели группу подростков, окруживших «Бьюик» с открытым капотом. Тот, что стоял ближе к улице, подал знак остальным. Ребята отвернулись, во всем их облике чувствовалась враждебность и отчуждение; кое-кто красноречиво поднял навстречу машине средний палец, в то время как другие что-то выкрикивали. Булл повернулся к Джонсону и Амайе.

– У меня жена и двое малышей; они в Атланте у ее родителей. Те очень рады, что семья живет у них, и при каждом удобном случае напоминают жене, что Новый Орлеан – помойка. Моя мама тоже живет с ними. Я всю семью отсюда перевез.

– А я нет, – сказал Билл Шарбу. – У меня тут тетя, младшая сестра моей матери; она у себя в квартале вроде как активист, вот и решила не уезжать; сидит дома в Девятом округе, и никто не заставит ее сдвинуться с места. Вы должны понимать, что вокруг много таких людей, как моя тетя: могут уйти, но решили остаться. А есть и другие, такие, как эти уличные парни. Они здесь выросли. Здесь их дом, их улица, их друзья и все, что у них есть. Они всю жизнь плохо жили, и ураган вряд ли чем-то их удивит. Их принципы не позволяют уехать, но они как бы сами по себе, игнорируют систему. Эти парни останутся здесь, и поверьте, они готовы защитить свою улицу, свой дом и свою семью, рискуя собственной жизнью, причем даже от тех, кто якобы хочет им помочь.

– Ураган пятого уровня, и, возможно, достигнет шестого. Думаю, они просто не понимают, какая им грозит опасность. Они запросто могут погибнуть. Может быть, им никто толком ничего не объяснил... – пробормотал Джонсон.

– Да, могут погибнуть, – согласился Булл. – Но им все равно. Джонсон, при всем уважении, вы человек не отсюда, катаетесь по их улицам, видите все это дерьмо и думаете: неужели, парни, вы готовы за него умереть? И не понимаете, что это только для вас дерьмо, а для них – это то небольшое, чего им удалось добиться в жизни. Я давно заметил, что каждый чужак смотрит на них свысока.

Джонсон открыл рот, собираясь ответить, но Амайя опередила его, пытаясь разрядить обстановку:

– А вы, мистер Шарбу? Вы женаты?

Полицейский расхохотался:

– Мистер Шарбу? Больше не называйте меня так. Билл, просто Билл, – или Шарбу, но только не мистер Шарбу!

– Семья Билла здесь больше не живет, – ответил Булл, так как было очевидно, что от напарника ответа не дождешься. – Его родители и братья в Батон-Руж. Здесь у него никого

не осталось, кроме тети. В городе имеется с полдюжины подружек, но ни одна из них не любит его настолько, чтобы пережить вместе с ним ураган, – сказал он и фальшиво поморщился от шутивого тычка в плечо. – Думаю, сейчас они разбежались по ближайшим штатам, спят себе в тепле с кем-нибудь из дружков...

– Да пошел ты! – Билл тряхнул головой, а его напарник захохотал.

Они снова выехали на Симона Боливара, пересекли Марины и, миновав Эспланаду, выехали на улицу Дофина.

Оранжевый фасад отеля «Дофин» простирался по обе стороны улицы, в честь которой был назван. Бутылочно-зеленые балконные дверцы чередовались с украшавшими первый этаж белыми ставнями и арками. Билл притормозил перед открытыми воротами и убедился, что, несмотря на обязательную эвакуацию, парковка отеля забита до отказа. За стойкой регистрации хлопотали три пышнотелые темнокожие женщины. Они уточнили бронирование и пригласили Билла и Булла подождать в симпатичном баре, примыкающем к ресепшену. Одна из женщин, выйдя из-за стойки, отправилась показывать Амайе ее номер. Билл, настоявший на том, чтобы помочь отнести багаж, проводил их до лифта, где неохотно протянул Амайе ее рюкзак. Сопровождающая их женщина с улыбкой, но твердо забрала его, одновременно напомнив Биллу, что тот обещал ждать в баре. Как только лифт закрылся, она обратилась к Амайе:

– Ваш друг очень симпатичный. Вы не знаете, он женат или холост?

Амайя улыбнулась:

– По-моему, женат...

Женщина посмотрела на нее с интересом:

– Я бы сказала, что вы ему нравитесь.

– Уверена, так оно и есть. Я ему нравлюсь, вы ему тоже нравитесь, женщины на улице ему нравятся... – Амайя пожала плечами.

– Понимаю: любвеобильный парень... Не беспокойтесь о ваших друзьях, они отлично посидят в «Мэй Бейли»; он только теперь бар при отеле, а раньше был одним из главных борделей Нового Орлеана, первым получил законную лицензию на подобную практику. К тому же это одно из самых «призрачных» мест в Биг Изи⁸... – сказала она, подмигивая.

Амайя снова улыбнулась:

– Вы имеете в виду, там обитают призраки проституток?

– Дамы легкого поведения, так они назывались... Призрак у нас и правда есть, но не проститутки. Это сестра основательницы заведения, мисс Мэй Бейли. Ей не нравилась жизнь в этих краях, она мечтала сбежать отсюда. Встретила молодого солдата, который сразу же сделал ей предложение и пообещал забрать с собой, но в день свадьбы парень погиб в перестрелке, тогда это было частое явление в городе. Говорят, девушка сошла с ума от горя, да так и не сумела выбраться отсюда. Некоторые постояльцы утверждают, что она является в белом кружевном платье, плача в саду или на галерее.

Когда двери лифта распахнулись, женщина отодвинула желтую табличку, предупреждающую об опасности свежeweымытого пола, и направилась в номер, расположенный справа. Амайя смотрела на нее с полуулыбкой, гадая, сколько раз та рассказывала эту историю гостям отеля. Хозяйка повернулась к ней и продолжила:

– Но вам не о чем беспокоиться, она является только мужчинам. Быть может, все еще ждет своего жениха... – Она пожала плечами, открыла дверь и отошла в сторонку, позволяя Амайе войти внутрь.

Помещение было просторным и напоминало пирожное. Все – мебель, кровать, стены, потолок, ковер – было кремового оттенка в чисто французском стиле. Ванная комната находилась в углу, а внешнюю стену украшало большое окно в типично колониальном стиле с подь-

⁸ Биг Изи (англ. Big Easy) – прозвище Нового Орлеана.

емной решетчатой рамой и жалюзи из тонких пластинок, которые приводились в движение с помощью рычага. Хозяйка распахнула наружные ставни, открывая вид на фасад соседнего здания.

– Жаль, не могу предложить вам номер получше, но, учитывая, что его забронировали в последнюю минуту и отель полон...

– Да, я заметила. Мне казалось, что из-за эвакуации...

– Многие решили не уезжать. Хотят быть здесь, чтобы защитить дома от грабежа, когда ураган закончится, вот и поселились у нас. Все знают, что Французский квартал ни разу не затапливало. Раз уж этого не случилось за всю историю Нового Орлеана, не разрушит его и красотка «Катрина»...

Женщина открыла окно, и в комнату ворвалась музыка. По улице шагал оркестр. Амайя высунула голову наружу и увидела толпу музыкантов, шествовавших куда-то в бодром темпе по переулку.

– Надо же, музыканты, – сказала она, повернувшись к хозяйке. – Не думала, что они останутся в городе.

– Есть два вида существ, которые никогда не покинут Новый Орлеан: музыканты и призраки.

Хозяйка на мгновение задумалась, а затем включила телевизор, по которому как раз передавали новости. На экране появилось изображение гигантского урагана, зависшего над океаном. Женщина удовлетворенно кивнула и направилась обратно к двери. Открыв ее, она столкнулась лицом к лицу с Джонсоном. Под мышкой агент сжимал с полдюжины папок с делами, распечатанными в полицейском участке. Амайя молча указала ему на широкий стол у окна и, взяв одну из папок, уселась на край кровати, уступив стоящий возле стола стул Джонсону. Перед тем как сесть, тот повернул планки жалюзи, чтобы стало светлее.

* * *

Амайе потребовалось двадцать минут, чтобы исключить первые два случая из доставшихся ей трех. В первом фальшивые газовщики, используя учетные данные, проникли в дом, где проживала семья, оставшаяся без газа после оползня; они избили отца и мать и напали на бабушку, требуя ключ от сейфа. Второй случай – ночное нападение группы людей в капюшонах, которые связали и ограбили всех членов семьи, в точности соответствовавшей нужному профилю. Женщин подвергли сексуальному насилию, заставив мужа смотреть на это; детей держали в другой комнате. Третий случай был более многообещающим. Восемь месяцев назад, в декабре прошлого года, в Галвестоне, штат Техас, некто Джозеф Эндрюс сорока восемью лет застрелил собственную жену и двоих детей, двенадцатилетнего мальчика и шестнадцатилетнюю девочку, а затем покончил с собой. За месяц до этого они переехали из Сакраменто, меняя место работы, хотя проблемы, похоже, не были связаны с экономической ситуацией. Эндрюс был исполнительным директором компании; после переезда ему повысили зарплату, и семья зажила в красивом доме с собственной пристанью. Жена была известным дизайнером – ее блог читала вся страна, – а также большой поклонницей театра. Приехав в город, она присоединилась к любительской труппе. Фотография девочки-подростка была взята из классного журнала в ее новой школе в Галвестоне, где она, судя по виду, неплохо адаптировалась. Из-за маленького сына, однако, у семьи иногда случались конфликты и ссоры с соседями. Согласно отчету, в день убийства Эндрюс не пошел на работу. Тела нашел сосед, который зашел посмотреть, все ли в порядке. Пистолет отца обнаружили рядом с телами.

К делу было приложено с полдюжины фотографий. Амайя разложила их на кровати, чтобы рассмотреть внимательнее. Ей показалось, что головы лежащих на полу тел направлены на север, хотя по изображению невозможно сказать наверняка, а жирная краска принтера

мешала определить, имеются ли следы от веревок. Но больше всего Амайю заинтересовало само место убийства. Хотя в отчете об этом ничего не говорилось, в гостиной царил полнейший разгром: опрокинутые горшки с растениями, криво висящие на стенах картины. Это мало напоминало эффект разбушевавшегося торнадо, но все же...

Она разложила по порядку шесть фотографий места преступления, отдельно поместила четыре портрета улыбающихся членов семьи. Интересно, где их раздобыли, прямо в доме?

– Джонсон, взгляните на это, – сказала она агенту, изучавшему свою порцию отчетов.

Тот встал из-за стола и подошел к кровати.

– Получается, в этот день отец должен был остаться дома, чтобы расправиться с семьей. Он выстрелил им в головы, а потом застрелился сам. Обратите внимание на то, как лежат трупы; их четверо, следов от веревок не видно, хотя качество фотографий не позволяет их рассмотреть, даже если они имеются. Согласно отчету, отец выпустил все четыре пули из револьвера, зарегистрированного на его имя, который лежал рядом.

Джонсон взял одну из фотографий и поднес к окну, чтобы разглядеть детали.

– А не было ли других членов семьи, которые в это время отсутствовали?

– Да, старший сын, который соответствует возрасту интересующего нас профиля. Его допросили. После убийства парень унаследовал дом в Сакраменто, дом в Галвестоне и приличную сумму денег, хотя его никто не подозревает. Он живет в Сакраменто и был там, когда произошли убийства. Судя по всему, парень устроил изрядный шум в прессе, рассказывая всем желающим его выслушать, что настоящий убийца неизвестен, а следствие умыло руки, возложив ответственность на отца, который ни в чем не повинен.

Джонсон взял отчет из рук Амайи и на последней странице отыскал данные о детективе, который занимался этим делом. Набрал номер в Галвестоне, но ему ответили, что детектив Нельсон подал ходатайство о переводе. Джонсон улыбнулся, набрал другой номер и нажал на динамик, чтобы Амайя могла слышать разговор. С другой стороны послышался едва различимый голос агента Такер.

– Такер, – начал Джонсон. – Саласар слушает тебя через громкую связь. Вы все еще в полицейском участке Майами?

– Привет, Саласар. Да, мы ждем транспорт, который доставит нас в пострадавшие районы; в данный момент они изолированы. Но мы на чеку и мигомотреагируем на любое сообщение об убийстве или смерти во время урагана. Особых надежд, впрочем, у нас нет; телефонные линии не действуют, а те, которые работают, перегружены. Было получено несколько сообщений о стрельбе. Те, которые мы проверили, отрицательны. У нас есть пара семей, соответствующих профилю, с которыми мы еще не успели связаться и которые, по словам близких, остались в своих домах. Но даже если Композитор уже сделал свой ход, мы узнаем об этом только через несколько часов.

– Саласар просмотрела отчеты о преступлениях, которые мы получили сегодня утром, и обнаружила случай самоубийства восемь месяцев назад в Галвестоне. Отец убил жену и двоих детей, а потом выстрелил себе в голову из собственного пистолета. На первый взгляд не наш случай, но у них есть еще один ребенок, которого не было дома и который идеально дополнил бы наш профиль. Передо мной фотографии места преступления, и да, все трупы лежат головами в одну сторону; мы не знаем, указывают ли головы на север, по фотографиям установить это невозможно. Следов лигатур не видно, а в баллистическом отчете говорится лишь о том, что у отца на руках имеются следы пороха и что пули, найденные при вскрытии, соответствуют двадцать второму калибру и выпущены из револьвера, который лежал на полу рядом и принадлежал отцу.

– Вы думаете, это может быть наш человек?

– Пытаемся установить, но для этого нам необходимо пообщаться с детективом, который вел дело. Отчет подписан неким Брэдом Нельсоном из отдела убийств Галвестона.

– И что?

– Детектив Нельсон попросил перевести его в Тампу – жена, видимо, из тех мест, – и его берут на работу в тамошний участок.

– Мы сейчас здесь. Думаю, мне не нужно объяснять вам, что происходит в участке. Все агенты на выезде, но если этот Нельсон на дежурстве, я его найду. Мы встречаемся через пятнадцать минут для телефонной конференции. перезвоните еще раз по этому номеру.

В ожидании разговора Амайя вошла в ванную, открыла кран и сунула руки в раковину под струю прохладной воды. Голова по-прежнему ныла, будто вот-вот разболится от нестерпимой жары и духоты. Она намочила полотенце и приложила к затылку.

– Саласар. – Джонсон заглянул в дверь. – Пора.

* * *

– Агент Джонсон, заместитель инспектора Саласар, инспектор Эмерсон слушает вас через громкую связь. Детектив Брэд Нельсон в данный момент на выезде, он отправился с первым отрядом добровольцев в зону бедствия и вряд ли вернется в ближайшие часы. Установить телефонную связь невозможно, но я разговаривал с ним по рации. Вот что он мне сообщил: револьвер «Смит энд Вессон» двадцать второго калибра, того же, что и пули, которые извлекли из трупов. Детектив считает, что настойчивость сына связана с неспособностью смириться с поступком отца и тем, что случилось с его семьей. Он учится в Новом Орлеане, в Университете Тулейна; после убийства побывал в Галвестоне всего один раз. С тех пор дом заперт. Парень звонит Нельсону каждую неделю, настаивает на возобновлении дела. Последний раз они говорили вчера, Нельсон еще был на месте. Возможно, вы сможете пообщаться с парнем. Его зовут Джозеф Эдвардс, как и отца.

Джонсон смотрел на Амайю, ожидая ее реакции. Она стиснула зубы и лишь слегка пожалала плечами; вряд ли они узнают что-то принципиально новое, но с парнем нужно поговорить, хотя детектив, скорее всего, прав: речь идет о процессе переживания горя и отказе принять столь ужасный факт.

На линии зазвучал голос Такер:

– А еще я спросила о беспорядке в доме.

Амайя затаила дыхание.

– В тот день Галвестон пострадал от последствий тропического урагана, не слишком сильного – не было ни погибших, ни раненых, только поваленные деревья и разбитые стекла. Отец не пошел на работу, потому что компания рекомендовала своим сотрудникам оставаться дома. Они не так давно жили в городе и ни разу не видели бури на побережье. Детектив полагает, что в какой-то момент они открыли окно, в результате чего стекла разбились. На телах не было ни порезов, ни осколочных ран. На запястьях отца имелись следы; следствие считает, что он нанес их себе сам, когда пытался покончить с собой. На месте преступления не было найдено ни веревок, ни проводов, ни каких-либо других предметов, которыми можно связать человека. Беспорядок в доме вызван порывами ветра, проникавшего через разбитые окна. Поскольку разгром – не улика, в докладе о нем не упомянули. Нельсон сказал, что сейчас у него нет перед собой данных и он не может поклясться, в каком направлении лежали головы, но почти уверен, что они были обращены на север.

– Черт! – вырвалось у Амайи. – Интересно, агенту Дюпри это дело покажется достаточно срочным?

Джонсон попрощался с Такер и набрал номер Дюпри. Он изложил последние сведения и внимательно выслушал ответ. Амайя изучала его лицо, пытаясь угадать, каким будет следующий шаг.

– Дюпри говорит, чтобы мы съездили в университетский городок, но в сопровождении Билла и Булла.

– Думаете, они все еще внизу?

– Безусловно, – ответил Джонсон, убирая фотографии в папку. – Они, вероятно, отлично проводят время; по словам хозяйки, бар в течение многих лет был борделем «Мэй Бейли» и, видимо, до сих пор сохраняет эротический шарм.

Амайя кивнула. Она была права: хозяйка действительно рассказывает эту историю всем гостям.

Глава 13

Глухонемая печаль

Элисондо

Энграси с отвращением поднесла руку к лицу, снимая остатки паутины.

Она ползала на коленях в самой дальней части чердака в поисках рождественских украшений. Как водится, нашлось все, кроме того, что она искала. Коробки с одеждой, в которой Энграси некогда щеголяла на улицах Парижа, тонны записок (она в то время была студентом-психологом), сделанных от руки по-французски; книги, которые стояли на полках в домах, где она жила с любимым человеком. Безделушки и сувениры, когда-то столько для нее значившие и которые Энграси теперь рассматривала будто во сне, тоскуя по прошлому, такому далекому и безвозвратному, как будто с тех пор прошла целая жизнь. Она отодвинула коробки и протянула руку, чтобы свет, проникавший с лестницы, осветил ее наручные часы. Да, время пролетело незаметно. Амайя уже давно должна была вернуться.

Энграси повернулась к люку и уже собиралась спускаться вниз, когда увидела небольшой деревянный сундук, тоже привезенный ею из Парижа. Она вздохнула, зная, что обнаружит внутри. Поставив ногу на первую ступеньку и прежде чем перебраться на следующую, приподняла крышку сундука настолько, чтобы просунуть руку внутрь, схватила хранившийся там выпуклый сверток и спрятала его под кофтой. Быстро спустилась по лестнице на первый этаж – и только тогда вспомнила о коробках с елочной мишурой, стоявших в дальнем конце чердака. Энграси позвала племянницу: вдруг, пока она была наверху, та бесшумно, как мышка, зашла в дом...

Окно, за которым уже стемнело, превратилось в зеркало. В нем Энграси увидела собственное отражение: взъерошенные волосы, хмурый беспокойный взгляд, выпуклый сверток под кофтой. Надо позаботиться о нем в первую очередь. Она потянула цепочку, которую носила на шее, и вытащила маленький золотой ключик. Затем наклонилась к единственному ящику комода, на котором висел замок, открыла его, положила сверток внутрь, снова закрыла и спрятала ключ обратно под одежду. Сделав это, взяла телефон с тумбочки у дивана и машинально набрала номер. Прислушиваясь к сигналам вызова, она прижала руку к стеклу, чтобы сквозь отражение видеть улицу. С другой стороны линии ответил теплый, родной голос брата:

– Кондитерская Саласар. Слушаю вас.

Если б Энграси не была так сильно обеспокоена, она бы улыбнулась. Брат всю жизнь угрюмо бурчал в трубку, но в последнее время под влиянием своей обожаемой супруги он изменился.

– Хуан, Амайя у тебя?

– Нет, а что?

– Она до сих пор не пришла, и я волнуюсь.

– Наверное, гуляет с какой-нибудь одноклассницей; темнеет сейчас рано, но еще только половина шестого...

– Хуан, я же говорила, что Амайя обычно сразу возвращается домой, если только не идет к тебе. Вот я и подумала, что, может быть, она с тобой, играет с сестрами... Ты уверен, что они не на заднем дворе?

– Нет. Росария забрала девочек в дом, пообещав, что они займутся рождественскими украшениями. Они очень обрадовались.

Энграси повесила трубку, ничего не ответив. Затем надела теплое пальто, сунула ключ от дома во внутренний карман и вышла на улицу.

Хуан был прав – на улице смеркалось, хотя было еще не поздно. В тот год долго стояла мягкая теплая осень, и первые зимние холода застали жителей долины врасплох, разогнав их

по домам. Вдали, на мосту, ведущем на улицу Сантьяго, проезжали машины с включенными фарами, но ни одного человека видно не было. Свет уличных фонарей лился с фасадов домов на мокрую землю, вычерчивая на ней оранжевые гобелены, доходившие до парапета, идущего вдоль реки. Реку Энграси не видела, но где-то там, внизу, угадывала присутствие холодного и подвижного живого существа, которое подтачивало землю у нее под ногами, напоминая о хрупкости существования. Она приложила руку к груди, нащупывая маленький ключик, стиснула зубы и зашагала быстрее, обуреваемая желанием найти девочку и страхом, что та окажется именно там, где думает Энграси.

Ее брат жил в одном из лучших домов в Элисондо. Он купил его у старого контрабандиста, завязанного холостяка, который не поспешил на внешнее оформление, хотя внутри дом выглядел таким же строгим и аскетичным, как все традиционные дома в Базтане. Входная арка вела в сад, где вдоль дорожки бывший владелец посадил две великолепные плакучие ивы. Когда они выросли и склонились к земле, хозяин решил усмирить настойчивый рост деревьев и приказал обрезать ветки, которые почти полностью закрывали нарядный фасад. Их подстригали трижды, и после третьего раза он сдался. Хуан был уверен, что именно это стало причиной, побудившей бывшего хозяина продать ему дом. Этот сорт деревьев никогда не облетал полностью, но с наступлением зимних холодов их купы редели и листва уже не была такой обильной, как прежде.

Войдя в калитку, Энграси различила золотистый свет, падавший из окон гостиной, подсвечивая сад. Сначала она не увидела девочку и вновь ощутила смесь облегчения и тревоги. Но когда глаза привыкли к полутьме, она все-таки разглядела чей-то силуэт, стоящий в тени дерева. Она не сразу поняла, что это: мозг утверждал, что перед ней морская звезда, а этого быть не могло. Подойдя ближе, Энграси увидела, что девочка крепко обнимает дерево, словно оно живое, а бледная звездочка, которую она, как ей казалось, различала издали, была маленькой замерзшей рукой, выглядывающей из рукава красного свитера. Толстый ствол ивы полностью закрывал Амайю. Только когда она наклонилась вперед, ее личико стало видно среди темных плакучих ветвей. Девочка тоже плакала.

Энграси пригнулась, чтобы пройти под ветвями, подошла с другой стороны ствола и положила свою руку поверх руки Амайи, с удивлением обнаружив, что она горячая, как будто дерево действительно было живым и делилось с ней своим пылом. Со своего места Энграси пыталась разглядеть то, на что смотрела Амайя. Росария не задернула занавеску, и окно было полностью открыто. Внутри дом был ярко освещен. С того места, где они стояли, комната была видна как на ладони. Перед широким окном улыбающаяся мать и сестры Амайи украшали елку, не догадываясь о зрителях, которые подсматривали за ними из сада. Энграси молча покосилась на скорбное лицо девочки, терпеливо размышляя, что ей сказать, как убедить, что все это неправильно и им лучше уйти. Но слова не понадобились – через несколько секунд Амайя убрала руку со ствола и, вытянув рукав свитера, вытерла слезы. Потом вышла из укрытия, снова протянула тете руку и спросила:

– Пойдем домой?

В голосе ее звучала мольба.

Энграси ничего не ответила. Она чувствовала, как сердце колотится у нее в горле, переполненное невысказанными словами. Кивнула, поцеловала Амайю и взяла ее за руку, чтобы вместе пойти обратно. Но прежде чем выйти из-под защитной тени ивы, еще раз оглянулась, словно ее окликнули. Из окна за ними наблюдала Росария. Половина ее лица была закрыта падающей из сада тенью, но сквозь подсвеченные огнями ветки Энграси на мгновение различила улыбку на лице женщины. Она крепче сжала руку Амайи и потянула ее прочь. Нежность, душившая ее мгновением раньше, сменилась чистой яростью и... страхом.

Глава 14

Нана. Пестрый дом

Новый Орлеан, штат Луизиана

Вечер субботы, 27 августа 2005 года

Выйдя из лавки, Дюпри поднялся по Урсулине и устремился к Треме, но затем углубился в хитросплетение улиц, чтобы оказаться у кладбища. Он понимал, что у него слишком мало времени, чтобы откладывать визит на другой раз. Несмотря на прошедшие годы, Дюпри ориентировался здесь не хуже, чем в детстве, и безошибочно угадывал направление, словно по стрелке компаса, которая всегда указывала на могилу родителей. Двое работников кладбища поднялись по ступенчатой тропинке и сняли висевший на темной изгороди плакат, предлагавший экскурсии по территории.

– Мы закрываемся, приятель, – предупредил один из них, заметив наблюдающего за ними человека.

– Я всего на минуту. Хочу убедиться, что семейный склеп выдержит ураган, – ответил Дюпри, уверенный, что его приняли за отставшего от экскурсии туриста.

Работник посмотрел на Дюпри, окинул взглядом его одежду и подозрительно спросил:

– Что за семья?

– Сабрие-Дюпри, – невозмутимо ответил тот.

– О, конечно, месье! – воскликнул работник, пропуская его вперед.

Дюпри повернул налево и зашагал вглубь кладбища. По сравнению с детскими воспоминаниями оно казалось ему другим – больше и одновременно меньше. Пока он шагал между рядами усыпальниц, расположенных значительно ниже уличной мостовой (почвы в тех местах болотистые), им снова овладело забытое с детства странное чувство. На многих плитах едва можно было различить имена их бессловесных хозяев. Дойдя до конца тропы, Дюпри остановился и поискал взглядом знакомую могилу. Открывшееся ему зрелище было удручающим. Он помнил усыпальницу возвышавшейся метра на полтора над землей, с каменной табличкой, на которой были выгравированы имена родителей. Теперь же склеп настолько обветшал, что по его бокам обнажился бурый кирпич. Плита разбилась, в углу зияла глубокая трещина. Поднимавшаяся с земли сырость образовала темный налет, въевшийся в камень. Почти вся его поверхность была погребена под слоем серой грязи, зеленоватой на выгравированных именах. Если бы он не знал, что там написано, то даже не смог бы разобрать их. Понимая, что это бесполезно, Дюпри протер кончиками пальцев углубления букв и на какое-то время замер, молча глядя на них. По его лицу было непонятно, о чем он думает.

Вскоре агент услышал металлический лязг цепей, которые сторож вешал на ворота, наверняка стараясь греметь погромче. Поскольку ничего другого не оставалось, Дюпри нагнулся, поднял с земли серый камушек, отколовшийся от могилы, положил его чуть ниже имен родителей, а затем поспешил обратно к воротам. Поблагодарив работников, он представил себе, как ветер срывает его маленькое подношение с могильной плиты, под которой рядом с родителями покоились самые мрачные воспоминания, и спрашивал себя, способна ли «Катрина» эксгумировать ужасы.

Дюпри покинул кладбище. На улице Марэ его задержал полицейский патруль Нового Орлеана; офицеры попросили представиться и спросили, куда он направляется, напомнив об обязательной эвакуации. Допрос отвлек Дюпри от собственных настойчивых мыслей. Он показал свое удостоверение, и его отпустили. Когда полицейские были уже далеко, Дюпри поздравил себя с тем, что они не проверили содержимое его сумки.

Он шел между разноцветными домами к нижней части квартала, который казался брошенным. Окна большинства домов по-прежнему были темными, хотя в это время обычно

принято было зажигать свет. С террас исчезли кресла-качалки и кадки с растениями, а вдоль галерей сиротливо висели пустые веревки, на которые обычно подвешивали вьюнки и лианы. Ставни окон, не заколоченных досками, были заперты с помощью цепей, на которых висели замки. Кое-где напротив домов толпились их обитатели, садившиеся в автомобили, переполненные вещами, которые они не желали оставлять дома.

Наконец Дюпри увидел его. Пожалуй, это был один из самых красивых домов на всей улице. Как это часто бывает с воспоминаниями детства, сейчас дом казался ему совсем маленьким, но Нана явно заботилась о нем: стены были выкрашены в желтый цвет, наличники – в белый, а обрамляющие окна ставни – в темно-зеленый. В детстве Дюпри часто обмакивал кисть в краску и проводил ею по фасаду снова и снова, не столько ради необходимости, сколько для чистого удовольствия от процесса. У дома было два этажа и четыре больших окна, выходящих на узкое, чуть шире балкона, крыльцо. Впереди располагался небольшой палисадник, окруженный невысоким белым забором. Дюпри толкнул калитку и увидел, что со столбов волнами свисают сверкающие фонарики, оставшиеся после Марди Гра⁹, – Нана обычно выбирала зеленые, золотые и фиолетовые, чтобы отдать дань уважения городу и привлечь в дом справедливость, богатство и веру.

Дюпри поднялся по лестнице и оказался в коридорчике, откуда убрали горшки и мебель. Свет внутри не горел, и когда он попытался открыть ставни, то обнаружил, что кто-то забил их изнутри. Агент спустился по лестнице в сад и обогнул дом по узкой аллее, отделявшей его от соседнего сада. Едва заметный теплый свет сочился сквозь кухонное окно. Он двинулся к задней двери, чувствуя, как влажная земля проседает под ногами, и, прежде чем дотронуться до ручки, различил внутри странный звук, похожий на скрип. Внимательно прислушался: казалось, по полу волокут мебель. Дюпри осторожно отложил пакет, приготовленный ему Мейром, и достал пистолет. Затем медленно повернул медную ручку, чувствуя, как она поддается. Тут кто-то рванул дверь изнутри, и она открылась.

– *Mon cher et petit coeur!*¹⁰ – воскликнула Нана, раскрывая объятия.

– Нана...

– Эл, я знала, что это ты, мой маленький Эл, ты с детства любил заходить через кухню, а не через входную дверь...

Дюпри улыбнулся – только она называла его Эл.

Он обнял Нану, почувствовав хрупкость ее тела. Она сильно похудела. Одежда была велика, и даже сквозь ткань пальцы нащупали острые мелкие косточки. Дюпри закрыл глаза, прижимая пожилую женщину к себе.

Когда она успела так уменьшиться? Он помнил ее такого же роста, как и он сам, а теперь пряди белых волос едва касались его подбородка. Дюпри наклонился и приник долгим поцелуем к ее макушке.

– Ты пришел, ты пришел, мой мальчик... – Нана заплакала.

Ее слезы разрывали ему сердце. Он крепче прижал ее и стиснул зубы, чтобы сдержать обуревавшие его эмоции.

– Нана, прости. Мне очень жаль.

– Почему, *mon cher*?

– Потому, что не приходил раньше, – пробормотал Дюпри.

Старушка оторвалась от него и сделала шаг назад, чтобы как следует рассмотреть его лицо.

⁹ Марди Гра (*фр.* «жирный вторник») – вторник перед началом католического Великого поста, последний день знаменитого местного карнавала. Празднуется в основном во французских колониях.

¹⁰ Милый мой, мое сердечко! (*фр.*)

– Не говори глупостей. Мы оба знаем, что ты не мог вернуться, и что рано или поздно ты все равно это сделаешь. А теперь ты здесь, и я даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Я тоже.

– Тебе лучше спрятать это, прежде чем кто-нибудь пострадает, – сказала Нана, указывая на пистолет, который он все еще держал в руке.

– Это? Это из-за тебя. – Дюпри улыбнулся, убирая пистолет. – Я думал, кто-то грабит дом... Можно узнать, чем это ты тут занимаешься? Ты же сломала бедро несколько месяцев назад. Тебе нельзя таскать тяжести.

– Твоя Нана сильнее, чем тебе кажется. Думаешь, перелом бедра убьет меня, как тех бедных старух, которые ложатся в постель и уже не встают? С моим бедром всё в порядке, – сказала она, глядя ему в глаза. – Моя рана, которая никогда не заживет, находится в груди, как и у тебя.

Она взяла его за руку и повела через темную кухню в гостиную. Ее неуверенные шаги опровергали заявление о том, что с бедром все в порядке. Он собирался сказать ей об этом, но замолчал, войдя в гостиную. Именно отсюда исходило теплое сияние, которое Дюпри разглядел сквозь занавеску.

– Пришлось убрать мебель, мне нужно было место... – Нана вздохнула.

Все вещи в гостиной были придвинуты к стенам и окнам, на столе стояли перевернутые вверх ногами стулья. Десятки свечей перемежались цветами из бумаги и ткани. Выцветшие лица на старых фотографиях их предков смотрели на Дюпри, и казалось, что в мягком мерцании свечей их глаза будто бы наполнены жизнью. В глубине комнаты стоял небольшой алтарь, на котором сантос¹¹ чередовались с ликами смерти. Вокруг лежали монеты, вышедшие из обращения; они поблескивали в мерцании крошечных огоньков, крепившихся на шелковых гирляндах, обрамлявших изображения духов лоя¹².

– Важно то, что ты здесь; это что-то значит. – Ее лицо помрачнело. – Думаешь, ураган будет таким страшным, как говорят?

– Да.

– Настолько, чтобы ты решился выйти?

Дюпри глубоко вздохнул. Он ничего не сказал и только печально кивнул. Она подошла, чтобы быть ближе. Подняла правую руку, словно собираясь благословить, но вместо этого приложила два пальца над сердцем Дюпри. Рана горела под тканью рубашки, как будто он получил ее только что. Затем она взяла его руки и вложила в них кожаный мешочек. Сквозь кожу Дюпри ощутил внутри что-то вроде песка или земли. Он закрыл глаза, чувствуя одновременно облегчение и потрясение, и сунул его в карман. А когда снова открыл глаза, Нана безмятежно смотрела на него.

– Покончи с ним. И приведи домой моих девочек.

Он кивнул:

– Я сделаю все, что в моих силах, Нана.

– Поклянись. Даже если они мертвы. Приведи моих девочек домой.

Глаза Дюпри наполнились слезами.

– Клянусь, Нана. – Он отступил на шаг, пытаясь собраться с мыслями. – Но взамен ты должна пообещать мне, что покинешь город, как только закончишь. Транспорт по-прежнему выезжает. Я оплачу тебе гостиницу в Батон-Руж, в Далласе, где захочешь.

Она отрицательно покачала головой:

¹¹ Сантос – духи-покровители в религиозном течении сантерия, близком к вуду.

¹² Л о а – в религии вуду невидимые духи, посредники между богом и человеком.

– Ты не можешь просить меня об этом; ты знаешь, я не могу уйти. Но тебе не нужно обо мне беспокоиться. В округе есть и другие люди, парочка семей с детьми и несколько стариков вроде меня. Помнишь моих соседей, Дэвисов?

Дюпри кивнул. Он помнил бойкую соседку Наны. Два мужа, пятеро детей.

– Они тоже не уехали; Селета давно овдовела, у нее был инсульт, и она уже три года лежит парализованная в постели. Ее младший сын Бобби, тот, что о ней заботится, славный мальчик. У него есть старая машина, которая далеко не уедет, но он пообещал вывезти нас отсюда, если все станет совсем плохо. Говорят, что городской совет откроет крытый стадион «Супердоум» и сделает там убежище.

– Ох, Нана... – Дюпри вздохнул. – Стадион?

– Это на крайний случай, и это действительно безопасное место. Покойный отец Бобби работал на строительстве «Супердоума»; Бобби говорит, что он выше уровня моря, к тому же у него железобетонный фундамент. Это настоящий бункер. – Она улыбнулась, кивнув в сторону алтаря. – К тому же ты знаешь, я всегда слушаюсь моих сантос.

Дюпри попытался изобразить улыбку, но она не коснулась его глаз. Он все еще беспокоился. Вернувшись к открытой кухонной двери, взял сумку, которую оставил у входа, и произнес, протягивая ее Нане.

– Я подумал, что тебе это пригодится.

Она закрыла дверь, достала сверток, положила на стол и ножом разрежала шпагат и ткань, в которую Мейр завернул его. Внимательно изучила содержимое свертка: приоткрыла шелковистые конверты, прочла замысловатые закорючки, которыми Мейр пометил пакетики, проверила при свете свечей баночки и жестянки. Затем повернулась к Дюпри:

– У меня только один вопрос. Чего бы тебе хотелось, *mon cher*: отогнать ураган или при-
манить?

Глава 15

Дуэль

Новый Орлеан, штат Луизиана

Джозеф Эндрюс-младший носил джинсы и толстовку с логотипом Тулейнского университета. Слишком длинная темная челка падала на голубые глаза и резко контрастировала с его бледной кожи. Джозеф ждал в кабинете ректора, сидя с книгой за столом для общих собраний. Но он не читал. Его плечи были опущены, взгляд обращен внутрь. Амайя наблюдала за ним из коридора, прислушиваясь к шепоту ректора.

– Он отличный парень и блестящий студент. Мы очень его поддерживаем, особенно с тех пор, как узнали о трагедии. Он никогда не покидает университетский кампус, живет в студенческом общежитии. В июле и августе оставался здесь, изучал дополнительно лингвистику и литературу. Когда пришел приказ об эвакуации, мы предоставили убежище в главном здании тем, кто захотел остаться. Я знал, что Джозеф будет одним из них.

– Вы думаете, оставаться здесь разумно?

– Главное здание уже выдержало несколько ураганов, – уверенно сказал ректор.

Амайя заметила изменения, которые произошли в поведении Джозефа Эндрюса-младшего, когда они вошли в кабинет. Он сразу выпрямил спину и напряг плечи, которые, несмотря на удобу, стали заметны под тканью толстовки. Подняв голову, молодой человек мрачно посмотрел на вошедших сквозь темные пряди волос, затем бегло взглянул на удостоверения, которые оба ему предъявили. Джонсон представился, хотя они договаривались избежать излишних формальностей. Агент решил, у Амайи больше шансов разговорить такого молодого парня, как Джозеф Эндрюс, чем у него самого.

– Добрый день, мистер Эндрюс. Мы агенты Джонсон и Саласар из ФБР. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Могу я называть вас Джозефом?

– Ты не агент ФБР, – сказал парень, обращаясь к Амайе. – На твоём удостоверении написано «временное». Сколько тебе лет, двадцать два?

Джонсон сложил руки на груди и сделал шаг назад, уступая место своей спутнице. Он был прав. Несмотря на кажущуюся враждебность, парень явно предпочитал общество Амайи.

– Мне двадцать пять, и я действительно не агент, а заместитель инспектора полиции и временно сотрудничаю с ФБР. Зато он, – она кивнула на Джонсона, – настоящий агент. Мы из следственной группы и хотим поговорить о том, что случилось с твоей семьей.

Парень горько улыбнулся:

– О том, что случилось с моей семьей... С моей семьей ничего не *случилось*; случаются болезни, несчастные случаи, катастрофы... А моя семья была *убита*. Я повторяю это уже восемь месяцев. Почему ФБР заинтересовалось этим только сейчас?

Джонсон опустил глаза. Он не хотел лишний раз обнадеживать парня тем, что они раскроют дело, в котором, как казалось, все было очевидно.

– Мы всего лишь хотим прояснить некоторые моменты. Мы хотим знать, почему ты думаешь, что твою семью убил некто неизвестный.

– Я видел тело отца; у него на лице были следы от ударов, как будто он с кем-то дрался.

Джонсон посмотрел на Амайю с сомнением, и она сразу его поняла. Удары могла нанести жена во время самозащиты.

– И потом, я знал своего отца. И уверен, что он никогда не причинил бы нам вреда, – добавил парень.

Джонсон кивнул. Он уже слышал это объяснение.

Джозеф заметил его реакцию.

– Ты не понимаешь. Мои родители любили нас, любили друг друга, они были счастливы вместе. Мы радовались, когда видели, как они целуются или обнимаются. Мой отец был хорошим человеком и по-настоящему любил нас. Я не могу придумать ни единой причины, по которой он мог сделать подобное.

– Иногда переезд сам по себе изрядно дестабилизирует семью, а переезд из Калифорнии в Техас может повлечь за собой серьезные перемены, – предположила Амайя.

– Отец занимал в компании хорошую должность; мать по работе ездила по всей стране. Они ждали этого назначения несколько месяцев. А что касается перемен, в Калифорнии тоже не сплошные пляжи и серфинг. Сакраменто далеко от моря, а наш дом в Галвестоне стоял прямо на берегу. Переезд в Галвестон был отличным решением. У сестры появились новые друзья, мама была в восторге.

– Но не все члены семьи так хорошо приспособились. Похоже, у вашего младшего брата были проблемы. Соседи жаловались на него; один даже подал жалобу на то, что мальчик нанес ущерб его собственности.

– Ему было двенадцать, он был маленьким. Трудно менять школу, бросать друзей... У него случались приступы ярости, но это бывает у многих детей. Он вытоптал цветочную клумбу на соседском участке. Сосед даже не успел с нами познакомиться. Он подумал, что это хулиган, и позвонил в полицию, но родители извинились перед ним и заплатили за ущерб. Сосед проявил сочувствие и отозвал жалобу. На самом деле после этого инцидента они поддерживали прекрасные отношения. Это был тот самый сосед, который зашел посмотреть, как они пережили ураган, и... нашел их...

Амайя заметила, что парень не хочет называть вещи своими именами и не говорит, что все они были мертвы. Он говорил об убийстве, но избегал слова «мертвые».

– А в Сакраменто ты жил с родителями?

– Да.

– Странно, что они переехали, оставив тебя одного...

При этих словах ясные глаза Джозефа потемнели. Парень сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем ответить. Было ясно, что он злится.

– Они меня не бросили. За два месяца до переезда бабушка упала и сломала бедро. Ее прооперировали, и она шла на поправку, но когда пришло время переезжать, ей предстоял еще месяц реабилитации. Мы пытались договориться со страховщиком, но они отказались выплачивать страховку в случае смены города. Я еще не окончил курс, поэтому мы решили, что я останусь с ней в Сакраменто, пока она не закончит реабилитацию. А потом мы вместе отправимся в Галвестон.

– В Галвестоне вы собирались жить все в одном доме?

– Таков был план.

– И бабушка тоже? – спросила Амайя, бросив быстрый взгляд на Джонсона.

– Да, – ответил парень. – После того как она упала, мы решили, что она будет жить с нами.

– Кто знал, что ваша семья переезжает?

Джозеф пожал плечами.

– Думаю, многие. Соседи, друзья, все сотрудники отца, коллеги матери. Актеры из мамин театральной труппы, наши директора и преподаватели, страховщики из медицинской страховой компании... Я же говорил, переезд был запланирован.

– Детектив Нельсон сказал, что ты не возвращался в Галвестон после случившегося, а ректор утверждает, что ты не покидаешь кампус и останешься даже на время урагана.

Взгляд Джозефа снова потемнел, но на этот раз не от злости.

– Мне некуда ехать. – В его голосе звучала безнадежность.

– А бабушка?

Молодой человек опустил глаза, и на мгновение ей показалось, что он не ответит, но Джозеф удивил их:

– Вы когда-нибудь слышали выражение «умереть от горя»?

Амайя кивнула.

– Врач сказал, что она умерла от горя. Восстановление после операции шло отлично, но после убийства она впала в глубокую депрессию. Скончалась полгода назад, всего через два месяца после остальных.

Взгляд Джозефа устремился куда-то вдаль. Амайя внимательно наблюдала за его лицом. Подобное отстранение, вероятно, давало ему ощущение покоя, и Саласар была уверена, что он все чаще и чаще искал в нем укрытие от боли. Амайя знала, когда видела перед собой потенциального самоубийцу.

– Мне нужно услышать твою версию, – сказала она, выводя его из оцепенения.

– Мою версию... – повторил Джозеф и посмотрел на нее, словно очнувшись от сна.

– Ты ведь уверен, что твою семью убил кто-то чужой, проникший в дом. Наверняка ты не просто так думаешь, что твой отец этого не делал. – Амайя наклонилась вперед и произнесла с большей настойчивостью: – Что именно не складывается? Ты знал своих близких лучше, чем кто-либо другой. В каждом из нас есть нечто, что помогает нам чувствовать, если с дорогими людьми что-то происходит. Так расскажи нам. Скажи мне, что ты почувствовал. Было же что-то такое, чего не заметил детектив Нельсон, чего не увидел бы целый отряд детективов, только ты?

Джозеф посмотрел на Амайю. Дыхание его немного участилось, и она была уверена, что он вот-вот в чем-то признается. Но при этом понимала, как беспросветно его горе, а когда горе так велико, все остальное теряет значение. На мгновение Амайя испугалась, что парень отвернется, не сказав ни слова. Он действительно отвел взгляд, на несколько секунд уставившись в пустоту, но затем его взгляд снова прояснился.

– Скрипка, – твердо сказал он. – Скрипка без смычка, которая потом исчезла.

ДЖОЗЕФ

Джозеф Эндрюс-младший не уставал повторять, что ни секунды не верил в то, что его отец убил их семью. Он повторял эти слова снова и снова, но это была не совсем правда. Его уверенность дрогнула, когда перед ним появился детектив Нельсон. Этот человек старался быть сострадательным, но его голос выдавал правду, и правда эта заключалась в том, что детектив испытывал не сострадание, а только жалость. Джозеф был достаточно умен, чтобы угадывать природу эмоций, движущих другими людьми. Он знал, что жалость, которую чувствует к нему детектив, особого сорта: «Было бы лучше, если б ты умер вместе с семьей и избавил себя от этого кошмара». И именно эта жалость заставила его усомниться. У него закралось подозрение: может, есть что-то такое, что Нельсон знает и о чем не рассказывает? Весь вид детектива говорил о том, что его ничем не удивить, что он повидал худшее и привык к этому. Джозеф пытался подготовиться к тому, что увидит в доме родителей. Нельсон объяснил, не слишком вдаваясь в подробности, как выглядел дом, когда прибыли полицейские: беспорядок, разбитые стекла... Как ни сдерживал Джозеф собственное воображение, он снова и снова видел родных, лежащих на полу в гостиной, почти чувствовал запах крови и страха... Он знал, что недостаточно крепок, чтобы увидеть это на самом деле, что подобное зрелище навсегда изменит его жизнь. Но, готов он был или нет, ему предстояло это сделать. Тот самый сосед, который пожаловался на его младшего брата, разорившего клумбу, а потом обнаружил тела, оказался неплохим парнем. Как только полиция дала разрешение, он вызвал рабочих, которые забили разбитые окна деревянными панелями, и позаботился о том, чтобы внутри все убрали. Сосед попытался объяснить это Джозефу, провожая его до двери.

На удивление, Джозеф не почувствовал ужаса, к которому пытался себя подготовить. Вместо этого его охватило недоумение. Он слушал объяснения доброго самаритянина, высматривал на полу пятна крови, искал запах смерти, свидетельства происшедшего, но ничего не находил. Никаких следов недавнего кошмара. Зато Джозеф увидел рюкзак, висящий на вешалке у входа, с которым братишка ходил в школу. Он зачарованно вдыхал тонкий аромат белых орхидей, которые мать расставила по всей гостиной и которые будто заменяли ее. Привезенная из Сакраменто абстрактная картина в голубых тонах – ее нарисовала сестра год назад на уроке живописи – подчеркивала белизну стен. Огромный экран телевизора – купив его, отец пообещал, что они будут вместе смотреть футбол, а мать закатила глаза, изображая раздражение. Джозеф практически чувствовал их присутствие. Как будто они просто ушли в кино или отправились по магазинам и вернутся в любую минуту. Джозеф чувствовал себя измученным; он был всего лишь мальчиком, который приехал домой и скучал по своей семье. Он попросил доброго соседа уйти. Тот упирался как мог, не желая оставлять его одного, но в конце концов ушел, и Джозеф закрыл за ним дверь. После этого он вдруг ощутил прилив сил, словно в этих стенах его окружала энергия близких. И тогда Джозеф решил: это был его дом, и он останется здесь, где обитают души его родных. Это было возможно, он по-прежнему числился в здешнем университете; он привезет бабушку, и они будут жить вместе.

Часто, когда кто-то умирает, оставшиеся думают о том, чего бы хотел этот человек, если бы все еще был жив. Хотели бы они, чтобы их сын и брат остался в доме после всего, что произошло? Он не мог ответить на этот вопрос. Потому что в это мгновение увидел скрипку. Инструмент из темного дерева, такой безобидный на первый взгляд... Кто-то прислонил его к железному камину, который мать устала белыми свечами. И присутствие этой скрипки было столь же выразительно, словно убийца написал кровью на стене имена своих жертв.

Джозеф замер, неподвижно глядя на скрипку, замороженный ужасным осознанием того, что означало ее появление в этом доме. И вдруг на него навалилось ощущение, что он на кладбище, что он – единственное живое существо в этом месте. Не сводя глаз с инструмента, Джозеф попятился ко входу и открыл дверь. Ворвавшийся с улицы морской бриз избавил его от наваждения, и он понял, что дрожит. Он ошибался: это больше не его дом и его близкие никогда не вернуться, потому что их убил незнакомец, а этот проклятый полицейский – идиот, не способный увидеть того, что у него под носом.

Глава 16

Гладить хищника

Новый Орлеан, штат Луизиана

Детектив Джейсон Булл вел машину по пустеющим улицам, оживленно болтая с напарником, а сидевшие позади Джонсон и Амайя молча смотрели каждый в свое окно. Джейсон был уверен, что эти двое повздорили. Впрочем, со стороны было сложно понять, насколько серьезно. Джонсон догнал Амайю у машины и высказал ей что-то, на что та ответила с неожиданной хладнокровием. Эти люди из Вашингтона были воспитаны и вели себя безукоризненно: за всю дорогу от кампуса Тулейнского университета до отеля «Дофин» они едва обменялись двумя-тремя фразами.

Джонсон заметил, что Булл изучает его через зеркало заднего вида, и отвел взгляд. Булл считал его хорошим парнем; терпимым к различиям, легким в общении, без проблем признающим чужой талант, и было очевидно, почему Дюпри включил его в команду. Будучи человеком простым, он мог понять ревность Эмерсона, которую они в какой-то мере разделяли. Разница между Эмерсоном и Джонсоном заключалась в том, что первый был идиотом, а Джонсон достаточно долго проработал на своем месте, чтобы знать, что общее дело важнее чьих-то личных амбиций. Вот почему Эмерсон был с Такер во Флориде, а он – с Дюпри в Новом Орлеане.

Когда они с Амайей шли по коридорам университета, Джонсон безуспешно попытался дозвониться до Дюпри, но в ответ слышал лишь бесконечные гудки. После каждой неудачной попытки он нажимал отбой и устало косился на свою спутницу. Он не понимал ее. Видит бог, он старался, но рядом с ней ему постоянно казалось, что он имеет дело с тигром. Ее грациозное и обманчивое спокойствие представлялось ему лишь красивым полосатым узором на шкуре коварного хищника. Прежде чем войти в кабинет ректора, Джонсон подумал, что из-за молодости Джозефу Эндрюсу проще будет разговаривать с Саласар, чем с ним. Он не ошибся. Джонсон отступил и не вмешивался, позволив ей самостоятельно вести допрос. И Саласар хорошо справилась. Она продемонстрировала смесь силы и мягкости, которая сразу же возымела эффект. За мгновение до того, как Джозеф заговорил, Джонсону показалось, что парень вот-вот замкнется в себе. Он видел, как Джозеф поставил локти на колени и спрятал лицо в ладонях, как будто его сейчас стошнит. Амайя подвинула стул, так что их колени почти соприкасались, и, повторив его позу, наклонилась, пока их головы не оказались чуть ли не вплотную друг к другу. И только тогда он заговорил. Джозеф рассказал, как вернулся домой, как обнаружил скрипку, как в тот же миг понял, что ее оставил убийца, и как детектив Нельсон не придавал значения его уверенности, считая ее слишком слабым оправданием для того, что оправдать невозможно.

Казалось, этот рассказ отнял у него последние силы.

Джонсон подошел к Амайе, наклонился и прошептал:

– Насчет Нельсона я согласен. Но при чем тут скрипка?

Она повернулась к нему: глаза горят, мышцы напряжены. Вся начеку.

– Я видела скрипку на ферме Алленов.

– Это может быть совпадением... – начал возражать Джонсон.

Амайя не дала ему закончить, поднялась с места и подошла почти вплотную, чтобы парень не мог их услышать.

– Я уверена, что похожий инструмент был и на фотографиях с места убийства Мейсонов в Техасе; я видела его в комнате, где были обнаружены тела. На одном из снимков была видна часть изогнутой деки и подбородник, только я не поняла, была ли это скрипка или альт...

– Серьезно? Сперва Композитор, а теперь и скрипка? – спросил Джонсон, чуть повысив голос.

Их спор привлек внимание Джозефа, который поднял голову и посмотрел на Амайю с проблеском надежды в глазах.

– Не я придумала ему это дурацкое имя, – прошептала она, выразительно посмотрев в сторону парня.

Джонсон благоразумно промолчал, увидев, как смотрит на него Джозеф. Ему был знаком этот взгляд. Настоятельная потребность в чем-то, в чем угодно, что помогло бы найти ответ, – проклятие любого следователя. Но он признавал опасность такой надежды. Это все равно что вдыхать воздух в легкие утопленника: рискуешь создать эмоционального иждивенца, который будет преследовать тебя, требуя все больше и больше, в надежде на то, чего ты не сможешь дать. Джонсон спросил себя, не это ли случилось с детективом Нельсоном: неспособность перевернуть страницу своей жизни и наконец оставить последние несколько месяцев позади. Амайя избегала его взгляда, явно пытаясь вспомнить детали на фотографиях с места убийства Мейсонов. Как он сам ни старался, не мог вспомнить, была ли скрипка посреди того хаоса. Ему казалось, что ее не было. Но он не мог быть уверен. Джонсон с тревогой посмотрел на Амайю.

– Если это так...

– Я уверена, что там была скрипка. Позвоните Дюпри, мы должны немедленно вернуться в отель. Надо переговорить с детективом Брэдом Нельсоном и еще раз посмотреть снимки, – сказала Саласар, взглянув на часы. – Одна из полицейских в Техасе сказала, что все содержимое фермы Алленов поступит на судебный склад. Если мы поторопимся, то, возможно, успеем связаться с управляющим склада до закрытия. И есть шанс, что вещи с других мест преступления постигла та же участь.

Прежде чем покинуть кабинет ректора, Джонсон наклонился вперед, опираясь на стол, и посмотрел прямо на Джозефа, неподвижно сидевшего на своем месте.

– Автобусы все еще отправляются. Если поторопишься, успеешь уехать. Остаться здесь опасно.

– А что со мной может случиться? Я умру? – ответил парень с обескураживающим равнодушием.

Джонсон не знал, что ответить. Вместо него это сделала Амайя:

– Ты не должен умирать. Ты сможешь нам поймать убийцу своей семьи.

Джозеф выпрямился; казалось, в куку без костей внезапно вдохнули глоток жизни. Он медленно кивнул.

– Тогда я не умру, – сказал он, глядя на Амайю почти с благоговением. Это прозвучало как обещание.

Она посмотрела на него с гордостью. По какой-то удивительной для Джонсона причине Амайя разделяла его чувства.

– Дай мне номер, по которому я смогу связаться с тобой, а потом уезжай из города.

* * *

Джонсон набрал номер Дюпри, но телефон по-прежнему был занят. Он снова посмотрел на Саласар, которая, в отличие от него, казалось, совсем не страдала от тяжести их разногласий. Ее лицо было расслабленным, и она смотрела на проносящийся за окном машины город с тенью улыбки на губах. Сейчас Амайя казалась совсем юной, почти подростком. Джонсон заметил, как девушка несколько раз быстро моргнула, и понял, что она борется с сонливостью. Очевидно, за все время, прошедшее с поездки в Техас, составления отчета и полета рано утром в Новый Орлеан, Саласар спала всего несколько часов. Джонсон покачал головой. Ей удалось вывести его из себя, и ему придется смириться с этим. В конце концов, он был опытным агентом и не имел привычки игнорировать приказы начальства. Но в этой Саласар чувствовалась

излишняя самоуверенность, которая раздражала его. Конечно, она делала это не нарочно, но в ее манере говорить Джонсон улавливал упрямую решимость, граничащую с безрассудством.

– Саласар, я считаю, что вы ошиблись, подав парню надежду. Меня тоже тронуло его отчаяние, поэтому я и просил его покинуть город; но вы, – на лице агента отразилась досада, кончики усов недовольно опустились, – вы солгали ему. Вы не можете утверждать то, что сказали ему. Мы не уверены, что дело его семьи – работа Композитора, и вы видели его реакцию: он будет цепляться за любую гипотезу, лишь бы не мириться с очевидным. Этот парень – потенциальный самоубийца.

Амайя на мгновение застыла, а затем повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Действительно тигрица. Даже голос напоминает мурлыканье.

– Агент Джонсон, единственное, что помогает избежать смерти, – это попытаться не умереть прямо сегодня. А это не всегда достижимо.

В ней снова чувствовалось это проклятое высокомерие, а слова ее звучали как поучение. Боже, эта девчонка слишком молода, чтобы так разговаривать...

– Неужели? А что будет завтра, если вы сообщите ему, что ошиблись? Что вовсе не серийный убийца убил его семью, а собственный отец?

– Он проживет еще один день. Еще один день, полный возможностей, неожиданных встреч с людьми, постижения уроков жизни и стойкости. Можно научиться выживать, только если ты жив, – а если ты умерла, шансов у тебя нет.

Джонсон промолчал. Саласар сказала «умерла», и он был уверен, что это не оговорка. Она имела в виду не парня, о котором они только что говорили.

Глава 17

Перед тем как умереть

Элисондо

Единственным спасением было побыстрее заснуть. Амайя любила спать. Во сне она была в безопасности; если б *она* явилась во время сна, Амайя не узнала бы об этом, а то, о чем она не знает, не может причинить ей боли. Как-то ночью она случайно заснула – просто заснула, и все; возможно, потому, что почти не спала накануне. Заснула и, проснувшись утром, поверить не могла, как же это здорово – спать, не чувствуя страха. С тех пор ей это не удавалось, но она старалась, старалась изо всех сил. Она всегда ложилась спать первой; чистила зубы, чтобы из-за забывчивости не пришлось снова вставать, шла в туалет, чтобы желание облегчить мочевой пузырь не разбудило ее посреди ночи. Готовила вещи к школе, приводила в порядок одежду, ложилась и закрывала глаза, стараясь вызвать сон, желая, чтобы сон поскорее пришел, а вместе с ним – тишина и забвение...

«Засыпай!»

Отвернувшись к стене, Амайя закрывала глаза, стараясь не обращать внимания на болтовню сестер, которые перешептывались, лежа под одеялом и рассказывая друг другу секреты. Сквозь плотно сжатые веки она видела, словно на оранжевом экране кинотеатра, как меняется интенсивность света – это гас светильник на потолке и включался ночник на столике Флоры, которая перед сном еще некоторое время читала.

«Спи!»

Амайя слышала, как входит в комнату отец, как он целует сестер и желает им доброй ночи. Потом подходит к ее кровати, неуверенно склоняется над ней. Иногда он нежно гладил ее волосы на затылке; но чаще всего не прикасался к ней из страха, что она проснется; просто поправлял одеяло и осторожно ее укутывал.

«Спи!»

Это была величайшая жертва. Амайя отказывалась от теплого отцовского поцелуя, чтобы не спугнуть сон, который вот-вот должен была прийти, прийти в любой момент.

«Спи, это твой последний шанс!»

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь резким шелестом страниц в книге Флоры, пока через двадцать минут из коридора не доносился голос матери, приказывающий сестре гасить свет.

Если перед этим Амайя не засыпала, то знала, что дальше этого сделать уже не удастся.

«Ты не справилась, и теперь *она* придет».

С этого момента минуты и часы сменяли друг друга, а она все ждала.

«Ни в коем случае не ложись на спину!»

Если Амайя лежала на спине, – помимо жара *ее* дыхания, она чувствовала близость *ее* губ, волосы, скользящие по ее лицу, капельки горячей слюны, увлажнявшие ее щеку, а этого она вынести не могла.

«Ни в коем случае не ложись на спину!»

А еще нельзя было смотреть в сторону двери; если она ложилась к ней лицом, невозможно было не открыть глаза и не следить. При виде *ее* силуэта, четко обозначившегося в прямоугольнике двери, Амайю начинала бить дрожь, которую она не могла унять. Да, она закрывала глаза, крепко сжимала веки и притворялась спящей, но было поздно; обе они знали, что Амайя не спит, обе знали, что она все видит, и почему-то у нее было чувство, что это увеличивает чужое садистическое удовольствие, что *она* питается ее страхом, когда наклоняется над ней, чтобы сказать:

– Спи спокойно, маленькая сучка, сегодня хозяйка тебя не съест.

Амайя отчетливо слышала звук, с которым стекала ее слюна. Костяной скрежет зубов. Чувствовала кожей чужое улыбающееся лицо. И умирала от страха.

«Нет, не смотри на дверь».

Теперь она всегда ложилась лицом к стене; услышав, как хозяйка крадется по коридору, она закрывала глаза, замирала и молилась.

«Отче наш отче наш отче наш отче наш отче наш...»

Лежа на спине или лицом к двери, Амайя была так же беззащитна, как и повернувшись лицом к стене, однако в этой ее позе был вызов, который оскорблял *ее*, смущал и беспокоил в равной степени. Это демонстративное презрение приводило *ее* в ярость, но в первую очередь сбивало с толку. Хозяйка знала свою силу и ужас, который вызывала в ней, но когда Амайя впервые поджидала ее, отвернувшись к стене, произошла перемена. Она слышала, как мать вошла в комнату и подошла к ее кровати. Она чувствовала, как чужие глаза пристально смотрят на нее, так старательно сжимающую веки, что сразу становилось понятно, что она только притворяется спящей. Амайя чувствовала ее дыхание на своем ухе, на щеке, чувствовала жар, горевший у нее на губах. Приоткрытый рот Росарии был совсем рядом, когда она глубоко вдохнула, собираясь заговорить: несколько волос Амайи прилипли к ее зубам. Время шло, но она так ничего и не сказала, лишь промычала что-то, дрожа от бессилия. Затем вдруг отстранилась – волосы Амайи выскользнули у нее изо рта – и ушла. Словно на прокрученной в обратную сторону киноленте, она попятилась к двери спальни и остановилась там, наблюдая за дочерью, а Амайя молилась, теперь уже с широко открытыми глазами, обращаясь во тьму:

«Отче наш отче наш отче наш...»

Глава 18

Смычок

Новый Орлеан, штат Луизиана

Вечер субботы, 27 августа 2005 года

Амайя открыла глаза. Неужели она уснула?

– Саласар, – тихо позвал ее Джонсон, – агент Дюпри на связи.

В машине действительно раздавался голос Дюпри. Голова кружилась. Амайя сосредоточилась, чтобы понять, о чем он говорит.

– Целая семья была найдена мертвой у себя в доме в Тампе, штат Флорида. Эмерсон и Такер сейчас на месте преступления. Они у нас на громкой связи... Агент Такер, мы вас слышим.

Голос Такер звучал едва разборчиво, когда агент перечисляла совпадения. Амайя все еще чувствовала себя увязшей в сетях сна. Помехи на линии и сильный акцент Такер мешали понять ее, и Амайе пришлось приложить усилие, чтобы разобрать сказанное.

– Речь идет о Сэмюелсах, но это могла быть любая семья из нашего списка. Я как будто снова в Техасе: все то же самое, один в один. Родители, трое детей, два мальчика и девочка, и бабушка. Следы от связывания, выстрелы в голову из револьвера двадцать второго калибра, принадлежащего отцу. Головы направлены на север, возраст тот же.

– Мы ошиблись, это не Новый Орлеан; на этот раз его занесло во Флориду, – пробормотал Джонсон.

– Мы не ошиблись, у нас там половина команды, – возразил Дюпри.

«Ага, половина», – смиренно подумал Джонсон.

– Агенты Эмерсон и Такер продолжают расследование, будут охранять тела жертв, изучат место преступления и все улики, которые удастся обнаружить. Как только тела позволят перевезти, они будут присутствовать на вскрытии. Мы остаемся здесь. С момента убийства Алленов прошло всего четыре дня. Очевидно, что он ускорился. Что-то заставляет его быстрее расправляться с семьями, и вряд ли он сейчас остановится. Думаю, он придет сюда, – сказал Дюпри. – Так что вы ничего не потеряете.

– Агент Такер, – перебила его Амайя, – это заместитель инспектора Саласар. Вы сейчас там?

Расстояние придало голосу Такер металлический оттенок.

– Да, мы тут с коронером.

– Проверьте, нет ли рядом с телами скрипки. Если стоять у убитых в ногах, то она наверняка окажется где-то над их головами. Скорее всего, выглядит как любой другой предмет, сбитый ураганом.

Прошло всего две секунды, прежде чем Такер ответила:

– Да, я вижу скрипку. Лежит на полу между головами матери и старшего сына, слегка под уклоном вправо, придавлена сверху опрокинутым стулом. Как вы узнали, что она тут будет?

– Саласар, объясните мне, что происходит, – потребовал Дюпри.

Вместо ответа Амайя жестом указала на Джонсона и, устало закрыв глаза, снова склонила голову к окну.

Неожиданно для себя Джонсон нисколько не разозлился на это и просто ответил:

– Агент Дюпри, мы приехали. Детектив Булл паркуется во дворе отеля. Увидимся через минуту. Агент Такер, попробуйте найти смычок от скрипки. Если это Композитор, его не будет.

* * *

Дюпри выслушал показание Эндрюса, тщательно изучая фотографии с места преступлений. Он согласился с тем, что на одной из фотографий, сделанных в доме Мейсонов, имелось нечто похожее на подбородник и скрипичную деку. Они попали на снимок случайно, когда фотограф снимал трупы. Несмотря на то что место преступления было тщательно отснято, обилие разбросанных вещей, смешанных с грязью, пылью, ветками и прочим мусором, а также попытки очистить тела от прикрывавших их стульев не позволяли точно реконструировать изначальный вид сцены. В убийствах в Кейп-Мей, Бруксвилле и Киллине места преступления рассматривались как результат стихийных бедствий, и основное внимание было направлено на спасение возможных выживших. На других фотографиях ничего похожего на скрипку видно не было.

Джонсон посмотрел на Амайю.

– Заместитель инспектора Саласар разговаривала в Техасе с местной женщиной-полицейским, которая сообщила, что они составят подробный перечень найденных в доме вещей, а затем поместят их на государственный склад, пока их не потребуют потенциальные наследники.

– Хорошо, – сказал Дюпри, взглянув на часы, – мы займемся этим, как только закончим с детективом Нельсоном. Капитан обещал, что перезвонит через две минуты. Агенты Эмерсон и Такер присоединятся к нашему разговору из Тампы.

Капитан был человеком слова и в назначенное время соединил их с агентом Брэдом Нельсоном. Дюпри быстро обрисовал ему ситуацию:

– Дело об убийстве семьи Эндрюс имеет много общего с серией семейных убийств, которые мы расследуем. С этого момента оно переходит к ФБР. Ваш бывший капитан из Галвестона прислал нам все материалы следствия и предложил сотрудничество; мы надеемся, что вы тоже присоединитесь... Само собой разумеется, вы ни с кем не должны обсуждать содержание этого разговора.

– А с кем я, по-вашему, собирался его обсуждать? Ладно, делайте что хотите, – ответил Нельсон пренебрежительно, – это уже не мое дело. Вот уже как несколько месяцев. И не забудьте сообщить об этом Джозефу Эндрюсу, пусть он теперь вас достает.

– Детектив, говорит заместитель инспектора Амайя Саласар.

Детектив Брэд Нельсон смиренно выслушал ее версию. И да, они видели проклятую скрипку, устало ответил он. Скорее всего, это был элемент декора, не используемый по назначению. Скрипка – не та улика, которую убийный отдел может рассматривать как доказательство чьего-то присутствия на месте убийства и самоубийства. Они не нашли ничего постороннего; ни волос, ни отпечатков пальцев, ни следов какого-либо другого рода. Ничего, указывающего на то, что там побывал посторонний. Скорее всего, скрипка была частью реквизита для спектакля, в котором играла мать, или их младший сын начал брать уроки музыки.

– Детектив Нельсон, это агент Джонсон. Вы знали, что миссис Эндрюс была дизайнером интерьера и что она лично занималась оформлением нового дома?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.